

ЭДВАРД ЭДИНГЕР

"ЭГО И АРХЕТИП"

ЧАСТЬ I

Индивидуация и стадии психологического развития

И если верно то, что мы приобрели наше знание до нашего рождения и утратили его в момент рождения, но, впоследствии, благодаря восприятию чувственных объектов с помощью наших органов чувств вновь обрели знание, которым мы некогда владели, я думаю, что то, что мы называем учением, есть восстановление нашего собственного знания...

ПЛАТОН

Федон. Сочинения, т. 2. М, 1970, с. 38.

ГЛАВА I. Инфляция эго

Солнце не преступит положенных мер, а не то его разыщут Эринии, союзницы правды.

ГЕРЛКЛИТ

1.ЭГО И САМОСТЬ

Юнг сделал фундаментальное открытие, которое имело далеко идущие последствия,—он открыл коллективное бессознательное, или архетипическую психику. Проведенные Юнгом исследования позволили нам узнать, что индивидуальная психика является не только продуктом личного опыта, но и обладает доличностным или трансличностным измерением, которое проявляется в универсальных паттернах и образах всех мировых религий и мифологий. Далее Юнг открыл, что архетипическая психика обладает структурирующим или упорядочивающим принципом, который позволяет объединять различные архетипические содержания. Этот центральный архетип, или архетип целостности, получил у Юнга название Самости. Самость является упорядочивающим и объединяющим центром всеобщего психического начала (сознательного и бессознательного) аналогично тому, как эго является центром сознательной личности. Иными словами, эта является центром субъективной идентичности, а Самость—центром объективной идентичности. Таким образом, Самость является высшим психическим авторитетом, которому подчиняется эго. В упрощенном виде Самость можно описать как внутреннее эмпирическое божество. Она совпадает с образом Божиим (imago Dei). Юнг показал, что Самость имеет характерную феноменологию. Ее выражают с помощью определенных символических изображений, которые называются мандалами. К мандалам относятся все изображения, выделяющие особое значение круга с центром, которые обычно сопровождаются фигурами квадрата, креста или иного образа четверицы или кватерности.

С Самостью также связан и ряд других фигур, событий и предметов исследования. К их числу относятся: целостность, совокупность, союз противоположностей, центральный генеративный момент, центр мира, ось мироздания, творческий момент встречи Бога с человеком, момент переноса сверхличностной энергии в личную жизнь, вечность как противоположность потоку времени, нетленность, парадоксальное соединение неорганического с органическим, защитные структуры, способные извлекать порядок из хаоса, превращение энергии в эликсир жизни. Все эти области рассмотрения имеют непосредственное отношение к Самости, центральному источнику жизненной энергии и нашего бытия, который в упрощенном виде можно описать как Бога. Действительно, богатейшие источники феноменологических исследований Самости содержатся в бесчисленных созданных человеком изображениях божества.

Поскольку существуют два независимых центра психической жизни, связь между ними приобретает существенное значение. Отношение эго к Самости носит весьма проблематичный характер и имеет близкое сходство с отношением человека к своему Создателю, которое нашло отражение в религиозном мифе. Действительно, миф можно рассматривать как символическое

выражение взаимосвязи между эго и Самостью. Многие особенности психологического развития можно понять благодаря изменчивой взаимосвязи между эго и Самостью на различных этапах психического роста. Развитие взаимосвязи между эго и Самостью составляет предмет нашего исследования.

Сначала Юнг описал феноменологию Самости применительно к ее разворачиванию в процессе индивидуации во второй половине жизни. На основе мифологического и этнографического материала Нойманн символически охарактеризовал первоначальное психическое состояние, предшествующее рождению сознания эго, как уроборос. Используя круговое изображение "пожирателя хвоста", Нойманн описал первоначальную Самость, первоначальное состояние мандалы всей совокупности психического, из которого рождается индивидуальное эго. На основе клинических наблюдений за младенцами и детьми Фордхам также постулировал Самость как первоначальную совокупность психического, предшествующего появлению эго.

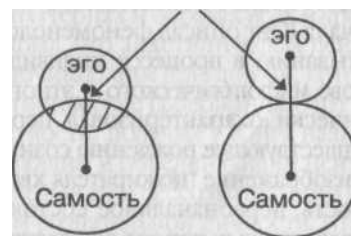
Вообще говоря, среди аналитических психологов принято считать, что задача первой половины жизни состоит в развитии эго, которое сопровождается нарастающим отделением эго от Самости; вторая половина жизни требует капитуляции или, по меньшей мере, релятивизации эго по мере развития его отношения к Самости. Поэтому в настоящее время рабочая формула имеет следующий вид: первая половина жизни характеризуется отделением эго от Самости, а вторая — воссоединением эго с Самостью. Эта формула, быть может и верная как широкое обобщение, не учитывает результаты многих эмпирических наблюдений в области детской психологии и психотерапии взрослых. Согласно этим наблюдениям, более корректной будет круговая формула, которую в схематическом виде можно представить следующим образом:

Отделение эго от Самости --- Соединение эго с Самостью

Чередование соединения эго с Самостью и отделения эго от Самости происходит неоднократно на протяжении всей жизни индивида, как в детские годы, так и в зрелые. Действительно, эта циклическая (или, точнее, спиральная) формула отражает основной процесс психологического развития от рождения до смерти.

С этой точки зрения взаимосвязь между эго и Самостью на различных стадиях развития можно представить в виде следующих схем:

Ось эго—Самость

На этих схемах показаны последовательные стадии отделения эго от Самости на протяжении психологического развития. Заштрихованные участки сферы эго обозначают остаточную идентичность эго и Самости. Соединительная линия между центром сферы Самости обозначает ось эго-Самость, которая выполняет важную роль соединительного звена между эго и Самостью, обеспечивающего целостность эго. Следует учитывать, что эти схемы предназначены для иллюстрации определенной мысли и поэтому не характеризуются строгостью в остальных отношениях. Например, обычно мы определяем Самость как всю совокупность психического, которая неизбежно включает в себя эго. На основе схем и способа их представления можно предположить, что эго и Самость составляют две отдельные сущности, причем эго представляет меньшую часть всей совокупности психического, а Самость—большую. Эта трудность присуща самому предмету рассмотрения. С рациональной точки зрения мы должны проводить различия между эго и Самостью, а это противоречит нашему определению Самости. Дело в том, что концепция Самости включает в себе парадокс. Самость одновременно составляет и центр, и окружность круга всей совокупности психического. Представление эго и Самости в виде двух отдельных сущностей служит лишь необходимым средством для рассмотрения их с позиций разума.

Схема 1 соответствует первоначальному уроборическому состоянию (согласно Нойманну). Ничего не существует, кроме мандалы Самости. Зародыш эго присутствует здесь как потенциальная возможность. Эго и Самость составляют единство, а это значит, что эго не существует. Таково общее состояние первичной идентичности эго и Самости.

На схеме 2 показано развивающееся эго, которое начинает отделяться от Самости, но центр и большая часть сферы эго находятся в состоянии первоначальной идентичности с Самостью.

На схеме 3 показана следующая стадия развития, на которой, однако, сохраняется остаточная идентичность эго и Самости. Ось эго-Самость, представленная на первых двух схемах как полностью бессознательная и поэтому неотличимая от идентичности эго и Самости, теперь стала отчасти сознательной.

На схеме 4 показан идеальный теоретический предел, который в действительности, быть может, и не существует. На схеме представлены полное отделение эго от Самости и полная сознательность оси эго-Самость.

Эти схемы поясняют тезис о том, что психологическое развитие характеризуется двумя одновременными процессами: нарастающим отделением эго от Самости и постепенным переходом оси эго-Самость в сферу сознательности. Если такую интерпретацию актов признать правильной, тогда отделение эго от Самости и обусловленный Самостью рост сознательности эго в действительности составляют две стороны единого процесса, который развивается от рождения до смерти. С другой стороны, наши схемы показывают в общем виде обоснованность ограничения осознания относительности эго пределами второй половины жизни. Если считать, что схема 3 соответствует среднему возрасту, тогда мы видим, что только на этой стадии - верхний участок оси эго-Самость стал входить в сферу сознательности.

Процесс, с помощью которого осуществляются стадии психического развития, представляет собой переменный цикл, показанный на схеме 5 (с. 48). Непрестанное повторение этого цикла на протяжении всего психического развития приводит к нарастающей дифференциации между эго и Самостью. На более ранних стадиях, приблизительно отражающих первую половину жизни, этот

цикл воспринимается как чередование двух состояний: инфляции и отчуждения. Третье состояние появляется, когда ось эго-Самость достигает сознательности (схема 3), для которой характерна сознательная диалектическая взаимосвязь между эго и Самостью. Это состояние называется индивидуацией. В настоящей главе мы рассмотрим первую стадию, инфляцию.

2.ИНФЛЯЦИЯ И ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

В словаре приводится следующее определение слова инфляция: "преувеличенный, наполненный воздухом, нереально большой и неправдоподобно важный, пребывающий за пределами своих собственных размеров; отсюда такие значения, как тщеславный, самовлюбленный, гордый и самонадеянный".⁶ Я употребляю термин "инфляция" для описания психологической установки и состояния, которое сопровождает идентификацию эго с Самостью. В этом состоянии нечто малое (эго) присваивает себе качества чего-то большого (Самости) и в результате настолько увеличивается, что выходит за пределы своих размеров.

Мы рождаемся в состоянии инфляции. В младенческие годы не существует ни эго, ни сознания. Все находится в сфере бессознательного. Латентное эго пребывает в состоянии полной идентификации с Самостью. Если Самость рождается, то эго создается. Но поначалу все есть Самость. Нойманн описывает это состояние с помощью образа уробороса (пожирающего свой хвост змея). Поскольку Самость составляет центр и всю совокупность психической жизни, эго, находясь в состоянии полной идентификации с Самостью, воспринимает себя как божество. Мы можем сформулировать эту мысль в форме ретроспективы, хотя младенец, разумеется, так не думает. Он пока вообще не способен думать. Вся его психическая жизнь и переживания группируются вокруг априорного допущения существования божества. Это первоначальное состояние бессознательной целостности и совершенства служит причиной нашей ностальгии по своим истокам, как личным, так и историческим.

Многие мифы описывают первоначальное состояние человека как состояние округленности, целостности, совершенства или блаженства. Гесиод записал греческий миф о четырех веках человечества. Первый век—это золотой век, когда на земле был рай. Вторым был серебряный век, эпоха матриархата, когда мужчины подчинялись женщинам. Третьим был бронзовый век, эпоха войн. Четвертым был железный век. Гесиод охарактеризовал этот век как эпоху полного упадка. О золотом веке, блаженном состоянии человечества, Гесиод пишет так:

"(Золотая раса людей) жила подобно богам, без печали, трудов и забот... У них были все блага, ибо плодородная земля без принуждения приносила им обильные плоды. Они жили в мире и покое на своих землях. Их окружало множество хороших вещей. Их стада были тучны. Они были любимы блаженными богами".

В блаженный век люди пребывали в единении с богами. Этот век олицетворяет состояние еще нерожденного эго. Эго еще не рассталось с чревом бессознательного и поэтому участвует в божественной полноте и всеобщности.

Другой миф о первочеловеке можно найти у Платона. Согласно этому мифу, первочеловек был круглым и своим видом походил на мандалу. По этому поводу в своих "Диалогах" Платон пишет

следующее:

"Первозданный человек был округл, и очертаниями своих боков и спины походил на круг... Ужасны были сила и могущество первозданных людей, помыслы их сердец были велики; они напали на богов ...и чуть было не подчинили их своей власти ...но боги не могли смириться с их дерзостью".⁸

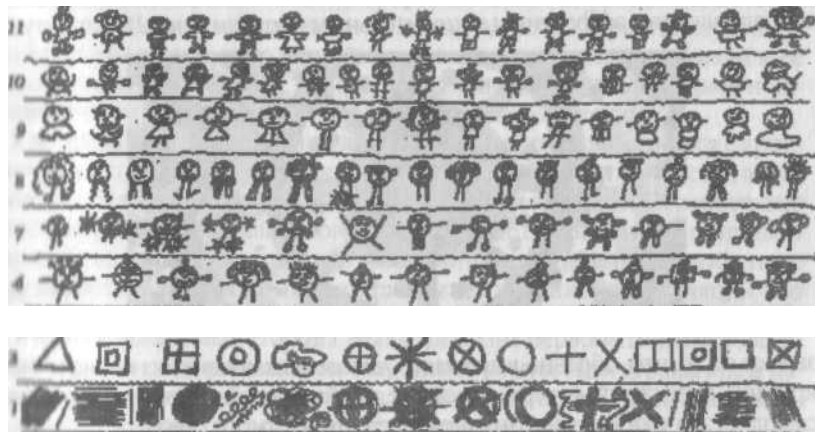

Рис 1. Последовательность гештальтов в направлении снизу вверх отражает возможную эволюцию человеческих фигурок на рисунках детей младшего возраста.

В этом фрагменте в установке ясно очерчена инфляционная самонадеянность В начальный период существования округлость равнозначна мнению человека, что он завершен и целостен и поэтому является богом, который может творить что угодно. Существует интересная параллель между мифом о первозданно круглом человеке и проведенными Родой Келлог дованиями в области искусства детей дошкольного возраста. Она отметила, что изображение мандалы или круга доминирует в рисунках маленьких детей, впервые приступивших к рисованию. Вначале двухлетний ребенок с помощью карандаша или цветного мелка просто рисует каракули, вскоре его внимание привлекает пересечение линий, и он начинает рисовать крестики. Затем крестик помещается в кружочек, и мы получаем исходную модель мандалы. Когда ребенок пытается нарисовать человеческие фигурки, они, вопреки зрительному восприятию, получаются в виде кружочков с руками и ногами, изображенными в виде похожих на лучи продлений кружочка (рис.1). Эти исследования дают эмпирические данные, которые свидетельствуют о том, что в раннем возрасте дети воспринимают человека как круглую, похожую на мандалу структуру и убедительно подтверждают психологическую точность платоновского мифа о первоначально круглом человеке. Детские терапевты также считают, что для детей мандала является эффективным целительным образом (рис. 2).

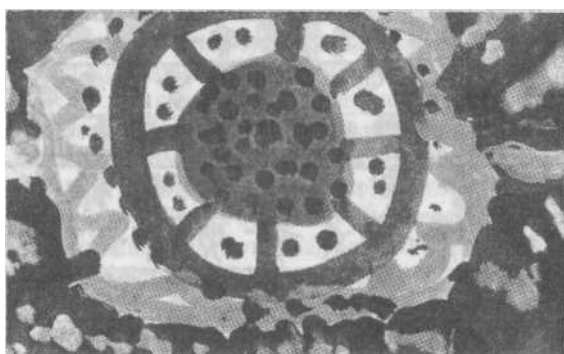

Рис. 2. Этот рисунок, сделанный семилетней девочкой во время психотерапевтических занятий, свидетельствует о восстановлении психического равновесия.

Все это указывает на то, что, образно выражаясь, человеческая психика вначале была круглой, целостной, совершенной, т.е. пребывала в состоянии единства и самодостаточности, равнозначном состоянию самого божества.

Архетипическая идея, устанавливающая связь между детством и близостью к божеству, нашла отражение в оде Водсворта "Знаки бессмертия": *Наше рождение есть лишь сон и забвение: Душа, появляющаяся с нами, звезда нашей жизни, Обитает в иных местах И пришла издалека. Не в полном забвении И не в абсолютной наготе, Но в облаках славы исходим мы от Бога, И он есть наша обитель: Те небеса, что в детстве окружают нас!*

С точки зрения более зрелого возраста, тесная связь детского эго с божеством отражает состояние инфляции. Многие из последующих психологических проблем обусловлены последствиями такой идентификации с божеством. Возьмем в качестве примера психологию ребенка в первые пять лет его жизни. С одной стороны, это время свежести восприятия и реагирования; ребенок непосредственно соприкасается с архетипическими реальностями жизни. Это стадия самобытной поэзии, когда в каждом самом обычном событии таятся величественные, пугающие трансперсональные (межличностные) силы. Но, с другой стороны, ребенок способен вести себя как эгоистическое, жестокое и алчное животное. Фрейд охарактеризовал состояние детства как полиморфное извращение. Это довольно нелестная характеристика, но, по меньшей мере, отчасти, она справедлива. Детство невинно, но оно и безответственно. Поэтому детство характеризуется не только неоднозначностью тесной связи с архетипической психикой и ее сверхличностной энергией, но и бессознательной идентификацией и нереалистической соотнесенностью с архетипической психикой.

У детей, как и у первобытной личности, эго идентифицируется с архетипической психикой и внешним миром. У первобытных личностей абсолютно отсутствует различие между внутренним и внешним. Первобытные личности привлекают цивилизованное сознание своей связью с природой и гармонической включенностью в жизненный процесс. Но первобытные люди являются дикарями, они подвержены тем же ошибкам инфляции, что и дети. Образ первозданной личности вызывает чувство острой тоски у современного человека, отчужденного от истоков смысла жизни. Этим объясняется привлекательность концепции "благородного дикаря" у Руссо и в более поздних работах, отражающих ностальгию современного сознания по утраченной мистической связи с природой. Это одна сторона, но существует и другая, негативная сторона. Реальная жизнь первобытного человека связана с грязью, она унижительна и проникнута чувством страха. Мы и на мгновение не захотели бы оказаться в такой реальности. Так что лишь первобытный символизм и составляет предмет нашей ностальгии.

Оглядываясь на наши психологические истоки, мы обнаруживаем в них двойственный смысл: во-первых, мы видим в них состояние блаженства, целостности, единства с природой и богами; во-вторых, по нашим сознательным, человеческим меркам, соотнесенным с пространственно-временной реальностью, наши психологические истоки отражают состояние инфляции: безответственности, необузданной похоти, высокомерия и грубой чувственности. Для взрослого человека основная проблема заключается в том, как достигнуть единства с природой и богами, с которых начинается жизнь ребенка, без того, чтобы впасть в инфляцию отождествления с ними.

Такая постановка вопроса справедлива и для проблемы воспитания детей. Каким образом можно эффективно помочь ребенку освободиться от состояния инфляции и сформировать реалистическое, ответственное представление о его отношении к миру, сохраняя при этом живую

связь с архетипической психикой, которая необходима, чтобы сделать его личность сильной и жизнерадостной? Проблема состоит в том, чтобы сохранить целостность оси эго-Самость, разрушая при этом идентификацию эго с Самостью. Этот вопрос лежит в основе всех споров о взаимосвязи между снисходительностью и строгостью в воспитании детей.

Снисходительность включает в себе терпимость и поощряет спонтанность ребенка и его связь со своим врожденным источником жизненной энергии. В то же время она поддерживает инфляцию ребенка, которая не соответствует реальным требованиям внешней жизни. С другой стороны, строгость подчеркивает необходимость жесткого ограничения поведения, способствует разрушению идентичности эго и Самости и достаточно успешно преодолевает инфляцию. В то же время строгость нередко приводит к нарушению жизненно необходимой связи между развивающимся эго и его корнями в бессознательном. Между строгостью и снисходительностью не существует выбора – они составляют пару противоположностей и должны совместно действовать.

Ребенок буквально воспринимает себя как центр мироздания. На начальной стадии мать удовлетворяет этому требованию; поэтому вначале такое отношение поощряет в ребенке чувство, что его желание является вселенским повелением, и только так, а не иначе, и должно быть. При отсутствии постоянной и безоговорочной готовности матери удовлетворять эту потребность ребенка он не способен психологически развиваться. Тем не менее, проходит немного времени, и мир неизбежно начинает отвергать требования ребенка. На этой стадии начинается распад первоначальной инфляции, поскольку опыт показал ее несостоятельность. Но на этой же стадии начинается и отчуждение; нарушается ось эго-Самость. В процессе узнавания, что ребенок не является божеством, которым он себя считал, возникает незаживающая психическая рана. Ребенок изгоняется из рая, и тогда возникают чувства разлуки и постоянной ранимости.

Переживания отчужденности возникают неоднократно, переходя в жизнь взрослого человека. При этом имеет место двойственный процесс. С одной стороны, в жизни мы постоянно сталкиваемся с реальностями, которые вступают в противоречие с бессознательными допущениями эго. Таким образом, происходит развитие и отделение эго от своей бессознательной идентичности с Самостью. В то же время для сохранения целостности личности мы должны постоянно обеспечивать воссоединение эго с Самостью; в противном случае в процессе отделения эго от Самости возникает реальная опасность разрушения важной связи между ними. При серьезном нарушении такой связи мы отчуждаемся от наших глубин и готовим почву для психического расстройства.

Первоначальное положение дел- воспитание себя, как центра мироздания—нередко существует довольно долго и после детства. например, у меня был пациент, который наивно смотрел на мир как свою книжку с картинками. Он полагал, что все вещи, с которыми ему приходилось сталкиваться, существуют специально для его развлечения или обучения. Он буквально воспринимал мир как свою устрицу. Внешние переживания не обладали независимой реальностью или смыслом. Исключения составляли только те переживания, которые имели к нему непосредственное отношение. Другой пациент был убежден, что после его смерти наступит конец мира. При таком умонастроении, когда возникают подобные идеи, идентификация с Самостью равнозначна идентификации с миром. Самость и мир имеют одинаковое протяжение во времени и в пространстве. Вне сомнения, такое восприятие вещей включает в себе зерно истины и характеризуется эффективностью; но эта точка зрения оказывает, бесспорно, пагубное влияние на первых стадиях психологического развития, когда эго старается выделиться из первичной

целостности. В более поздние годы жизни понимание неразрывности внутреннего и внешнего мира способно оказать целительное воздействие на человека. Здесь мы имеем еще один пример влияния алхимического бога Меркурия—целительного для одних и губительного для других.

Многие виды психозов позволяют более основательно понять идентификацию эго с Самостью как центром мироздания или высшим принципом. В частности, распространенную среди душевнобольных манию величия, когда больной воображает себя Христом или Наполеоном, лучше всего рассматривать как регрессию к первичной инфантильности, при которой эго идентифицируется с Самостью. Идеи соотнесенности также являются симптомами крайней идентичности эго и Самости. В таких случаях человек думает, что некоторые объективные события имеют к нему скрытое отношение. У параноика такая мания принимает характер преследования. Например, увидев монтажников, занимающихся ремонтом проводов на телефонном столбе, одна из моих пациенток истолковала их действия как попытку установить подслушивающее устройство с целью добыть компрометирующие ее сведения. Другой пациент считал, что телекомментатор новостей передавал ему личное сообщение. Такие мании проистекают из состояния идентичности эго и Самости, когда человек считает себя центром мироздания и поэтому придает личное значение внешним событиям, которые в действительности не имеют отношения к его жизни.

Известным примером инфляции идентичности эго и Самости является состояние, которое Г. Бейнс назвал "условной или предварительной жизнью". Это состояние Бейнс описывает следующим образом:

"(Условная или предварительная жизнь) обозначает психологическую установку, свободную от чувства ответственности по отношению к несущественным событиям реальной жизни, словно виновниками таких событий являются родители, государство или, в крайнем случае, провидение... (Это) состояние инфантильной безответственности и зависимости".

М.-Л. фон Франц описывает это состояние как идентификацию с образом *pueraeternus* (вечного ребенка). Для человека, который находится в таком состоянии, все то, что он делает:

"...пока не составляет предмет его реальных устремлений, и поэтому здесь всегда присутствует фантазия, что когда-нибудь в будущем произойдет нечто настоящее. В дальнейшем эта установка предполагает постоянный внутренний отказ взять на себя обязательства по отношению к данному моменту. Эта установка нередко (в большей или меньшей мере) сопровождается комплексом спасителя или мессии, когда человек думает, что настанет день, и он спасет мир, скажет последнее слово в философии, религии или политике, или совершит что-нибудь в этом духе. Дело может пойти настолько далеко, что состояние примет типичную форму мании величия. Менее значительные признаки этого состояния прослеживаются в представлении человека о том, что его время "еще не наступило". Чувство ужаса неизменно вызывает у человека такого типа только одно—обязательство что-нибудь делать. Он ужасно боится связать себя обязательствами, войти в пространство и время, быть тем, кем он есть".

Психотерапевт нередко встречается с пациентами такого типа. Такой человек считает себя многообещающей личностью. У него много талантов и потенциальных возможностей. Он нередко жалуется на слишком широкий диапазон своих способностей и интересов. Избыток дарований—это его проклятие. Он мог бы сделать все, что угодно, но не может решиться на что-нибудь определенное. Проблема состоит в том, что у него много планов, но ни один из них не

осуществляется. Чтобы достичь реального успеха, он должен отказаться от ряда других потенциальных возможностей. Он должен отказаться от идентификации с первичной бессознательной целостностью и добровольно признать, что является реальным фрагментом вместо нереального целого. Чтобы стать кем-то в действительности, он должен отказаться от всего в потенции. Архетип вечного ребенка составляет один из образов Самости, но идентификация с ним означает, что индивид никогда не добьется реальных свершений.

Существует множество менее ярких примеров инфляции, которую можно было бы назвать инфляцией обыденной жизни. Мы можем определить состояние инфляции, когда видим, как кто-нибудь (в том числе и мы сами) реализует в переживании одно из качеств божества, т.е. выходит за собственно человеческие пределы. Приступы гнева являются примерами состояния инфляции. В гневе доминирует стремление навязать свою волю окружающим. Это разновидность комплекса Иеговы. Влечение к мести также отражение идентификации с божеством. В такие моменты человеку следовало бы вспомнить о заповеди: "Мне отмщение" сказал Господь, т.е. не тебе. Многие греческие трагедии изображают роковые последствия, которые наступают, когда человек берет в свои руки божественное отмщение.

Все виды властной мотивации являются симптомами инфляции. Когда мотив власти составляет основу поступка, тогда предполагается, что человек обладает всемогуществом. Но всемогущество составляет качество только Бога. Интеллектуальная ригидность, отождествляющая свою частную истину или мнение с всеобщей истиной, также свидетельствует о наличии инфляции. Здесь предполагается всеведение. Вожделение и все поступки, в основе которых лежит принцип чистого наслаждения, отражают состояние инфляции. Любое желание, рассматривающее свое удовлетворение как основную ценность, выходит за пределы реальности эго и, следовательно, присваивает себе качества сверхличностных сил.

Практически никто из нас, хотя бы в глубине души, не лишен остаточного признака инфляции, которая проявляется в иллюзии бессмертия. Вряд ли найдется хотя бы один человек, абсолютно свободный от идентификации с этим аспектом инфляции. Поэтому близкое соприкосновение со смертью вызывает утрату иллюзий. Внезапно приходит понимание, как драгоценно время просто из-за его ограниченности. Такой опыт нередко позволяет по-новому взглянуть на жизнь, более продуктивно трудиться и установить более человеческие отношения. Благодаря разрушению области идентичности эго и Самости, когда освобождается новое количество психической энергии для сознания, указанный опыт позволяет осуществить новый скачок в психологическом развитии индивида.

Существует еще и негативная инфляция. Ее можно охарактеризовать как идентификацию с божественной жертвой—чрезмерным, безграничным ощущением вины и страдания. Мы видим это в случаях меланхолии, в которых отражается чувство, что "во всем мире нет человека, более виновного, чем я". Здесь просто слишком много вины. В действительности взятие на себя непомерной ответственности свидетельствует о наличии инфляции, поскольку такой акт выходит за пределы собственно человеческих возможностей. Избыток смирения и высокомерия, любви и альтруизма, эгоизма и стремления к власти является симптомом инфляции.

Состояния идентификации с анимусом и анимой также могут рассматриваться как инфляция. Произвольные мнения анимуса уподобляются речи божества. Мрачное негодование, испытываемое человеком, одержимым анимой, выражается в таких словах: "Веди себя так, как я тебе сказал, иначе я откажусь от тебя; а без моего признания ты погибнешь".

Существует целая философская система, в основе которой лежит состояние идентичности эго и Самости. Эта система рассматривает все в мире как проистекающее из личностного эго и как соотношенное с ним. Она называется солипсизмом, от слов *solus ipse*, "только я". Ф. Бредли характеризует точку зрения солипсизма следующим образом:

"Я не в силах переступить границы опыта, и опыт есть мой опыт. Отсюда следует, что вне меня ничего не существует; ибо в опыте даны только ее (Самости) состояния".

Шиллер более ярко определяет солипсизм "как учение о том, что все существующее есть опыт, и существует только один субъект опыта. Солипсист думает, что единственным субъектом опыта является он сам.

3. АДАМ И ПРОМЕТЕЙ

Последствия первичной инфляции ярко запечатлены в мифологии. Замечательным примером такого описания является миф о саде Едемском, который, и это знаменательно, назван мифом о грехопадении человека. Об этом мифе Юнг пишет:

*"Легенда о грехопадении содержит глубокую теорию; в 11ей отражается смутное предчувствие, что освобождение сознания эго дело рук Люцифера. Вся история человечества изначально заключалась в конфликте между эго чувством неполноценности и высокомерием".*¹⁷ В Книге Бытия описано, как Бог поселил человека в Саду Едемском, говоря: *"От всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь".* Затем идет описание создания Евы из ребра Адама и обольщение Евы змеем, который сказал ей: *"Нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете; как боги, знающие добро и зло".* Поэтому Адам и Ева вкусили запретный плод. *"И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания".* Обнаружив их инеповиновение, Бог проклял их. Далее идут весьма знаменательные слова: *"И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслап его Господь Бог из сада эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни".*

Этот миф стоит у истока древнееврейской ветви нашей культурной традиции и имеет глубокий психологический смысл. Легенда о саде Едемском сопоставима с греческим мифом о золотом иске и платоновским мифом о круглом первочеловеке. Сад Едемский имел некоторые особенности мандалы: из Едема выходят четыре реки, а в центре помещается дерево жизни. Сад-мандала изображает Самое Самость отражая и данном случае первичное единство эго с природой и божеством. Это первоначальное, бессознательное состояние животного бытия в единении со своей Самостью. Оно называется райским, потому что еще не возникло сознание следовательно, здесь нет конфликта. Эго содержится в чреве Самости.

Существует еще одна особенность, указывающая на Первичную целостность—создание Евы из Адама. Очевидно, что изначально, Адам был гермафродитом, иначе невозможно было бы создать из него женщину, Вероятно, здесь содержатся пережитки более древнего мифа, в котором

первый человек, несомненно, был гермафродитом. Вне сомнения, этот очень древний миф подвергся изменениям в соответствии с односторонней патриархальной установкой иудеев, которая умаляла роль женского элемента психического, сводя его до ребра Адама. Разделение Адама на мужской и женский элементы аналогично и равнозначно его расставанию с райским садом. Оба процесса имеют одно последствие,—человек расстается с первоначальной целостностью и отчуждается от нес.

Драма обольщения и грехопадения начинается, когда первоначальное состояние пассивной инфляции превращается в активную инфляцию конкретного деяния. В целом подход и привлекательность змея выражаются в инфляционных терминах—"вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как Бог". Поэтому плод дерева был съеден, и наступили неизбежные последствия. Все начинается потому, что Адам и Ева осмеливаются поступить в соответствии со своим желанием быть, как Бог.

Миф изображает рождение сознания как преступление, которое отчуждает человека от Бога и от своей первоначальной предсознательной целостности. Вне сомнения, плод символизирует сознание. Плод дерева познания добра и зла позволяет понять противоположности, что и составляет специфическую особенность сознания, таким образом, согласно этому мифу и теологическим теориям, опирающимся на него, сознание есть первородный грех, первородный *btbris* (гордыня) и, следовательно, заключает в себе основную причину всего зла в человеческой природе. Но существовало и иное понимание этого мифа. В частности, *офиты* (гностицистская секта) поклонялись змею. В принципе они придерживались тех же взглядов, что и современная психология. По мнению *офитов*, змей представлял духовный принцип, символизовавший освобождение от зависимости от *демиурга*, который создал сад Едемский и держал человека в неведении. Змей считался хорошим, а Иегова плохим. С психологической точки зрения, змей олицетворяет принцип *гнозиса*, познания или возникновения сознания. Обольщение змеем символизирует стремление человека к самореализации и принцип индивидуации. Некоторые гностические секты даже идентифицировали змея в саду Едемском с Христом.

Вкушение запретного плода отмечает переход от вечного состояния бессознательного единства с Самостью (бездумное, животное состояние) к реальной, сознательной жизни в пространстве и времени. Одним словом, миф символизирует рождение эго. Процесс рождения эго приводит к его отчуждению от истоков. Теперь эго входит в мир страдания, конфликтов и неуверенности. Неудивительно, что мы столь неохотно делаем шаг к достижению более высокого уровня сознания.

Другая особенность "грехопадения" в сферу сознания заключается в том, что Адам и Ева узнали, что они наги. Сексуальность и инстинкты неожиданно превратились в табу и предметы стыда. Сознание как духовный принцип создало противоположность естественной, инстинктивной, животной функции. Двойственность, диссоциация и вытеснение возникли в человеческой психике одновременно с сознанием. Это означает, что для обеспечения права на независимое существование сознание должно, по меньшей мере, на начальном этапе, занимать антагонистическую позицию по отношению к бессознательному. Такое понимание свидетельствует о заблуждении всех утопических психологических теорий, предполагающих, что человеческая личность может быть целостной и здоровой только при условии, что в детстве она не подвергается сексуальным и инстинктивным притеснениям. Естественные, необходимые стадии психического развития требуют поляризации противоположностей: сознательного и

бессознательного, духа и природы.

Но наш анализ мифа о грехопадении будет неполным, если мы остановимся на том, как Адам и Ева уныло стали жить трудной жизнью в мире реальности, в поте лица своего, зарабатывая хлеб насущный и в муках рождая детей. Дело в том, что в саду Едемском было два дерева: не только дерево познания добра и зла, но и дерево жизни. Иегова выказал определенную обеспокоенность, что человек обнаружит второе дерево и вкусит его даров. Что это означает? В "Еврейских легендах" Гинсберг приводит интересную легенду о дереве жизни, которая в какой-то мере проливает свет на данный вопрос:

"В раю находятся дерево жизни и дерево знания, причем последнее образует ограду вокруг первого. Только тот, кто расчистил для себя путь через дерево знания, может приблизиться к дереву жизни, которое настолько огромно, что человеку понадобилось бы 500 лет, чтобы одолеть расстояние, равное диаметру ствола этого дерева. Не менее огромно и пространство, затеняемое его ветвями. Из-под дерева вытекает вода, которая орошает всю землю и затем разделяется на четыре потока: Ганг, Нил, Тигр и Евфрат".

Легенды, возникшие вокруг этого мифа, развивают и дополняют те точки зрения, которые не нашли выражения в первоначальной истории, словно отражая стремление коллективной психики восполнить картину и полностью разъяснить ее символический смысл. Мне кажется, что именно так обстоит" дело с приведенной легендой. Библейский вариант дает довольно неясное представление о взаимосвязи между деревом знания и деревом жизни. Приведенная легенда дает более ясное и удовлетворительное изображение. Легенда представляет дерево жизни как омфалос, пуп земли, и оно аналогично мировому дереву Игдразиль. В Библии сказано, что плод дерева жизни дарует бессмертие. До грехопадения Адам и Ева были бессмертными, но они были и бессознательными. Если бы они вкусили плод дерева жизни после грехопадения, то достигли бы как сознания, так и бессмертия. Иегова противится любому вторжению в его сферу и ставит херувима с пламенеющим мечом, чтобы охранить путь к дереву жизни. Тем не менее, упомянутая еврейская легенда в определенной мере позволяет нам понять, как можно найти дерево жизни. К нему можно добраться, расчистив путь через похожее на изгородь дерево познания добра и зла. Иными словами, человек должен неоднократно обольщаться змеем, постоянно вкушать плод познания и таким образом прогрызть путь к дереву жизни. Восстановить утраченную целостность мы сможем только тогда, когда в полной мере вкусим и ассимилируем плоды сознания.

Миф о грехопадении отражает не просто модель и процесс первоначального рождения сознания из бессознательного, но еще и процесс, который в той или иной форме осуществляется в каждом человеке при каждом новом расширении границ сознания. Вместе с офитами я считаю, что изображение Адама и Евы как бесчестных садовых воров страдает некоторой односторонностью. Их поступок в равной мере можно было бы охарактеризовать как героический. Они жертвуют комфортом пассивного повиновения ради достижения большей сознательности. В конечном счете, и змей оказывается благодетелем, если мы ценим сознательность больше, чем комфорт.

В процессе психоаналитической работы мы нередко обнаруживаем фрагменты темы первоначального грехопадения человека во многих сновидениях. Они обычно появляются в те моменты, когда возникают новые сознательные инсайты. В сновидениях часто фигурирует тема встречи со змеей или змеиного укуса. В последнем случае сны, как правило, имеют такой же смысл, как и: обольщение змеем Адама и Евы в саду Едемском, а именно: исчезает старое положение дел и рождается новое сознательное понимание (инсайт). Этот процесс нередко

воспринимается как нечто чуждое и опасное, поэтому такие сновидения никогда не бывают приятными. В то же время змеиный укус свидетельствует о начале формирования новой установки и ориентации. Вообще говоря, переходное сновидение имеет важное значение. Кроме того, сновидения о совершении преступления имеют такое же значение, как и первоначальное похищение плода. То, что составляет преступление на одной стадии психологического развития, имеет законный характер на другой стадии. Невозможно достичь новой стадии психологического развития, не осмелившись поставить под сомнение законность кодекса предыдущей стадии. Поэтому каждый новый шаг воспринимается как преступление и: сопровождается чувством вины, ибо границы старых критериев, старого образа жизни остались нерушимыми. Таким образом, первый шаг сопровождается ощущением совершения преступления. Сны, в которых сновидец получает плоды—яблоки, вишни, помидоры—нередко имеют такой же смысл. Они соотносятся с темой вкушения запретного плода и знаменуют вхождение в новую область сознательного понимания с такими же последствиями, как и при вкушении запретного плода.

Ниже приводится пример современного сновидения, в котором затронута старая тема обольщения в саду Едемском. Этот сон приснился человеку в возрасте старше 40 лет. Он впервые обратился ко мне по поводу "писательских проблем" и приступов беспокойства. Он был талантлив и полон творческих; идей и замыслов. Ему снились замечательные сны, в которых он видел целые спектакли с детальной проработкой костюмов и музыки. Но он не мог заставить себя изложить их на бумаге. Сон, казалось, обладал достаточной реальностью, чтобы освободить писателя от обязанности воплотить в жизнь те замечательные сочинения, которые являлись к нему в фантазии. Такая установка отражает идентификацию с первоначальной бессознательной целостностью; это—временная жизнь, которая сторонится тяжкою труда, необходимого для актуализации потенциальных возможностей. Хотя они думал, что ему хочется писать, тем не менее, фантазии бессознательно рассматривались как самодостаточные реальности. Такой человек боится связать себя обязательствами, необходимыми для создания чего-то реального. Он потеряет чувство безопасности, связанное с анонимностью, и станет объектом неодобрения. Он боится подвергнуться критике за свою определенность. Это сводится к жизни в "саду Едемском", где человек не осмеливается вкушать плод сознания. Приведем сновидение этого писателя:

"Я нахожусь в обстановке, которая напоминает мне Кьеркегора. Я вхожу в книжную лавку, чтобы найти определенную книгу. Нахожу и покупаю нужную мне книгу. Она называется "Человек среди терний". Сцена меняется. Сестра приготовила мне огромный черно-шоколадный торт. Он покрыт тонким слоем красной глазури, похожим на плотно прилегающую красную одежду. Хотя мне всегда запрещали есть шоколад, поскольку он вызывает у меня аллергию, тем не менее, я ем торт без неприятных последствий".

Этот сон вызвал у сновидца следующие ассоциации. Он воспринял Кьеркегора как встревоженного человека, как человека, который находится в состоянии конфликта между противоположностями, в частности, конфликта между эстетической и религиозной установками. Название книги—"Человек среди терний"—напомнило сновидцу Христа и его терновый венец. По поводу шоколадного торта сновидец сказал, что он всегда считал торт вредным, поскольку он вызывает у него тошноту. Красная глазурь, похожая на "плотно облегающую красную одежду", напомнила ему о "чем-то таком, что мог бы носить дьявол".

При всей своей современной и личностной образности это сновидение содержит близкую аналогию с древним мифом об изгнании Адама из рая. Исходя из этой архетипической аналогии,

можно предположить, что сон отражает потенциальный переход в личном развитии данного человека. Самое замечательное в этом сне заключается в поедании торта. Торт черный и имеет красное покрытие, которое ассоциируется с дьяволом. Черное как антитеза белого соотносится с мраком и злом. Сновидец считал шоколадный торт вредным для своего здоровья, что указывает на его сознательный страх перед бессознательным. Поедание этого "вредного" торта символически равнозначно змеиному укусу или вкушению запретного плода. В результате наступает осознание противоположностей (познание добра и зла), а это означает, что человек входит в состояние сознательного конфликта. Конфликт возникает при каждом новом расширении области сознания. С помощью конфликта каждый новый участок сознания сообщает о своем существовании.

Хотя сновидец и утверждает, что съел торт без неприятных последствий, тем не менее, первая сцена сновидения отражает последствия в символической форме. Не имеет значения то, что эта сцена предшествует поеданию торта. Временная последовательность и причинная связь неприменимы в сновидениях. При наличии в сновидении нескольких сцен их обычно интерпретируют как различные способы описания одной основной идеи. Иными словами, поток образов в сновидениях вращается вокруг определенных узловых центров вместо того, чтобы двигаться по прямой линии, как это делает рациональное мышление. Таким образом, пребывание сновидца в кьеркегоровской атмосфере и покупка книги "Человек среди терний" символически отражают поедание "вредного" черного торта. Поедание торта означает вхождение в кьеркегоровское восприятие конфликта и понимание образа "человек среди терний"— либо Христа, которому довелось терпеть невероятное напряжение, вызванное противоположностями его божественной и человеческой природы, либо Адама, который после изгнания из райского сада был обязан возделывать землю, из которой произрастали ему тернии и волчцы.

Какое практическое значение имел этот сон для сновидца? Сон не привел к внезапному озарению или изменению. После сна сновидец не заметил в себе никаких перемен. Но наше обсуждение этого сна вместе с последующими сновидениями проложило путь к дальнейшему расширению границ сознания.

Когда этот пациент впервые пришел ко мне на прием, у него были симптомы, но не было конфликта. Постепенно симптомы исчезли, и вместо них появилось осознанное понимание внутреннего конфликта. Он осознал, что его беспокойство было не бессмысленным симптомом, а сигналом опасности, предупреждавшим его, что длительное пребывание в саду Едемском может иметь роковые психологические последствия. Сон свидетельствует о том, что настало время вкушать плод дерева познания добра и зла и признать неизбежность конфликтов, связанных со статусом сознательного индивида. И этот переход не всегда связан с огорчениями и страданиями. В этом отношении миф страдает односторонностью. При слишком долгом пребывании в раю состояние блаженства превращается в тюрьму, и тогда изгнание из рая воспринимается не как нечто нежелательное, а как освобождение.

В греческой мифологии существует аналогия с драмой сада Едемского. Я имею в виду миф о Прометее. В кратком виде его можно пересказать следующим образом:

Прометей руководил дележом мяса жертвенных животных между богами и людьми. Прежде не было надобности в таком дележе, поскольку боги и люди вместе вкушали пищу (идентичность эго и Самость). Прометей обманул Зевса, предложив ему лишь кости животного, покрытые слоем соблазнительного жира. Для человека он оставил все съедобное мясо. Разгневанный обманом

Зевс спрятал огонь от человека. Но Прометей тайно проник на небо, похитил огонь богов и передал его человечеству. В отместку за этот проступок Прометей был прикован к скале, где каждый день коршун терзал его печень и каждую ночь рана вновь заживала. Наказание было ниспослано и его брату Эпиметею. Зевс создал женщину, по имени Пандора, которую послал доставить Эпиметею ящик. Из ящика Пандоры появились все болезни и напасти, которые отравляют жизнь людям,—старость, труд, болезни, порок и страсть. Процесс дележа мяса жертвенного животного между богами и людьми отражает отделение эго от архетипической психики, или Самости. Чтобы утвердиться в качестве автономной сущности эго должно присвоить себе пищу (энергию). Этому процессу соответствует похищение огня. Прометей являет собой люциферову фигуру, чья отвага инициировала развитие эго ценой страдания.

Рассматривая Прометея и Эпиметея как два аспекта одного образа, можно обнаружить немало параллелей между мифами о Прометее и саде Едемском. Зевс прячет огонь. Иегова прячет плод дерева познания, огонь и плод символизируют сознание, которое приводит к определенной человеческой автономии и независимости от Бога. Подобно Прометею, похитившему огонь, Адам и Ева, вопреки воле Бога, похищают плод. В каждом из этих случаев умышленное действие совершается вопреки воле главного авторитета. Это умышленное действие состоит в достижении сознательности, которое в каждом мифе символизируется как преступление с последующим наказанием. Прометей был наказан незаживающей раной, а Эпиметей был наказан Пандорой и всем содержимым ее ящика. Незаживающая рана аналогична изгнанию из сада Едемского, которое также можно рассматривать как своего рода рану. Боль, труд и страдания, выпущенные на волю из ящика Пандоры, соответствуют труду, страданиям и смерти, с которыми познакомились Адам и Ева, когда они покинули сад Едемский.

Все это соотносится с неизбежными последствиями становления сознательности индивида. Боль, страдание и смерть действительно существуют до рождения сознания, но если отсутствует сознание, способное их воспринимать, значит, психологически они не существуют. Страдание не существует, если отсутствует сознание для его осознания. Этим объясняется острое чувство тоски по первоначальному бессознательному сознанию. В этом состоянии человек абсолютно свободен от страдания, которое неизбежно несет с собой сознание. То, что коршун пожирает печень Прометея днем, и печень заживает ночью, имеет глубокий смысл. Ночь— это темнота, бессознательное. Ночью каждый из нас возвращается к первоначальной целостности, из которой мы рождаемся. В этом и состоит исцеление. Дело выглядит так, словно рана перестает причинять боль. Это свидетельствует о том, что само сознание причиняет боль. Вечно незаживающая рана Прометея символизирует последствия разрыва первоначальной бессознательной целостности, отчуждения от первоначального единства. Это постоянный терний, вонзившийся в плоть.

В сущности, оба мифа тождественны, поскольку они отражают архетипическую реальность психического и ход ее развития. Приобретение сознательности есть преступление, высокомерный поступок (*bybris*) по отношению к вечным силам; но это неизбежное преступление, поскольку оно приводит к необходимому отчуждению от естественного бессознательного состояния целостности. Для того чтобы сохранить верность развитию сознания, этот поступок необходимо рассматривать как необходимое преступление. Лучше быть сознательным, чем оставаться в животном состоянии. Но для того, чтобы проявиться, эго обязано выступить против бессознательного, из недр которого оно возникло, и утвердить свою относительную автономию посредством акта инфляции.

Существует несколько различных уровней, на которых можно продемонстрировать эту интерпретацию. На самом глубоком уровне упомянутый акт выглядит как преступление против сил мироздания, сил природы или Бога. Но в повседневной жизни такое действие воспринимается не в религиозных категориях, а в личностном плане. На личностном уровне акт приобретения нового сознания воспринимается как преступление или бунт против авторитетов, существующих в личном окружении индивида, например, против своих родителей, а в дальнейшем против внешних авторитетов. Любой шаг в индивидуации воспринимается как преступление против коллектива, поскольку он ставит под сомнение правомерность идентификации индивида с каким-либо представителем коллектива, будь то семья, партия, церковь или народ. В то же время каждый шаг, будучи действительно инфляционным актом, не только сопровождается чувством вины, но и подвергает индивида опасности заикливания в инфляции, которая несет на себе последствия падения.

В психотерапии встречается немало людей, чье развитие приостановилось именно в тот момент, когда необходимо было совершить неизбежное преступление. Некоторые из них говорят. "Я не могу разочаровать моих родителей или семью". Человек, проживающий со своей матерью, говорит: "Я хотел бы жениться, но это убьет мою бедную старую маму". Вполне возможно, что так и произойдет, потому что существующая симбиотическая связь нередко обеспечивает психическое питание. Если у партнера отнять пищу, он может погибнуть. В таком случае обязательства по отношению к матери слишком сильны, чтобы использовать какой-либо иной комплекс критериев жизни. Здесь просто еще не возникло ощущение ответственности по отношению к своему личному развитию.

Данная тема иногда возникает и в психотерапевтических отношениях. Вероятно, это связано с появлением негативной реакции или реакции протеста по отношению к аналитику. Такая реакция нередко сопровождается чувством вины и беспокойства, особенно в тех случаях, когда аналитик является носителем проекции архетипического авторитета. В таких обстоятельствах искреннее проявление негативной реакции расценивается почти как преступление по отношению к богам. Вне сомнения, опасный акт инфляции повлечет за собой возмездие. Тем не менее, человек застрянет на стадии зависимого переноса, и его психическое развитие затормозится, если он не похитит огонь у богов, не съест запретный плод.

4. ГОРДЫНЯ И ВОЗМЕЗДИЕ

Существует немало других мифов, в которых описано состояние инфляции.

К числу последних относится миф об Икаре:

"Дедал и его сын Икар были посажены в темницу на Крите. Отец изготовил себе и сыну по паре крыльев, с помощью которых они смогли бы бежать из заключения. Но Дедал предупредил сына: не лети слишком высоко, иначе солнце расплавит воск на твоих крыльях, и ты упадешь. Делай так, как я. Не следуй своим курсом. Но Икар так обрадовался своей способности летать, что забыл о предупреждении и последовал своим курсом. Он взлетел слишком высоко, воск расплавился, и он упал в море". В этом мифе выделяется опасная сторона инфляции. Хотя и существуют моменты, когда инфляционный акт необходим для достижения нового уровня сознания, тем не менее, существуют моменты, когда любое действие в сторону инфляции является безрассудным и губительным. С уверенностью можно отправиться своим путем

только тогда, когда знаешь, что ты делаешь. Доверие к высшей мудрости других нередко позволяет точнее оценить реальную ситуацию. Как сказал Ницше: "Не раз человек отказывался от своего достоинства, когда отказывался от своего рабства". 20 Я упомянул о необходимом преступлении инфляции, но это действительно преступление, и оно все-таки приводит к реальным последствиям. При неправильной оценке ситуации человеку уготована судьба Икара.

Я считаю, что все сны о полетах в какой-то мере соотносятся с мифом об Икаре. В-первую очередь это относится к снам о полетах, не обеспеченных механическими средствами поддержки. Оторвавшись от земли, всегда подвергаешься опасности упасть на землю. Неожиданное столкновение с реальностью, символом которой является земля, способно вызвать опасное потрясение. Сновидения и симптоматические образы, связанные с авиакатастрофами, падением с высоты и боязнью высоты проистекают из основной психической установки, представленной в мифе об Икаре.

Приведем пример сновидения на тему Икара. Этот сон приснился молодому человеку, который идентифицировал себя со знаменитым родственником. Он позаимствовал крылья, изготовленные другим человеком, и с их помощью полетел:

"Вместе с другими людьми я стою на краю высокого утеса. Они прыгают с утеса и ныряют в мелководье. Я уверен, что они гибнут. Еще не проснувшись, или сразу по пробуждении, я вспомнил картину Брейгеля "Падение Икара".

На картине Брейгеля "Падение Икара" изображена сельская местность в Италии. Слева крестьяне занимаются пахотой и своими повседневными делами. Справа изображено море с несколькими суденышками. В нижнем углу видны ноги Икара в тот момент, когда он исчезает в воде. Одна из замечательных особенностей этой картины состоит в том, что персонажи, изображенные в левой части картины, совершенно не обращают внимания на то, что происходит с Икаром (в правой части картины). Они не осознают, что перед их глазами происходит архетипическое событие. Сновидец высказал несколько замечаний по поводу этой особенности картины, отметив, что он сам не осознает происходящее с ним. Он находился в процессе падения с высот нереальности, но это понимание пришло к нему позже.

Приведем еще один пример сна об Икаре, который приснился женщине: "Я еду по дороге и вижу в небе человека, похожего на Икара. Он держит в руке факел. Неожиданно его крылья загораются. Его охватывает пламя. Пожарные машины на земле подтягивают к нему шланги. Огонь удается погасить. Но он тяжело падает на землю и гибнет, держа в руке факел. Он падает рядом со мной, и я в ужасе кричу: "О, Боже! О, Боже!"

Эта женщина была жертвой частых интенсивных проекций идеалистического анимуса. Приведенный сон ознаменовал прекращение проекций, вызвавших у нее появление инфляционной установки по отношению к себе.

К инфляции имеет отношение и миф о Фаэтоне: "Мать рассказала Фаэту, что его отцом был бог солнца Гелиос. Чтобы убедиться в этом, Фаэтон отправился к жилищу солнца и спросил Гелиоса: "Ты действительно мой отец?" Гелиос подтвердил, что он отец Фаэтона, и допустил оплошность, сказав: "Чтобы доказать это, я дам тебе все, что ты попросишь". Фаэтон попросил позволить ему прокатиться по небу, управляя колесницей солнца. Гелиос тотчас пожалел о своем необдуманном

обещании. Но Фазтон настаивал, и, вопреки здравому смыслу, отец уступил ему. Фазтон поехал на колеснице солнца, но поскольку он был слишком молод, ему не удалось справиться с управлением, и он рухнул на землю, объятый пламенем".

В этом мифе сказано о том, что инфляция неизбежно приводит к падению. Фазтон служит прообразом современных "лихачей". Быть может, этот миф говорит о чем-то и снисходительному отцу, который, вопреки здравому смыслу, слишком рано дает свободу своему сыну, скажем, в пользовании семейным автомобилем или в области самоопределения, без компенсации этой свободы за счет чувства ответственности.

Я вспоминаю пациента с "комплексом Фазтона". Вначале он произвел на меня впечатление беспечного рыцаря. Правила других людей не распространялись на него. У него был слабовольный отец, к которому он не испытывал чувства уважения. Он постоянно высмеивал или унижал тех, кто пользовался авторитетом в глазах отца. Ему приснилось несколько снов о том, что он находится на возвышенности. При обсуждении одного из таких снов психотерапевт упомянул миф о Фазтоне. Он был растроган впервые за все время психотерапевтических консультаций. Пациент не знал об этом мифе, но он тотчас узнал в нем свой миф. Он увидел в этом мифе изображение своей жизни и неожиданно понял, что именно эту архетипическую драму он переживал.

Но ведь все архетипические образы неоднозначны. Мы не можем заранее быть уверены, как интерпретировать их—положительно или отрицательно. Например, рассмотрим позитивный сон о Фазтоне, который приснился человеку, видевшему во сне шоколадный торт. Этот сон приснился ему накануне встречи с лицом, которое пользовалось определенным влиянием на его работе и внушало всем чувство ужаса. Сон произвел неизгладимое впечатление. Он дал достойный отпор этому лицу. Если бы этот сон приснился после указанного события, тогда можно было бы считать, что сон был "обусловлен" внешними впечатлениями. Но поскольку сон предшествовал мужественному отпору авторитетному лицу, мы вправе утверждать, что сон вызвал внешнее событие или, по меньшей мере, создал психологическую установку, которая обеспечила наступление этого события. Приведем описание этого сна:

"Я—Фазтон. Мне удалось справиться с колесницей солнца, и я успешно проехал по небу.

Замечательная сцена: сверкающее синее небо и белые облака. Я испытываю радость. У меня все получилось. Первая мысль: "В конечном счете, Юнг был прав в отношении архетипов".

Здесь миф о Фазтоне включен в состав сновидения, хотя и в модифицированном виде в соответствии с задачами сновидения. Сновидцу (Фазтону) удастся сделать то, что не удалось сделать мифическому Фазтону. Очевидно, что сновидец совершил то, что было выше его возможностей. Он совершил рискованный поступок. В какой-то мере это связано с инфляцией. Однако поскольку этот сон был вторым, т.е. приснился после первого сна, он связан с необходимой героической инфляцией, что и соответствовало действительности. Сон позволяет установить связь между сновидцем и новым уровнем его внутренней эффективности. Вне сомнения, теперь проблема инфляции приобретает неоднозначный характер. С одной стороны, инфляция связана с риском, а с другой, она абсолютно необходима. Преобладание той или иной особенности зависит от индивида и конкретной ситуации.

С инфляцией связан и миф об Иксионе. Инфляционное действие Иксиона заключалось в попытке соблазнить Геру. Зевс расстроил этот план, придав облаку облик мнимой Геры, с которой Иксион

вступил в связь. Зевс застал Иксиона врасплох и наказал его, привязав к огненному колесу, которое должно было вечно катиться по небу (рис.7). В этом случае инфляция проявляется в вожделении и стремлении к удовольствию. Олицетворяя эго в состоянии инфляции, Иксион стремится присвоить себе то, что принадлежит сверхличностным силам. Попытка Иксиона изначально обречена на провал. Наивысшее достижение Иксиона состоит в установлении контакта с облаком в виде Геры, т.е. с фантазией. Его наказание, привязанность к огненному колесу, олицетворяет довольно интересную идею. В принципе, колесо символизирует мандалу. Оно вызывает дополнительные ассоциации с Самостью и связанной с ней целостностью. Но в данном случае колесо превращается в орудие пытки. Это указывает на то, что может произойти, когда идентификация эго с Самостью продолжается слишком долго. В таких случаях идентификация превращается в пытку, а пламенные страсти инстинктов принимают форму адского огня, которые крепят человека к колесу до тех пор, пока эго не приобретет способность отделиться от Самости и увидеть в своей инстинктивной энергии сверхличностный динамизм. Эго остается привязанным к огненному колесу Иксиона до тех пор, пока оно рассматривает инстинктивную энергию как источник своего удовольствия.

Рис. 7. Иксион, привязанный к колесу (роспись древней вазы).

Греки испытывали чувство ужаса перед тем, что они называли *hybris*. В первоначальном употреблении этот термин обозначал необузданное насилие или страсть, возникающую из гордости. Этот термин синонимичен одному из аспектов явления, которое я называю инфляцией. *Hybris* (гордыня)—это человеческое высокомерие, присваивающее человеку то, что принадлежит богам. Оно предполагает выход за собственно человеческие границы. Гилберт Мюррей выражает эту мысль следующим образом: "Существуют незримые барьеры, которые не желает преступить человек, имеющий *aidos* (благоговение). *Hybris* преступает все барьеры. *Hybris* есть высокомерие непочтительности, грубость силы. В одной форме *hybris* есть грех низкого и слабого, непочтительность; отсутствие *aidos* в присутствии чего-то более высокого. Но почти всегда *hybris* есть грех сильного и гордого. *Hybris* рождается из *Koros*, пресыщенности, "слишком высокого благополучия"; *hybris* сталкивает со своего пути слабых и беспомощных, "презрительно взирает", как говорит Эсхил, "на великий алтарь Дике"" (Агамемнон, 383). *Hybris*—это типичный грех, осуждавшийся древними греками. Производными от *hybris* были почти все грехи, за исключением некоторых грехов, связанных с определенными религиозными запретами и производных от слов, обозначающих "безобразное" или "неуместное".

Мюррей рассматривает *aidos* и *nemesis* (возмездие) как центральные понятия эмоционального

опыта греков. Aidos обозначает почтительность по отношению к сверхличным силам и чувство стыда, испытываемое при нарушении границ этих сил. Nemesis—это реакция, вызванная недостатком или отсутствием aidos, иными словами, реакция на tybris.

Замечательный пример боязни греков преступить разумные человеческие границы приведен в истории Поликрата, которую записал Геродот. Поликрат был тираном Самоса в VI веке до рождения Христа. Он был невероятно удачливым человеком. Все, что он делал, приносило ему благо. Везение никогда не изменяло ему. Геродот пишет:

"Замечательная удачливость Поликрата не осталась без внимания Ама-сиса (его друга, царя египетского), которого встревожила такая удачливость. Амасис написал и отправил на Самос следующее письмо: "Амасис так говорит Поликрату: мне приятно слышать о процветании друга и союзника, но твоё невероятное процветание не доставляет мне радости, ибо, насколько я знаю, оно вызывает зависть богов. Я желаю себе и тем, кого люблю, чтобы в жизни удача чередовалась с неудачей, и не было постоянной удачи. Ибо я никогда не слышал о человеке, который был бы удачлив во всех делах и в конце не встретился бы с бедой и полностью не разорился. Поэтому прислушайся к моим словам и так относись к своей удаче. Подумай о тех сокровищах, которые ты больше всего ценишь и с которыми ты меньше всего хотел бы расстаться. Возьми это сокровище и выбрось, чтобы оно никогда не попадалось на глаза человеку. Если после удачи не наступит неудача, спасайся от беды, сделав еще раз так, как я посоветовал тебе!"

Поликрат внял совету и выбросил в море драгоценное изумрудное кольцо. Однако несколько дней спустя рыбак выловил настолько большую и красивую рыбу, что подумал, что ему не удастся ее продать, и поэтому решил поднести ее в дар царю Поликрату. Когда рыбу разрезали, в ее брюхе лежало изумрудное кольцо, которое было выброшено царем. Весть об этом событии настолько испугала Амасиса, что он прекратил дружбу с Поликратом, опасаясь попасть в беду, которая непременно должна была наступить после такого необыкновенного везения. Разумеется, в конечном счете, Поликрат погиб после успешного восстания. Он был распят на кресте.

Боязнь чрезмерного везения глубоко коренится в человеке. Существует инстинктивное ощущение, что боги завидуют успеху человека. Психологически это означает, что сознательная личность не должна заходить слишком далеко, не обращая внимания на бессознательное. Боязнь зависти божьей отражает смутное сознание, что инфляция остановится. В природе вещей и в природе самой психической структуры действительно существуют пределы. Вне сомнения, иногда боязнь зависти божьей доходит до крайних пределов. Некоторые люди не осмеливаются признать успех или позитивное событие из боязни, что такой успех или событие приведет к какому-то неясному наказанию. Как правило, такая установка формируется в результате неблагоприятной обстановки в детстве и поэтому нуждается в пересмотре. Однако, наряду с личностной обусловленностью, здесь участвует и архетипическая реальность. После подъема должен наступить спад. Оскар Уайльд как-то сказал: "Хуже, чем не получить то, что хочешь, может быть только одно—получить то, что хочешь". Примером этому служит участь, постигшая Поликрата.

Эту же мысль выразил и Эмерсон. Он рассматривает ее в своем эссе "Компенсация", которое содержит литературное изложение теории, впоследствии разработанной Юнгом применительно к компенсаторным отношениям между сознанием и бессознательным. Приведем несколько фрагментов из этого эссе. Эмерсон говорит о том, что каждое событие, к счастью или к несчастью, имеет свою компенсацию где-то в природе вещей. Далее он говорит следующее:

"Мудрец распространяет этот урок на все сферы жизни и знает, что благоразумие требует удовлетворять требование каждого истца и каждую справедливую потребность в вашем времени, в ваших талантах и в вашем сердце. Всегда необходимо платить; вы должны полностью выплатить свой долг. Люди и события могут на время стать между вами и справедливостью, но это лишь временная отсрочка. В конечном счете, вы должны погасить свой долг. Если вы благоразумны, вы будете испытывать страх перед процветанием, которое лишь обременяет вас ...ибо с каждой прибыли, которую вы получаете, взимается налог.²¹ Благоговейный страх перед безоблачным полднем, изумрудом Поликрата и процветанием, а также инстинкт, побуждающий каждую благородную душу брать на себя выполнение задач благородного аскетизма и спасительной добродетели, отражают колебание весов правосудия в душе и сердце человека".

Более подробно идея инфляции выражается в иудейских и христианских теологических концепциях греха. В древнееврейских трактатах концепция греха, вероятно, сформировалась под влиянием психологии запрета. Запретное считается нечистым. Но запретное также означает священное, святое, заряженное избыточной, опасной энергией. Вначале грех означал нарушение запрета, прикосновение к тому, к чему нельзя прикасаться, поскольку запретный объект нес в себе сверхличностные энергии. Прикосновение к такому предмету или его присвоение подвергало эго опасности, поскольку преступало собственно человеческие пределы. Поэтому запрет можно рассматривать как защиту от инфляции. В дальнейшем идея запрета была вновь сформулирована в форме воли Бога и неизбежности наказания в случае нарушения Его воли. Но за новой формулировкой все еще таится идея запрета и связанный с ней страх перед инфляцией.

Христианство практически отождествляет грех и инфляцию эго. С психологической точки зрения, заповеди блаженства можно рассматривать как похвалу, адресованную эго, не подвергшемуся инфляции. В христианской теологии концепция греха как инфляции была прекрасно описана Блаженным Августином. В своей "Исповеди" он дает яркое описание природы инфляции. Вспоминая о побуждениях, которые он испытывал, ворюя в детстве груши из соседского сада, Августин пишет, что сами груши ему были не нужны,—он наслаждался самим грехом, а именно чувством всеислия. Далее он описывает природу греха как подражание божеству:

"Ибо так гордость подражает возвышенности; но Ты один есть Бог, возвышенный над всеми. К чему стремится честолюбие, как не к почестям и славе? Но Ты достоин славы и почестей превыше всех. Бессердечие сильных мира сего заставляет бояться их; но кого же тогда не бояться, как не Бога одного... Любопытство подражает жажде познания; но Ты один обладаешь высшим знанием... праздность должна успокоиться; но сколь же непоколебим покой рядом с Господом? Роскошь называют полнотой и изобилием; но Ты есть полнота непреходящего изобилия и нетленных радостей... Алчность стремится к обладанию многими вещами, а Ты обладаешь всеми вещами. Зависть претендует на превосходство; но что может быть превосходнее, чем Ты? Гнев стремится к мести; но кто может превзойти Тебя в справедливом отмщении?... Печаль оплакивает потери, очарование своих желаний; ничего нельзя отнять у печали, но ничего нельзя отнять и у Тебя... Таким образом, все, удалившиеся от Тебя и восставшие на Тебя, неправильно подражают Тебе... Души, погрязшие в своих грехах, стремятся хоть в чем-то походить на Бога".

В скрытом виде эта же идея инфляции присутствует и в буддийском понятии авидьи, "незнания" или несознания. Согласно буддийским представлениям, человеческое страдание вызвано страстным желанием и стремлением личности, проистекающих из незнания реальности. Это положение дел олицетворяет образ человека, привязанного к колесу жизни, которое вращают

свинья, петух и змея, символизирующие различные виды страстного желания. Индийское колесо жизни сопоставимо с вращающимся огненным колесом Иксиона. Оба колеса олицетворяют страдание, сопровождающее идентификацию эго и Самости, когда эго стремится присвоить себе для личного пользования сверхличностные энергии Самости. Колесо есть Самость, состояние целостности, но оно остается колесом пытки до тех пор, пока эго пребывает в состоянии бессознательной идентификации с ним.

В психотерапевтической практике часто встречаются различные состояния инфляции, вызванные остаточной идентичностью эго и Самости. Когда терапевтический процесс раскрывает бессознательную основу, появляются грандиозные и нереалистические установки и допущения. Именно к таким инфантильно-всесильным допущениям преимущественно адресованы теории и методы Фрейда и Адлера. Редуктивная методика этих подходов применима в работе с симптомами идентичности эго и Самости. Но даже и в таких случаях не следует забывать о необходимости сохранять ось эго-Самость. Редуктивный метод воспринимается пациентом как критика и унижение. Действительно, эти особенности объективно существуют. Сводя психическое содержание к его инфантильным истокам, интерпретация отвергает его сознательный, очевидный смысл и таким образом вызывает у пациента чувство унижения и отвергнутости. Этот метод нередко необходимо применять для ускорения разделения эго и Самости, но обращаться с этим острым оружием необходимо чрезвычайно осторожно. Цель метода состоит в обеспечении дефляции, и именно эта цель нашла отражение в просторечии, когда психиатра стали называть "охотником за головами". Тем, у кого вызывает возмущение даже осторожное применение редуктивного метода, я хотел бы напомнить слова Лао-цзы:

Тот, кто чувствует укол, Когда-то был пузырем,

Тот, кто чувствует себя безоружным, Когда-то носил оружие,

Тот, кто чувствует себя униженным, Когда-то был полон самомнения,

Тот, кто испытывает лишения, Когда-то пользовался привилегиями...

В самой опасности рождается сила спасения.

(Гельдерлин)

1.ОСЬ ЭГО-САМОСТЬ И ЦИКЛ ПСИХИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Существование эго начинается с состояния инфляции, обусловленной идентификацией с Самостью. Этот разрыв символизируется такими образами, как падение, изгнание, незаживающая рана, постоянная пытка. Очевидно, что при появлении таких образов эго не только несет кару, но и получает травму. Эту травму можно рассматривать как нарушение оси эго-Самость. Понятие ось эго-Самость требует более подробного рассмотрения.

Результаты клинических наблюдений позволяют сделать заключение, что на всех стадиях развития целостность и устойчивость эго зависят от живой связи с Самостью. Фордхам¹ приводит примеры образов мандалы, которые появляются у детей в качестве магических защитных кругов, когда разрушительные силы угрожают существованию эго. Кроме того, он упоминает несколько случаев, происшедших с детьми, когда рисование круга ассоциировалось со словом "я" и таким образом привело к совершению эффективного поступка, на который прежде ребенок был не способен. Аналогичное явление имеет место и в психотерапии взрослых, когда бессознательное порождает образ мандалы, который передает дестабилизированному и дезориентированному эго ощущение покоя и сдержанности. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что позади эго стоит Самость, способная выполнять роль гаранта его целостности. Эту мысль выражает и Юнг, когда говорит: "Эго соотносится с Самостью так, как движущийся предмет соотносится с движущей силой... Самость... обладает априорным существованием, из которого развивается эго. Это, так сказать, бессознательный прообраз эго". Таким образом, между эго и Самостью существует структурно-динамическая связь. Для обозначения этой существенной связи Нойманн использовал термин "ось эго-Самость".

Мифологический пример связи между эго и Самостью можно найти в ветхозаветной теории о том, что человек (эго) был создан по образу Бога (Самости). Сюда же относится и предвечное имя, присвоенное Иегове—"Я есмь тот, кто есмь". Разве слова "я есмь" не определяют существенную природу эго? Поэтому у нас есть достаточные основания утверждать, что между эго и Самостью существует связь, которая имеет существенное значение для обеспечения функциональности и целостности эго. На схемах (стр.14) эта связь показана с помощью линии, которая соединяет центр круга эго с центром круга Самости и обозначена как ось эго-Самость. Ось эго-Самость отражает существенную связь между эго и Самостью, которая должна сохраняться относительно целостной для обеспечения развития и способности эго выдерживать напряжения. Эта ось символизирует проход или путь связи между сознательной личностью и архетипической психикой. Нарушение оси эго-Самость нарушает или разрушает связь между сознательным и бессознательным, вызывая отчуждение эго от своих истоков и основ.

Прежде чем приступить к рассмотрению нарушений оси эго-Самость в детские годы, необходимо высказать несколько предварительных замечаний. Каждый архетипический образ отражает, по

крайней мере, частный аспект Самости. В бессознательном не существует разделения различных вещей. Каждая вещь сливается с другой вещью. Поэтому последовательные слои, которые мы научились различать, т.е. тень, анимус или анима, и Самость, существуют не отдельно, а слитно, пребывая в единой динамической всеобщности до тех пор, пока индивид не осознает их. Позади проблемы тени или анимуса, или родительской проблемы всегда таится динамизм Самости. Поскольку Самость составляет центральный архетип, она подчиняет себе все остальные архетипические доминанты. Она охватывает и содержит их. Поэтому, в конечном счете, все проблемы отчуждения, будь то отчуждение между эго и родительскими фигурами, между эго и тенью или между эго и анимой (или анимусом), сводятся к отчуждению между эго и Самостью. Хотя в описательных целях мы и разделяем эти различные фигуры, тем не менее, в эмпирическом опыте они обычно не разделяются. При решении всех серьезных психологических проблем мы, в сущности, имеем дело с вопросом взаимосвязи между эго и Самостью.

Нойманн высказал предположение, что в детстве Самость воспринимается в ее соотнесенности с родителями; вначале она соотносится с матерью. Нойманн называет эту первоначальную связь матери и ребенка первичной связью и говорит: "...в первичной связи мать как руководящее, защищающее и питающее начало олицетворяет бессознательное, а на первом этапе и Самость ... "зависимый ребенок олицетворяет инфантильное эго и сознание" Это означает, что на начальной стадии Самость неизбежно воспринимается в виде проекции на родителей. Таким образом, начальная стадия развития оси эго-Самость нередко отождествляется с взаимосвязью между родителями и ребенком. Именно на этой стадии мы должны внимательно и по достоинству оценивать как факторы личностного развития, так и априорные, архетипические факторы. Самость является априорной внутренней детерминантой. Но она не может возникнуть без наличия конкретной связи между родителем и ребенком. Нойманн обратил внимание на этот феномен и назвал его "личным воплощением архетипа". На стадии восприятия Самости в виде проекции существует большая опасность нарушения оси эго-Самость под влиянием неблагоприятных внешних воздействий. В это время отсутствует различие внутреннего и внешнего. Поэтому неспособность воспринимать принятие или раппорт (эмоциональную связь) переживается как утрата одобрения со стороны Самости. Другими словами, происходит нарушение оси эго-Самость, вызывая отчуждение между эго и Самостью. Часть отделилась от целого. В психотерапии это переживание родительского отторжения определенного аспекта личности ребенка составляет часть анамнеза почти каждого пациента. Под термином "отторжение" не следует понимать необходимые формы обучения и наказания ребенка, которые должны научить его сдерживать изначальные (примитивные) желания; под этим термином я понимаю родительское отторжение, проистекающее из проекции тени родителя на ребенка. Этот бессознательный процесс воспринимается ребенком как нечто бесчеловечное, всеобщее и непоправимое. Создается впечатление, словно здесь участвует какое-то безжалостное божество. Это впечатление имеет два источника. Во-первых, детская проекция Самости на родителя придает действиям этого родителя трансцендентальный смысл. Во-вторых, функционируя бессознательно, отторгающий родитель будет действовать в сфере своей идентичности эго и Самости и поэтому впадет в состояние инфляции при идентификации с божеством. Последствия для ребенка: нарушение оси эго-Самость, которое может надолго исказить его психику.

Самость как центр и всеобщность психического, способная примирять противоположности, может рассматриваться преимущественно как орган признания, одобрения. Поскольку Самость включает в себя всеобщность, она должна обладать способностью признавать правомерность всех элементов психической жизни, независимо от их антитетичности (внутреннего

взаимопротивоположения). Это ощущение признания со стороны Самости придает эго силу и стабильность. Оно передается к эго через ось эго-Самость. Признаком нарушения взаимоотношений в этой оси служит отсутствие у индивида ощущения своего признания. Индивид чувствует, что он не достоин жить или быть самим собой. Психотерапия предоставляет такому человеку возможность почувствовать признание. В случае успеха восстанавливается ось эго-Самость, обеспечивая, таким образом, восстановление связи с внутренними источниками силы и признания и возможность для пациента свободно жить и развиваться.

Во время психотерапевтических занятий наиболее сильное впечатление на пациентов с нарушенной осью эго-Самость производит открытие, что психотерапевт признает их. Вначале они не могут поверить в это. Факт признания нередко ставится под сомнение, когда он рассматривается как профессиональный прием, лишенный подлинной реальности. Но если признание со стороны терапевта воспринимается как реальность, тогда реализуется мощный перенос. Источником такого переноса служит проекция Самости, особенно в качестве органа признания. На этой стадии отчетливыми становятся центральные характеристики терапевта как Самости. Терапевт как человек входит в круг мыслей и всей жизни пациента. Терапевтические сессии оказываются центральным моментом повседневного распорядка клиента. Там, где прежде царили хаос и отчаяние, появился центр смысла и порядка. Эти явления указывают на то, что идет восстановление оси эго-Самость. Встречи с терапевтом воспринимаются как омолаживающее соприкосновение с жизнью, которое вселяет чувства надежды и оптимизма. Вначале достижение подобного результата требует частого общения и в промежутках между сессиями эффект встреч быстро теряет свою силу. При этом, однако, постепенно становится более отчетливым и внутренний аспект оси эго-Самость.

Чувство признания не только восстанавливает ось эго-Самость, но и вновь активизирует остаточную тождественность эго и Самости. Это непременно должно происходить, пока ось эго-Самость остается полностью неосознанной (это состояние показано на схеме 2). Поэтому возникают инфляционные установки и навязчивые ожидания, вызывающие дальнейшее отторжение со стороны терапевта и окружающих. Здесь вновь происходит нарушение оси эго-Самость, которое вызывает появление состояния относительного отчуждения. Теоретически можно предположить, что в процессе психотерапевтических занятий и естественного развития распад отождествления эго и Самости будет происходить достаточно мягко, чтобы не нарушить ось эго-Самость. В действительности это желательное состояние почти не имеет места.

Развитие сознания осуществляется циклически. Психическое развитие включает в себя ряд инфляционных или героических актов. Последние вызывают отторжение и сопровождаются отчуждением, сожалением, восстановлением прежнего состояния и повторной инфляцией. На ранних стадиях психологического развития этот циклический процесс непрерывно воспроизводится, причем каждый цикл расширяет область сознания. Тем не менее, в цикле могут происходить сбои, обусловленные расстройствами, особенно на ранних стадиях жизни. В детстве связь ребенка с Самостью во многом совпадает с его отношением к родителям. Поэтому, если это отношение имеет свои сбои или недостатки, то и связь ребенка с внутренним центром своего бытия будет характеризоваться сбоями и недостатками. Это обстоятельство позволяет понять ту важную роль, которую играют в развитии личности первоначальные семейные отношения. Если межличностные отношения в семье оказывают слишком травмирующее воздействие, тогда в цикле психологического развития может произойти почти полный разрыв. Такой разрыв может произойти в двух местах.

При отсутствии достаточного признания и возрождения любви в точке А может возникнуть препятствие. В цикле развития может произойти замыкание, если после наказания за проступок ребенок не найдет полного признания. Вместо завершения цикла и достижения точки покоя и нового признания эго ребенка нередко вовлекается в бесплодные колебания между инфляцией и отчуждением, которые усугубляют чувства разочарования и отчаяния.

Другое препятствие может возникнуть в точке Б. В цикле развития происходит замыкание, если ребенок живет в обстановке такой снисходительности, что вообще не ощущает значимого отторжения, и если родители ни в чем ему не отказывают. Из процесса развития выпадает целый комплекс переживаний отчужденности, который несет с собой сознание, и ребенок получает признание за свою инфляцию. Это приводит к развитию психологии испорченного ребенка и способствует формированию временной жизни, т.е. такой установки, при которой практически не воспринимаются ограничения и отторжения.

Происходит чередование инфляции и отчуждения, которое происходит на ранних стадиях. Здесь не учитывается дальнейшая стадия развития, когда происходит замещение цикла. Как только эго достигает определенного уровня развития, ему нет нужды повторять, по крайней мере, так же, как прежде, этот однообразный цикл. В таких случаях цикл замещается более или менее сознательным диалогом между эго и Самостью.

2.ОТЧАЯНИЕ И НАСИЛИЕ

В состоянии отчуждения эго не только лишается идентификации с Самостью, что желательно, но и утрачивает связь с ней, что весьма нежелательно. Связь между эго и Самостью имеет существенное значение для психического здоровья и благополучия. Она создает у эго ощущение опоры, структуры безопасности, обеспечивая энергию, заинтересованность, смысл и цель. Нарушение связи приводит к ощущениям опустошенности, отчаяния, бессмысленности, а в крайних случаях к психозу и самоубийству.

В Библии описаны несколько мифологических фигур, олицетворяющих состояние отчуждения. Адам и Ева являют собой грустные, отрешенные фигуры в момент их изгнания из сада Едемского. Фигуру отчуждения являет собой и Каин. В Книге Бытия мы читаем:

"И был Авель пастырь овец, а Каин был земледelec. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина, и на дар его, не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его. И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое?"

Иегова, по-видимому, не сознает, что причиной огорчения было его отторжение Каина.

"И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле".

Таким образом, изгнание Каина в пустыню воспроизводит на ином уровне изгнание Адама из рая. Объективный (а не традиционный) подход к мифу позволяет обнаружить, что источником проблемы было отторжение Богом Каина без очевидной причины или повода. В Библии сказано, что Авель был пастырем овец, а Каин был земледелец. Можно предположить, что Каин внедрял сельское хозяйство в обществе скотоводов. Тогда это объяснило бы каиново отторжение. Он был новатором и поэтому разделил характерную участь всех тех, кто пытался познакомить с новой ориентацией застывшее общество, которое боится перемен. Во всяком случае, Каин являет собой архетипическую фигуру, олицетворяющую опыт отторжения и отчуждения. Характерно, что его реакция на неумеренное иррациональное отторжение проявляется в виде насилия. Невыносимое переживание отчуждения и отчаяния неизбежно сопровождается насилием. Насилие может принимать либо внешнюю форму, либо внутреннюю. В крайних формах это означает либо убийство, либо самоубийство. Суть заключается в том, что в основе любого проявления насилия лежит переживание отчуждения, слишком сильного отторжения, чтобы его можно было вынести.

В психиатрической больнице я встретился с пациентом, который переживал миф Каина. Начиная с раннего детства, основной проблемой и центральной темой его жизненного опыта было соперничество со своим старшим братом. Его брат был любимцем обоих родителей. Он был удачлив во всем, за что бы он ни брался. Этот фаворитизм был настолько очевиден, что родители обычно обращались к пациенту, употребляя имя брата. Такое отношение, разумеется, приводило пациента в ярость, поскольку фактически оно означало, что родители не воспринимали его как отдельную личность, и в их глазах он практически не существовал. У пациента осталось ощущение горечи, разочарования и своей абсолютной никчемности. О степени идентификации пациента с "отверженным" свидетельствует его реакция во время просмотра фильма "К востоку от Едема", поставленного по роману Джона Стейнбека. Сценарий фильма представляет собой современную трактовку темы Каина и Авеля. Жили два брата, один из которых был любимцем отца, а другой — отверженным. Сильная идентификация с отвергнутым братом вызвала у пациента настолько острое чувство тревоги и страдания, что он был вынужден покинуть зал посреди фильма.

В дальнейшем пациент женился, но отношения с женой не сложились. У его жены был роман с другим мужчиной. Эта ситуация в полной мере возродила старую тему отверженности. Он попытался убить жену, но не убил. Спустя некоторое время он попытался покончить жизнь самоубийством. Первая попытка была неудачной, но, в конечном счете, с третьей попытки ему удалось осуществить это самоубийство. Таким образом, он изжил до конца свою мифологическую судьбу.

С внутренней точки зрения, между убийством и самоубийством существует незначительное различие. Единственное различие заключается в направлении движения деструктивной энергии. В депрессивном состоянии человеку нередко снятся сны, связанные с убийством; сновидец внутренне убивает себя. Такие образы сновидений свидетельствуют о том, что, в сущности, убийство и самоубийство символизируют одну и ту же вещь.

В Библии упоминается еще один персонаж, олицетворяющий состояние отчуждения. Это Измаил. Измаил был незаконнорожденным сыном Авраама от служанки Агари. Когда родился законный сын Исаак, Измаил со своей матерью был изгнан в пустыню. Тема незаконнорожденности составляет один из аспектов переживания отчужденности. В действительности незаконнорожденные дети обычно испытывают серьезные проблемы, связанные с отчуждением. Такую проблему можно было бы назвать комплексом Измаила.

В книге Мелвилла "Моби Дик" приведен прекрасный пример исследования комплекса Измаила. Главного героя романа зовут Измаил. Книга описывает чередование состояний инфляции и отчуждения. Приведем первый абзац "Моби Дика":

"Зовите меня Измаил. Несколько лет тому назад,—когда именно, неважно,—я обнаружил, что в кошельке у меня почти не осталось да іег, а на земле не осталось ничего, что могло бы еще занимать меня, и тогда я решил сесть на корабль и поплавать немного, чтоб поглядеть на мир и с его водной стороны. Это у меня проверенный способ развеять тоску и наладить кровообращение. Всякий раз, как я замечаю угрюмые складки в углах своего рта; всякий раз, как в душе у меня воцаряется промозглый, дождливый ноябрь; всякий раз, как я ловлю себя на том, что начал останавливаться перед вывесками гробовщиков и пристраиваться в хвосте каждой встречной похоронной процессии; в особенности же, всякий раз, как ипохондрия настолько овладевает мною, что только мои строгие моральные принципы не позволяют мне, выйдя на улицу, упорно и старательно сбивать с прохожих шляпы, я понимаю, что мне пора отправиться в плавание, и как можно скорее. Это заменяет мне пулю и пистолет. Катон с философическим жестом бросается грудью на меч,—я же спокойно поднимаюсь на борт корабля. И ничего удивительного здесь нет. Люди просто не отдают себе в этом отчета, а то ведь многие рано или поздно по-своему начинают испытывать к океану почти такие же чувства, как и я".

Все, что происходит в этой книге, логически вытекает из первого абзаца. Вся трагическая драма насилия и инфляции развивается из первоначального состояния отчуждения и самоубийственного отчаяния. Здесь содержится пример короткозамкнутого цикла, состояния отчуждения, которое возвращает индивида к инфляции с вытекающими отсюда катастрофическими последствиями.

Другие классические произведения также начинаются с описания состояния отчуждения. Данте начинает "Божественную комедию" следующими строками:

Земную жизнь пройдя до половины,

Я очутился в сумрачном лесу,

Утратив правый путь во тьме долины.

Каков он был, о, как произнесу,

Тот дикий лес, дремучий и грозный,

Чей давний ужас в памяти несусь!

Так горек он, что смерть едва ль не слаще.

Но, благо в нем обретши навсегда,

Скажу про все, что видел в этой чаще"

Гете также начинает своего "Фауста" с описания состояния отчуждения. В первой сцене Фауст говорит о чувстве опустошенности и бесплодности:

Ах! Назло своей хандре

*Еще я в этой конуре,
Где доступ свету загражден
Цветною росписью окон!
Где запыленные тома*

Навалены до потолка...

Гельдерлин описывает переход от ребенка к взрослому как переход от неба к пустыне:

*Благословенны золотые мечты детства!
Их сила скрыла от меня унылую бедность жизни.
Вы помогли расцвести всем добрым семенам сердца*

*Вы дали мне все недостижимые вещи!
О, Природа! В твоей красоте и в твоём свете*

*Свободно и непринужденно
Плодотворная любовь достигла царственного положения,*

*Богатого, как урожаи в Аркадии.
То, что взрастило меня, мертво и рассечено,
Погиб юный мир, служивший мне щитом,
И грудь, вмещавшая небо,*

Иссохла и мертва, как поле со стерней".

Мы не испытываем недостатка в современных описаниях состояния отчуждения. Действительно, они встречаются так часто, что наш век вполне можно было бы назвать веком отчуждения. Возьмем в качестве примера несколько фрагментов из сборника "Бесплодная земля" Т.С. Элиота:

*Какие корни цепляются за эту грудку щебня?
Какие ветви прорастают из нее? Сын человеческий,
Ты не способен ответить на вопрос, ибо ты знаком
Лишь с грудой разбитых образов, где солнце безжалостно светит,
Сухое дерево не дает убежища, сверчок не знает усталости.
В иссохшем камне не слышен звук воды.*

Здесь нет воды. Здесь только скалы.

Здесь скалы, ни капли нет воды, песчаная дорога.

Дорога вьется вверх средь гор,

Скалистых гор, без капли влаги.

Если бы там была вода, мы бы остановились и напились.

Средь скал нельзя остановиться и задуматься.

Пот высох, ноги в песке.

Если бы только вода была средь скал.

Иссохшая пасть гор не способна даже плюнуть.

Здесь невозможно ни стоять, ни лежать, ни сидеть.

В горах нет даже тишины.

Здесь только гром сухой, ни капли нет дождя.

В горах нет даже одиночества.

Из дверей растрескавшихся мазанок

Лишь рожки красные скалятся глумливые.

Это очень сильная поэма. В ней отражаются характерные для нашего времени индивидуальные и коллективные формы отчуждения. Вне сомнения, "груда разбитых образов" относится к традиционным религиозным символам, утратившим для многих людей свой смысл. Мы живем в пустыне и не можем найти источник животворной воды. Горы изначально были местом встречи человека с Богом. Теперь в горах лишь сухо гремит гром, не принося дождя.

Современный экзистенциализм можно рассматривать как свидетельство коллективного отчуждения. Многие современные романы и пьесы изображают потерянные, бессмысленные жизни. Современный художник вынужден непрестанно изображать, разъяснять всем нам переживание бессмысленности. Тем не менее, это нельзя рассматривать как исключительно негативный феномен. Отчуждение—это еще не тупик. Мы надеемся, что отчуждение способно привести к большему пониманию высот и глубин жизни.

3. ОТЧУЖДЕНИЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ

Если переживание активной инфляции служит необходимым аккомпанементом развития эго, то переживание отчуждения служит необходимой прелюдией к осознанию Самости. Патриарх современного экзистенциализма Кьеркегор рассматривает смысл переживания отчужденности в следующем фрагменте:

" ...так много говорят о потерянных жизнях,—но потерянной можно назвать жизнь только того человека, который продолжал жить, будучи настолько обманутым радостями или печальми

жизни, что так никогда и не осознал себя как духа навсегда и бесповоротно... или (что то же самое) не осознал и, в глубочайшем смысле, не воспринял тот факт, что существует Бог, и что он сам... существует перед этим Богом, чья бесконечность достигается только через отчаяние (курсив автора).¹³ В сущности, Юнг выражает ту же мысль в психологических терминах:

"В своем стремлении к самореализации Самость выходит за пределы эго-личности, распространяясь во все стороны; благодаря своей всеобъемлющей природе она ярче и темнее, чем эго, и поэтому ставит перед ним проблемы, от решения которых оно стремится уйти. Человека подводит либо моральное мужество, либо интуиция, либо и то, и другое, пока, в конечном счете, судьба не определит... что он стал жертвой решения, принятого без его ведома или вопреки велению сердца. Отсюда можно заключить о существовании нуминозной силы Самости, которую едва ли возможно воспринимать иным путем. Поэтому восприятие Самости всегда означает поражение для эго".

Существует немало описаний религиозных переживаний, которым обычно предшествует то, что Иоанн Креститель назвал "темной ночью души", Кьеркегор называл "отчаянием", а Юнг — "поражением эго". Эти термины обозначают одно и то же психологическое состояние отчуждения. В документальных описаниях религиозных переживаний нередко встречаются глубокие чувства подавленности, вины, греховности, никчемности и полное отсутствие ощущения сверхличностной поддержки или основы существования человека.

Классическим символом отчуждения является образ пустыни. Характерно, что именно в пустыне встречаются проявления Бога. Источник божественной пищи появляется в тот момент, когда затерянный в пустыне странник стоит на грани гибели. Израильтяне в пустыне питаются манной небесной (Исход, 16:4) (рис.10). В пустыне вороны кормят пророка Илию (Книга Царств, 17:2-6) (рис. 11). Согласно легенде, в пустыне ворон кормил отшельника святого Павла (рис. 12). В психологическом отношении это означает, что восприятие поддержки со стороны архетипической психики может состояться, когда эго, исчерпав свои ресурсы, осознает свое существенное бессилие. "В отчаянном положении человеку может помочь только Бог".

В своей книге "Многообразие религиозного опыта" В. Джемс приводит ряд примеров состояния отчуждения, которое предшествует нуминозному переживанию. В качестве одного из таких примеров он рассматривает случай Льва Толстого:

"В возрасте пятидесяти лет Толстой сообщает, что он стал иногда испытывать замешательство. Эти моменты он называл моментами остановки, словно он не знал, "как надо жить", что надо делать. Очевидно, что это были те моменты, когда исчезали волнение и интерес, вызываемые нашими естественными функциями. Полная очарования жизнь теряла свои краски, мертвела. Стали бессмысленными вещи, чей смысл всегда был очевиден. Все чаще стали тревожить вопросы "почему?" и "что дальше?". Вначале, казалось, такие вопросы должны иметь ответы, и он легко нашел бы их, если бы потратил на них время; но по мере того, как они становились более насущными, он заметил, что они стали походить на первые признаки дискомфорта, на которые больной обращает мало внимания, пока они не превращаются в одно непрерывное страдание, и тогда он осознает, что то, что он считал временным расстройством, означает для него самую важную вещь в мире—его смерть. Вопросы "почему?", "по какой причине?", "для чего?" не находили ответа. "Я чувствовал,— говорит Толстой,— что у меня внутри сломалось нечто такое, на чем всегда была основана моя жизнь; у меня не осталось ничего, на что я мог опираться, в моральном отношении моя

жизнь остановилась. Непреодолимая сила побуждала меня покончить, так или иначе, со своим существованием. Нельзя сказать, что я хотел покончить жизнь самоубийством, ибо сила, уводящая меня от жизни, была более полной, могучей и всеобщей, чем простое желание. Эта сила походила на мое прежнее стремление жить, только она побуждала меня двигаться в противоположном направлении. Это было стремление всего моего существа уйти из жизни. И вот я, счастливый и в добром здравии человек, прячу веревку, чтобы не повеситься на балках в комнате, куда я каждую ночь отправляюсь спать в одиночестве; я больше не хожу на охоту, чтобы не поддаваться искушению застрелиться из ружья.

Я не знал, что мне нужно. Я боялся жизни; я чувствовал влечение расстаться с жизнью; и, тем не менее, я все еще надеялся что-то получить от нее.

Все это происходило в то время, когда в соответствии с внешними обстоятельствами я должен был быть вполне счастлив. У меня была замечательная жена, которая меня любила и которую я любил; у меня были хорошие дети и большое состояние, которое возрастало, не требуя от меня особых усилий. Как никогда прежде, я пользовался уважением моих родственников и знакомых; посторонние люди восхваляли меня; без преувеличения я считал, что мое имя стало знаменитым. Более того, я не был психически или физически больным. Напротив, я обладал физическим и психическим здоровьем, которое редко встречается у людей моего возраста. Я мог косить так же хорошо, как крестьяне, и заниматься умственным трудом по восемь часов подряд, не испытывая неприятных последствий.

И, тем не менее, я не мог дать разумное объяснение своим поступкам. С удивлением я обнаружил, что с самого начала я этого не понимал. Состояние моего ума было такое, словно кто-то сыграл со мной глупую шутку. Жить можно, пока чувствуешь опьянение жизнью, но как только начинаешь трезветь, тотчас замечаешь, что все это глупая шутка. Вне сомнения, здесь нет ничего забавного или бесхитростного; все это жестоко и глупо".

Его одолевают вопросы, на которые невозможно ответить:

"...Каков будет результат того, что я делаю сегодня? Что мне завтра делать? Каков будет исход всей моей жизни? Почему я должен жить? Почему я должен что-то делать? Существует ли в жизни цель, которую не уничтожит неизбежная моя смерть?

Это самые простые в мире вопросы. Они живут в душе каждого человека, от неразумного ребенка до самого мудрого старца. Я чувствовал, что без ответа на них моя жизнь не может продолжаться". Это замечательный пример острого приступа отчуждения. Поставленные Толстым вопросы лежат в основе каждой формы невроза, развивающейся в зрелые годы. Поэтому Юнг справедливо говорит, что никогда не видел пациента в возрасте старше тридцати пяти лет, который излечился бы, не найдя религиозного подхода к жизни. С психологической точки зрения, основу религиозного подхода составляет переживание нуминозности, т.е. Самости. Но эго не способно воспринимать Самость как нечто отдельное, пока оно находится в состоянии бессознательной идентификации с Самостью. Для того чтобы воспринимать Самость как нечто "иное", эго должно вначале освободиться от отождествленности с Самостью. Человек не способен воспринимать существование Бога, пока находится в состоянии бессознательной идентификации с ним. Но процесс разделения эго и Самости вызывает отчуждение, поскольку утрата идентичности эго и Самости также приводит к нарушению оси эго-Самость. Этим объясняется наступление "темной ночи души", которое предшествует нуминозному переживанию.

Джемс упоминает еще один случай отчуждения, описанный Джоном Баньяном:

"Но моя первоначальная внутренняя оскверненность приводила меня в отчаяние. По этой причине в своих глазах я заслуживал большего презрения, чем жаба. Я думаю, что и в глазах Бога я заслуживал презрения. Грех и развращенность, говорил я, изливались из моего сердца столь же естественно, как вода из фонтана. Я способен был поменяться душой с кем угодно. Я думал, что никто, кроме самого дьявола, не мог бы сравниться со мной по части внутренней оскверненности и развращенности. Вне сомнения, думал я, Бог покинул меня. В таком состоянии я пребывал несколько лет подряд.

Теперь я сожалею, что Бог создал меня человеком. Я благословлял животных, птиц и рыб, ибо их природа не знала греха; гнев Бога на них не распространяется; они не будут гореть в адском огне после смерти. Поэтому я был бы рад оказаться в положении любого из этих существ. Теперь я благословлял жизнь собаки и жабы. Да, я с радостью оказался бы в положении собаки или лошади, ибо я знал, что у них не было души, которой, подобно моей душе, суждено погибнуть под вечным бременем Ада или Греха. Более того, хотя я видел это, чувствовал это и был раздавлен этим, тем не менее, мою печаль усиливало то, что я не мог обнаружить в себе искреннего желания освободиться от этого состояния. Иногда мое сердце весьма ожесточалось. Если бы я заплатил тысячу фунтов стерлингов за одну слезинку, я не смог бы пролить ее, более того, у меня не возникло бы даже такого желания.

Я был в тягость себе, я терзал себя; никогда так явно не сознавал, как можно тяготиться жизнью и в то же время бояться умереть. С какой радостью я бы стал кем угодно, только не собой! Кем угодно, только не человеком! В любом состоянии, только не в моем".

Состояние психики Баньяна имеет отчетливо патологический характер. Эти же чувства общей вины и невозможности спасения выражаются в психотической меланхолии. Его восприятие себя как самого виновного человека на земле отражает негативную инфляцию. Но оно отражает и отчуждение. Зависть, которую испытывает Баньян к животным, нередко упоминается в сообщениях о состоянии отчуждения, которое предшествует религиозному переживанию. Зависть к животным дает нам ключ к пониманию, как можно исцелиться от отчуждения, а именно посредством восстановления связи с естественной, инстинктивной природой. Хотя отчуждение и составляет архетипическую, а следовательно, и общечеловеческую форму переживания, тем не менее, такие преувеличенные нормы переживания, как у Баньяна, обычно встречаются у людей с определенным типом травматического детства. В тех случаях, когда ребенок остро ощущает отторжение со стороны родителей, происходит нарушение оси эго-Самость, и тогда у ребенка формируется предрасположенность к состояниям отчуждения в более зрелые годы жизни, когда они становятся невыносимыми. Такое развитие событий обусловлено тем, что ребенок воспринимает родительское отторжение как отторжение божье. Затем это переживание включается в состав психики в качестве постоянного отчуждения между эго и Самостью.

В контексте христианской психологии переживание отчуждения обычно рассматривается как божественное наказание за грехи. Здесь уместно упомянуть теорию святого Ансельма о грехе. По мнению святого Ансельма, грех состоит в лишении Бога его исключительных прав, и поэтому грех бесчестит Бога. Бесчестие требует расплаты. Святой Ансельм пишет по этому поводу следующее:

"Каждое желание разумного существа должно подчиняться воле Бога... Это есть единственный и полный долг чести, который мы должны отдать Богу и который Бог требует от нас... Тот, кто не

отдает долг чести, причитающийся Богу, лишает Бога того, что по праву принадлежит Ему, и унижает Его достоинство; и это есть грех. Более того, он будет оставаться виновным до тех пор, пока не отдаст то, что присвоил себе, но, учитывая проявленное неуважение, он должен возратить больше, чем присвоил. Ибо, как тот, кто ставит под угрозу безопасность другого лица, не делает достаточно, ограничиваясь восстановлением безопасности без выплаты компенсации за причиненные страдания, так и тот, кто унижает достоинство другого лица, не делает достаточно, ограничиваясь воздаванием почестей, но должен в соответствии с причиненным ущербом выплатить компенсацию каким-либо способом, удовлетворительным для лица, достоинство которого было унижено. Следует учитывать и то, что, когда кто-либо возвращает незаконно присвоенное, он должен отдать что-нибудь такое, что от него могли бы потребовать, если он не похитил нечто, принадлежащее другому. Поэтому каждый, кто совершает грех, должен восстановить честь, которой он лишил Бога; это и есть удовлетворение, которое каждый грешник должен доставить Богу".¹⁸ Грех—это инфляционное высокомерие эго, которое присваивает себе функции Самости. Это преступление требует наказания (отчуждения) и реституции (покаяния, раскаяния). Но, согласно святому Ансельму, для полного удовлетворения необходимо возратить больше, чем было первоначально присвоено. Это невозможно, поскольку человек обязан хранить абсолютную верность Богу, даже не совершив прегрешения. Он не располагает дополнительными возможностями, чтобы компенсировать свое наказание. Для этого он должен воспользоваться милостью, обеспеченной жертвой Богочеловека Иисуса Христа. В результате прегрешения и раскаяния Бог сам выплачивает штраф, изливая милость. Это согласуется с высказыванием святого апостола Павла: "А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать, дабы как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим" (Рим. 5:20,21). Разумеется, на вопрос "оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать" апостол Павел дает отрицательный ответ. Тем не менее, этот вопрос косвенным образом указывает на тревожный факт существования определенной связи между благодатью и грехом.

С психологической точки зрения, упомянутые теологические теории имеют непосредственное отношение к связи между эго и Самостью. По мере возможности необходимо сторониться инфляции (греха). При возникновении инфляции эго может спастись только путем восстановления утраченного достоинства Самости (покаяние, искреннее раскаяние). Однако этого недостаточно для полного удовлетворения. Благодать, полученная благодаря самопожертвованию Самости, должна завершить расплату. Существует даже косвенное указание на то, что прегрешение эго и последующее наказание необходимы для формирования потока целительной энергии (благодати), исходящей от Самости. Это соотносится с утверждением, что эго не способно воспринимать поддержку Самости, пока не освободится от своей идентификации с Самостью. Эго не может стать сосудом для восприятия благодати, пока не освободится от своей инфляционной наполненности. Такое освобождение осуществляется только посредством переживания отчуждения.

Мартин Лютер выражает эту мысль следующим образом: "Бог действует с помощью противоположностей, чтобы человек ощутил тщетность своих усилий именно в тот момент, когда Бог собирается спасти его. Когда Бог собирается оправдать человека, он проклинает его. Он должен вначале убить того, кого собирается оживить. Помощь приходит от Бога в виде гнева, поэтому она кажется далекой тогда, когда она находится рядом. Вначале человек должен возопить, что в нем не осталось здоровья. Ужас должен объять его душу. Это и есть муки чистилища... Из состояния такой тревоги зарождается спасение. Свет пробивается к человеку

4. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОСИ ЭГО-САМОСТЬ

В психотерапевтической практике очень часто встречается типичная клиническая картина, которую можно было бы назвать неврозом отчуждения. Индивид с таким неврозом сомневается в своем праве на существование. Он испытывает глубокое чувство своей никчемности со всеми симптомами, которые принято называть комплексом неполноценности. На бессознательном уровне такой индивид автоматически предполагает, что все исходящее от него—сокровенные желания, потребности и интересы—должны быть неправильными или в каком-то отношении неприемлемыми. При такой установке психическая энергия сдерживается и вынуждена скрытно, бессознательно или деструктивно проявляться в виде психосоматических симптомов, приступов беспокойства или примитивных аффектов, депрессии, суицидных побуждений, алкоголизма и т.д. В принципе перед таким пациентом стоит проблема его оправдания или неоправдания перед Богом. Здесь мы имеем психологическую основу для постановки теологического вопроса об оправдании. Вопрос "оправдывает нас наша вера или наши деяния?" указывает на различие между интровертной и экстравертной точками зрения. В глубине души отчужденная личность ощущает свою неоправданность и неспособность действовать, исходя из лучших побуждений. В то же время такой индивид лишен ощущения смысла. Жизнь лишена психического содержания.

Для выхода из состояния отчужденности необходимо восстановить связь между эго и Самостью. Из сообщения доктора Ролло Мэя я позаимствовал описание такого опыта. Пациентка, женщина в возрасте 28 лет, была незаконнорожденным ребенком и страдала так называемым неврозом отчуждения. Приведем ее рассказ о своих переживаниях:

"Я помню, что в тот день я бродила в трущобах под железной дорогой на эстакаде. Меня неотступно преследовала мысль, что "я—незаконнорожденный ребенок". Пот катил с меня градом, когда я в муках старалась признать этот факт. Затем я поняла, что должен чувствовать человек, сделавший такое признание: "Я—негритянка среди привилегированных белых" или "я—слепая среди зрячих". Когда я проснулась ночью, меня осенило: "Я признаю тот факт, что я—незаконнорожденный ребенок", но "я уже не ребенок". Значит, "я—незаконнорожденная". Но и это неверно. "Я незаконно родилась". Тогда что остается? Остается: "Я есмь". Установление контакта с реальностью ("я есмь") своего бытия и признание этой реальности (что, как мне кажется, впервые произошло со мной) тотчас произвели на меня впечатление и вызвали следующую мысль: "Поскольку я есмь, следовательно, я имею право быть". С чем можно сравнить этот опыт? Вначале у меня возникло такое чувство, словно я соприкоснулась с действительностью. Я ощутила свое собственное существование, и мне не было дела до того, что составляет его основу—какой-нибудь ион или просто волна. Я испытывала такое же ощущение, как в детстве, когда я добралась до сердцевины персика и расколола косточку, не зная, что я там найду. К своему удивлению, я нашла внутри косточки съедобное зернышко, которое на вкус оказалось горько-сладким...

Здесь уместно привести сравнение с постановкой в порту парусной шлюпки на якорь. Изготовленная из земных материалов, шлюпка может с помощью якоря соприкоснуться с землей, той почвой, из которой выросла ее древесина. Шлюпка может поднять якорь, чтобы отправиться в плавание; но она может в любой момент бросить якорь, чтобы переждать шторм или немного отдохнуть...

Впечатление такое, словно я вхожу в мой сад Едемский, где я нахожусь по ту сторону добра и зла и всех иных человеческих представлений... Мое состояние напоминает состояние глобуса, на котором еще не нанесены горы, океаны и континенты. Это напоминает ребенка, который на занятиях по грамматике находит в предложении подлежащее для сказуемого, причем в данном случае подлежащим является вся его жизнь. Здесь исчезает ощущение теоретического подхода к своей сущности..." Мэй называет это состояние переживанием своего бытия ("я есмь"), что вполне оправдано с дескриптивных позиций. Кроме того, данное состояние можно рассматривать как восстановление оси эго-Самость, которое, вероятно, произошло в контексте сильного переноса.

Иллюстрацией к началу восстановления нарушенной оси эго-Самость может служить сновидение, о котором рассказала в процессе психотерапевтических консультаций молодая женщина. Ей приснился следующий сон:

"Я была сослана в Сибирь. Бесцельно брожу по холодным щетинным равнинам. Затем ко мне приближается группа верховых солдат. Они швыряют меня в снег и начинают по очереди насиловать. Это происходит четыре раза. Я чувствую себя разбитой и окоченевшей от холода. Затем ко мне подходит пятый солдат. Я ожидаю к себе такого же отношения от него, как и от остальных солдат. Но, к своему удивлению, я вижу в его глазах жалость и человеческое понимание. Вместо того чтобы изнасиловать, он осторожно заворачивает меня в одеяло и относит к ближайшему коттеджу. Он усаживает меня подле огня и кормит теплым супом. Я знаю, он исцелит меня".

Этот сон приснился на этапе образования переноса. В детстве пациентка остро переживала отторжение со стороны обоих родителей. В частности, после развода с матерью отец совершенно не уделял девочке внимания. Такое отношение нанесло сокрушительный удар по чувству собственного достоинства пациентки и оставило у нее чувство отчужденности от ценностей, носителем которых был ее отец и, в конечном счете, определенная часть ее Самости. Сон ярко передает ее чувство отчуждения или отторжения и появление нового переживания восстановления оси эго-Самость. Это происходит при осознании сильных чувств переноса. Разумеется, в психотерапии такие переживания встречаются регулярно и более или менее успешно преодолеваются с помощью добрых человеческих отношений и общепринятых теорий переноса. Тем не менее, я полагаю, что осознание глубоко внутреннего процесса, который приводит к восстановлению оси эго-Самость, позволяет более основательно осмыслить сам феномен переноса. Более того, этот процесс позволяет рассматривать терапевтический опыт в более широком контексте общечеловеческой потребности в установлении связи со сверхличностным источником бытия.

Другой пример исцеляющего воздействия, обусловленного восстановлением связи между эго и Самостью, содержится в замечательном сновидении, рассказанном мне человеком, которому в детстве довелось пережить острое чувство эмоциональной утраты. Он был незаконнорожденным ребенком и воспитывался у приемных родителей, состояние которых было близким к психотическому. Практически они не вызывали у ребенка теплых чувств к себе. В результате этого у него в зрелые годы сохранилось острое чувство отчуждения. Хотя он был довольно одаренной личностью, тем не менее, в своем стремлении реализовать свои потенциальные возможности он сталкивался с серьезными трудностями. Этот сон приснился ему в ночь после смерти Юнга (6 июня 1961 года). Я упоминаю эту подробность в связи с тем, что смерть Юнга произвела на него впечатление, и сон отражает одну из особенностей юнгианского подхода к психическому. Приведем описание сна:

"Мы вчетвером прибываем на неизвестную планету. Четверка, по-видимому, отражает кватерность в том смысле, что каждый из нас представляет определенный аспект одного бытия, словно мы представляем четыре стороны света или четыре расы человечества. По прибытии мы обнаружили на планете дублеров, вторую группу из четырех человек. Эта группа не говорит на нашем языке. Каждый из них говорит на ином языке. Первое, что мы стараемся сделать,—это определить общий язык. (Эта проблема занимает значительную часть описания сна, и я пропущу эту часть).

На планете царит обязательный для всех ее обитателей суперпорядок. Нам кажется, что соблюдение суперпорядка обеспечивается не отдельным человеком или правительством, а благожелательным авторитетом, т.е. природой. В его способности регулировать жизнь каждого обитателя планеты нет ничего опасного для индивидуальности. Мое внимание отвлекает какое-то происшествие в аварийной камере. У одного из четверых обитателей планеты произошел сердечный приступ. По-видимому, волнение, вызванное нашим прибытием, привело к учащению сердцебиения. В таких случаях суперпорядок осуществляет вмешательство. Инопланетянин погружается в полукоматозное состояние, в котором происходит подключение к основному сердечному ритму с целью снятия "перегрузки", пока не будет достигнута стабилизация.

Меня интересует, позволят ли нам остаться на планете. Затем мы получаем информацию о том, что нам позволено продлить свое пребывание на планете при условии, что мы подключимся к определенной длине волны, чтобы "центральный источник закона энергии" смог определять момент наступления того, что на планете называется "опасностью", а на земле называется "грехом". В момент появления для нас опасности суперпорядок "возьмет нас под свой контроль", пока не исправится сложившееся положение. Опасность возникает в тех случаях, когда осуществляется действие с целью доставить непосредственное удовольствие эго или любой сознательной части личности без учета архетипических источников данного действия. Такие действия не соотносятся со своим архетипическим источником или аспектом ритуала, связанным с первичным, основополагающим действием".

Основная особенность этого весьма выразительного сна состоит в существовании на другой планете (в бессознательном) "суперпорядка" и "центрального источника закона энергии". Этот замечательный образ символически отражает процесс сверхличностного регулирования психики и соответствует нашему представлению о компенсаторной функции бессознательного. В описании сновидения сказано, что опасность возникает "в тех случаях, когда осуществляется действие с целью доставить непосредственное удовольствие эго ...без учета архетипических источников данного действия". Это точное описание инфляции, при которой эго функционирует без учета сверхличностных категорий существования. Более того, в сновидении это состояние отождествляется с грехом, что соответствует вышеупомянутой точке зрения святого Ансельма.

В сновидении сообщается, что "суперпорядок" вступает в действие, чтобы снять "перегрузку", как только эго войдет в состояние инфляции, и таким образом обеспечить защиту от опасностей последующего отчуждения. Этот защитный, или компенсаторный, механизм точно соответствует открытому в физиологии Уолтером Кенноном процессу гомеостаза.²¹ Согласно этой концепции, в организме человека действует процесс гомеостаза или саморегуляции, предотвращающий существенную разбалансировку основных систем организма. Например, при потреблении слишком большого количества поваренной соли почки увеличивают содержание поваренной

соли в урине. Другой пример: при увеличении в крови содержания двуокиси углерода определенные нервные центры мозга активизируют респираторную деятельность, чтобы удалить избыточное количество двуокиси углерода. При отсутствии нарушений и препятствий для естественного функционирования в психике действует аналогичный гомеостатический процесс саморегуляции. Как и тело человека, бессознательная психика обладает инстинктивной мудростью, способной корректировать ошибки и крайние проявления сознания, если мы сознаем ее указания. Корректирующая функция берет свое начало от Самости и для своей беспрепятственной реализации требует установления живой, здоровой связи между Самостью и эго.

Поскольку идентичность эго и Самости имеет столь же общечеловеческий характер, как и первородный грех, для обеспечения психологического развития даже "нормального" человека отчуждение должно составлять необходимое переживание. Действительно, они идентичны. Эту мысль замечательно выразил Карлейль. По его мнению, величина счастья обратно пропорциональна числу наших ожиданий, т.е. нашему представлению о той величине счастья, на которую мы имеем право. Счастье равно тому, что мы имеем, деленному на то, что мы ожидаем. По этому поводу Карлейль пишет следующее:

"В соответствии с некоторыми оценками и среднестатистическими ожиданиями нам уготована средняя земная участь, которая принадлежит нам от рождения и составляет наше неотъемлемое право. Это так же просто, как и выплата зарплаты или воздаяние по заслугам. Здесь нет нужды выражать благодарность или предъявлять претензии. Если случится прибыль, мы считаем это счастьем, а если случится дефицит, то несчастьем. Предположим, что мы сами оцениваем свои достоинства. Сколько же самодовольства заключено в каждом из нас! Стоит ли удивляться, что чаши весов так часто склоняются не туда, куда надо! Скажу тебе, Болван, что все это проистекает из твоего тщеславия, из твоих фантазий о том, какими должны быть твои достоинства. Представь себе, что ты заслуживаешь виселицы (что вполне вероятно). Ты будешь счастлив, когда узнаешь, что тебя всего лишь расстреляют...

... Цоля жизни возрастает не столько благодаря увеличению вашего числителя, сколько благодаря уменьшению вашего знаменателя, и если меня не подводит моя алгебра, деление единицы на нуль даст бесконечность. Сведи к нулю свои требования к вознаграждению, и тогда весь мир будет лежать у твоих ног. Прекрасно пишет мудрейший человек нашего времени: "Жизнь как таковая начинается только с самоотречения (Entsagen)"

ГЛАВА 3. Встреча с Самостью

Я взираю на эту жизнь как на путешествие царственной особы; душа покидает свой двор, чтобы осмотреть свою страну. Небо заключает в себе картину земли, и если бы душа удовлетворялась представлениями, ее путешествие не вышло бы за пределы карты. Но замечательные образцы прельщают своими копиями... и, вглядываясь в их симметрию, она придает ей форму. Так нисхождение души свидетельствует о ее происхождении. Влюбленный в ее красоту Бог вставляет зеркало в рамку, чтобы любоваться ее отражением.

(ТОМАС ВООН)

1. РОЛЬ КОЛЛЕКТИВНОГО

Известно, что состояния инфляции и отчуждения входят в состав цикла психической жизни и стремятся превратиться в нечто иное. Инфляцированное состояние при отреагировании приводит к падению и, следовательно, к отчуждению. Состояние отчуждения, напротив, при нормальных обстоятельствах приводит к исцелению и восстановлению. Инфляция и отчуждение превращаются в опасные состояния только тогда, когда они отделяются от цикла психической жизни, в состав которого они входят как отдельные части. Существование личности ставится под угрозу, если инфляция и отчуждение принимают форму статических, хронических состояний, вместо того чтобы участвовать в общей динамике развития цикла. Тогда необходимо обратиться к помощи психотерапии. Тем не менее, большинство людей всегда защищались от этих опасностей с помощью коллективных, традиционных (и поэтому преимущественно бессознательных) средств.

В религиозной практике и народной мудрости всех времен и рас всегда распознавались (хотя и под разными названиями) психические опасности инфляции и отчуждения. Существует немало коллективных и индивидуальных ритуалов, предназначенных для предотвращения инфляционной тенденции вызвать зависть Бога. Например, у нас существует древнее поверье, что необходимо постучать по дереву, когда кто-нибудь говорит о том, что дела обстоят благополучно. В основе этого поверья лежит осознанное или неосознанное понимание опасности гордости и самодовольства. Отсюда необходимость применения определенного метода для унижения индивида. Эту же цель преследует употребление выражения "если будет на то воля Божья". В большинстве случаев различные табу, встречающиеся в первобытных обществах, имеют под собой ту же основу—защиту индивида от инфляции, от соприкосновения с силами, слишком большими для ограниченного сознания эго и способными вызвать в нем чудовищные разрушения. Эту же защитную функцию выполняет первобытный обычай изолировать в уединение воинов после возвращения их с победой с поля боя. Победа вызывает у победителей инфляцию, и если их, например, впустить в деревню, они могут обратить свою силу против ее жителей. Поэтому перед новой интеграцией в общину для победоносных воинов отводятся несколько дней, чтобы они смогли успокоиться.

В древнем митраизме существовал интересный ритуал под названием "ритуал Короны". Этот ритуал был предназначен для защиты от инфляции. Во время посвящения римского воина в

митраизм осуществлялась следующая церемония. Кандидату в посвященные предлагалась на кончике меча корона. В соответствии с наставлениями, он должен был рукой оттолкнуть корону, говоря: "Митра—моя корона". После этого он даже на празднествах и военных торжествах никогда не носил корону или венок победителя, и если ему предлагали корону, он отказывался принять ее, говоря: "Она принадлежит моему брату".¹

В дзен-буддизме были разработаны изощренные методы для разрушения интеллектуальной инфляции, иллюзии, что индивид знает. К числу таких методов относится применение коанов, или загадочных высказываний. Приведем пример применения коанов: Ученик спрашивает у своего учителя: "Обладает ли собака природой Будды?" Учитель отвечает: "Гав-гав".

В христианской традиции прилагается немало усилий по защите от инфляции. Симптомами инфляции являются семь смертных грехов: гордость, гнев, вожделение, алчность, чревоугодие и леность. Называя их грехами, которые требуют исповеди и покаяния, индивид защищается от них. Основной смысл заповедей Иисуса состоит в том, что благодать исходит от личности, не подверженной инфляции.

Существует немало традиционных способов защиты индивида от инфляции. С психологической точки зрения, основная цель всех религиозных церемоний состоит в обеспечении связи между индивидом (эго) и божеством (Самостью). Все религии являются хранилищами сверхличностного опыта и архетипических образов. Внутренняя задача религиозных церемоний состоит в том, чтобы предоставить индивиду возможность почувствовать свою значимую причастность к этим сверхличностным категориям. Это утверждение справедливо для католической мессы и исповедальни, которые имеют более личностное значение, предоставляя индивиду возможность избавиться от бремени обстоятельств, вызвавших ощущение отчуждения от Бога. Признавая в священнике представителя Бога, индивид в какой-то мере обретает ощущение возвращения к Богу и восстановления с ним связи.

Все религиозные ритуалы учитывают сверхличностные категории и пытаются установить связь между ними и индивидом. Религия обеспечивает наилучшую форму коллективной защиты от инфляции и отчуждения. Насколько нам известно, каждое общество включает в ритуал своей коллективной жизни такие категории. Весьма сомнительно, что коллективная форма жизни людей смогла бы просуществовать какое-либо время без общего ощущения знания этих сверхличностных категорий.

Тем не менее, защищая человека от опасностей психических глубин, коллективные методы одновременно лишают его возможности лично испытать эти глубины и на основе этого опыта осуществлять свое развитие. Когда живая религия способна вмещать Самость и передавать своим приверженцам ее динамизм, индивид практически не испытывает потребности в личной встрече с Самостью. Он не испытывает потребности в установлении личной связи со сверхличностным аспектом бытия. Эту задачу за него выполняет церковь.

В связи с вышеизложенным возникает серьезный вопрос: обладает ли современное западное общество действующим вместилищем для сверхличностных категорий или архетипов? Элиот ставит этот вопрос так: осталось ли у нас что-нибудь еще, кроме "груды разбитых образов?" Дело в том, что подавляющее большинство индивидов не имеют в своем распоряжении живых, действующих сверхличностных категорий, с помощью которых они могли бы осмыслить жизненный опыт. Такие категории индивид получает от церкви или иным путем. Подобное

положение дел таит в себе опасность, поскольку при отсутствии сверхличностных категорий эго стремится считать себя всем или ничем. Более того, при отсутствии соответствующего вместилища для архетипов (например, общепризнанной религиозной структуры) архетипы вынуждены искать иные возможности для своей реализации, поскольку они составляют реальности психической жизни. Одна из таких возможностей состоит в проецировании архетипов на общинные или мирские проблемы. Тогда, в зависимости от жизненных критериев индивида, сверхличностная ценность может быть придана личной власти, какому-нибудь движению за социальные реформы или любой форме политической деятельности. Это происходит в нацизме, праворадикальном движении, и в коммунизме, леворадикальном движении. Эта же разновидность динамизма может проецироваться на расовую проблему в форме расизма. Личные, светские и политические формы деятельности приобретают бессознательно-религиозный смысл. Такое положение дел чревато серьезными опасностями, религиозная мотивация, действуя на бессознательном уровне, вызывает проявления фанатизма со всеми вытекающими отсюда деструктивными последствиями.

Когда коллективная психика находится в устойчивом состоянии, подавляющее большинство индивидов придерживается единых взглядов на общий живой миф или божество. Каждый индивид проецирует свой внутренний образ Бога (Самости) на религию общины. В таких случаях коллективная религия выполняет для большинства индивидов роль вместилища Самости. Реальность сверхличностных жизненных сил отражается во внешних образах, которые церковь воплощает в своих символах, мифах, ритуалах и догмах. При адекватном функционировании церковь защищает общество от любого распространения инфляции и отчуждения. При всей своей устойчивости такая ситуация имеет свои недостатки. Самость или образ Бога еще не осознана, т.е. не опознана как внутренняя психическая сущность. Хотя в общине верующие и поддерживают относительно гармонические отношения друг с другом, тем не менее, эта гармония носит иллюзорный и, в какой-то мере, неискренний характер. По отношению к церкви индивиды находятся в состоянии коллективной идентификации и не устанавливают неповторимо-индивидуальных отношений с Самостью.

Если в настоящее время внешняя церковь теряет способность выполнять роль носителя проекции Самости, тогда мы имеем ситуацию, которую Ницше провозгласил для современного мира: "Бог умер!" Теперь все ценности и психическая энергия, содержащиеся в церкви, устремляются обратно к индивиду, активизируя его психику и вызывая серьезные проблемы. Что теперь произойдет? Существует несколько возможностей. Примеры каждой из них можно встретить в современной жизни. Первая возможность состоит в том, что при утрате проекции Бога в сферу церкви индивид одновременно потеряет свою внутреннюю связь с Самостью. Тогда индивид становится жертвой отчуждения и всех симптомов пустой, бессмысленной жизни, которые в наше время получили столь широкое распространение. Вторая возможность состоит в том, что индивид берет на себя, на свое эго и свои способности, всю энергию, которая прежде при давалась божеству. Такой человек становится жертвой инфляции. Примеры такой ситуации можно обнаружить в проявлениях высокомерия (hybris), которое переоценивает рациональные и регулирующие силы человека и отрицает существование священной тайны, присущей жизни и природе. Третья возможность состоит в том, что проецируемая сверхличностная ценность, которая была извлечена из религиозного вместилища, вновь проецируется на одно из светских или политических движений. Но светские задачи не способны в полной мере отражать религиозный смысл. Когда религиозная энергия направляется на светский объект, тогда мы имеем то, что можно охарактеризовать как поклонение идолам, а это есть неискренняя, бессознательная религия. В современном мире замечательным примером повторной проекции

может служить конфликт между коммунизмом и капитализмом. Вне сомнения, коммунизм представляет собой светскую религию, которая активно пытается направить религиозную энергию на выполнение светских и социальных задач.

Когда ценность Самости проецируется противоположными группами на конфликтующие идеологии, дело выглядит так, словно первоначальная целостность Самости раскалывается на противоборствующие фрагменты. В таких случаях антиномии Самости или Бога отреагируются в истории. Оба участника фанатичного конфликта черпают энергию из одного источника, разделенной Самости, но, будучи не в состоянии осознать этот момент, они обречены на изживание этого трагического конфликта в своей жизни. Сам Бог оказывается вовлеченным в этот неясный конфликт. В каждой войне, происходящей в рамках западной цивилизации, обе стороны молились одному и тому же Богу. Эту мысль Мэтью Арнольд выразил следующим образом:

Охваченные тревогой борьбы и бегства,

Мы оказались на мрачной равнине,

Где ночью сталкиваются невежественные армии.

Довер Бич

Четвертая возможность состоит в рассмотрении утраты религиозной проекции. Если индивид, возвратившийся к себе в силу утраты проецируемой религиозной ценности, способен рассматривать конечные вопросы жизни, тогда он может воспользоваться предоставленной ему возможностью для существенного развития в сфере сознания. Если он способен активно и ответственно работать с активацией бессознательного, он может обнаружить в психике утраченную ценность, бого-образ. Эта возможность показана на схеме кружочком, который теперь занимает больший участок за пределами дуги бессознательной сферы. Теперь осуществляется сознательная реализация связи между эго и Самостью. Теперь утрата религиозной проекции послужила благим целям, стимулируя развитие ин-дивидуационной личности.

Замечательная особенность коллективной утраты сверхличностных категорий состоит в возрастании интереса к субъективности индивида. Этот характерный для современности феномен не мог существовать, когда традиционная коллективная религия успешно выполняла роль вместилища сверхличностных ценностей. Но при распаде системы традиционных символов дело выглядит так, словно к индивидуальной психике возвращается огромный поток энергии и тогда на субъективности индивида сосредоточивается больше интереса и внимания. Благодаря этому феномену состоялось открытие глубинной психологии. Само существование глубинной психологии симптоматично для нашего времени. Другие свидетельства можно обнаружить во всех видах искусства. В пьесах, романах самые заурядные индивиды описываются в мельчайших личностных подробностях. Внутренней субъективности придается огромная ценность. Ей уделяется внимание, невиданное для прежних эпох. В принципе эта тенденция указывает на грядущие события. Если следовать этой тенденции до конца, она неизбежно будет приводить все большее число людей к новому открытию утраченных сверхличностных ценностей в своей душе.

2. ПРОРЫВ

В определенный момент психического развития, обычно после напряженного переживания отчуждения, в сферу сознания неожиданно прорывается ось эго-Самость. Опытным путем эго приходит к осознанию существования сверхличностного центра, по отношению к которому оно (эго) занимает подчиненное положение. Юнг описывает это событие следующим образом:

"Когда достигается вершина жизни, распускается почка, и большее появляется из меньшего, тогда, как говорит Ницше, "единица превращается в двойку", и большая личность, которая всегда была большей, но оставалась незримой, предстает перед меньшей личностью подобно откровению. Тот, кто действительно и безнадежно мал, всегда стремится низвести откровение большой личности до уровня своей малости, не понимая, что уже наступает судный день для его малости. Но человек, обладающий внутренним величием, знает, что теперь действительно пришел долгожданный друг его души, бессмертный, чтобы "пленить плен" (Еф., 4:8), т.е. чтобы схватить того, кто держал бессмертного в заточении, и направить поток его жизни в русло большой жизни. Это момент смертельной опасности!"

В религии и мифах содержится немало образов, символизирующих момент такого прорыва. Когда человек осознанно встречается с божественным посредником, осуществляющим поддержку, руководство и регулирование, мы можем рассматривать такую встречу как встречу эго с Самостью.

Встреча с божеством обычно происходит в пустынной местности или в изгнании, т.е. в состоянии отчужденности. Спасаясь от правосудия, Моисей пас в пустыне овец тестя своего, когда Иегова воззвал к нему из горящего куста и объявил ему его жизненное предназначение (Исход, 3). Спасаясь от гнева Исава, Иаков вынужден был бежать из дома своего. В пустыне он видит во сне лестницу (рис. 13), достигающую неба, и заключает с Богом соглашение (Бытие, 28:10-22). Этот образ использует в своем стихотворении "Царство Божие внутри вас" Фрэнсис Томпсон:

Издревле хранят свои места ангелы;

Не шелохнется камень под их ногами, не дрогнет их крыло!

Как много чудесного нет в ваших

Отрешенных лицах!

Но если посетит тебя печаль утраты,

Оплакать должен ты утрату,

И между небом и божественным крестом

Воссияет лестница Иакова".

В качестве примера можно упомянуть библейского пророка Иону. Его первая встреча с Иеговой произошла во время нормальной жизни, но не нашла у Ионы признания, так как уровень инфляции эго был слишком высок, чтобы признать авторитет Самости. И лишь после тщетных попыток спастись бегством, которые ввергли Иону в состояние крайнего отчаяния, во время пребывания в чреве кита, он смог признать сверхличностный авторитет Иеговы.

Когда женщина (или анима в психологии мужчины) встречается с Самостью, проявление Самости нередко изображается в виде небесной оплодотворяющей силы. Посаженная отцом в темницу, Даная зачала Персея от Зевса, явившегося в виде золотого дождя. Благовещение Деве Марии обычно изображается в виде оплодотворяющих лучей, которые исходят от небес. В своей скульптуре "Экстаз святой Терезы" Бернини использует более психологический вариант этого образа.

Рис 17. Экстаз святой Терезы (Бернини).

Современным примером этой темы служит замечательный сон, который приснился женщине после продолжительной психологической деятельности:

"Я вижу молодого человека. Он обнажен. Его тело сверкает от пота. Мое внимание привлекла его поза—сочетание падающего движения, как у фигуры Пиеты, и мощной разрядки, как у знаменитого греческого дискобола. Он находится в группе других мужчин, которые как-то двусмысленно поддерживают его. Он выделяется среди них (бронзовым) цветом и текстурой кожи (покрытой потом). Но основное его отличие от остальных мужчин состоит в огромном фаллосе, который имеет форму третьей вытянутой ноги. (Рис.18).

Эрекция доставляет мужчине страдание. Об этом свидетельствуют не только атлетическое напряжение мускулатуры и выделение пота, но и искаженное выражение его

лица. Его состояние вызывает у меня сочувствие. Его детородный орган вызывает изумление (восхищение). Меня влечет к нему. Затем мы вступаем в половые сношения. Вхождение его органа в меня вызывает у меня настолько глубокий и общий оргазм, что я ощущаю его в своих ребрах и легких ...даже когда я просыпаюсь. Меня наполняет нераздельное ощущение боли и наслаждения. Мои внутренности буквально "вывернуты наизнанку". В моем чреве произошла революция, поворот на 180 градусов. Что-то в этом роде".

Кроме Дискобола' и Пиеты Микеланджело, трехногий мужчина вызвал у сновидицы воспоминание об алхимическом эстампе и трехногом солнечном колесе, которые ей довелось однажды увидеть. Таким образом, фигура сновидения впитала в себя все богатство многих образов и смысловых значений, которые нуждаются в уточнении и прояснении. Мы не будем подробно останавливаться на их амплификации, ограничившись несколькими замечаниями. Мужская сущность творческой энергии проникла в сновидицу, вызвав трансформацию. Он—атлет в физическом и духовном отношении (ап. Павел). Он ассоциируется с высшим духовным принципом (солнце) и олицетворяет весь процесс психической трансформации (алхимическое изображение).

Для сновидицы этот сон ознаменовал начало формирования новой установки и нового понимания жизни. Как свидетельствуют сексуальные образы сновидения, у сновидицы раскрылись новые уровни физического реагирования. Кроме того, произошло осознание всей функции ощущения, которая прежде оставалась преимущественно неосознанной. Самое важное заключалось в развитии подлинной индивидуальной автономии и раскрытии значительных творческих дарований. Сопутствующие ассоциации свидетельствуют о том, что сон отражает встречу не только с анимусом, но и с Самостью. Тройственный символизм указывает на важное значение процесса конкретной, пространственно-временной реализации (см. гл. 7).

Замечательный пример прорыва оси эго-Самость в сферу сознания содержится в описании обращения в веру апостола Павла (Деян. 9:1 -9),

Рис. 18. Рисунок пациентки.

Рис.21. Алхимический рисунок.

Иона пытался спастись бегством от своего призвания. Савл пытался уйти от своего предназначения, преследуя своих будущих единомышленников, сопричастных его судьбе. Сама сила, с которой он преследовал христиан, свидетельствует о его причастности их делу, ибо, как говорит Юнг, "важно то, о чем говорит человек, а не то, с чем он соглашается или не соглашается".

Вне сомнения, то, что человек страстно ненавидит, олицетворяет один из аспектов его судьбы.

3. КНИГА ИОВА

Книга Иова содержит замечательное по своей полноте описание встречи с Самостью. Иову Юнг посвятил свою работу "Ответ Иову".⁵ В этой книге он рассматривает историю Иова как поворотный пункт в коллективном развитии иудейско-христианского мифа, связанного с эволюцией образа Бога или архетипа Самости. Встреча Иова с Иеговой рассматривается как существенный переход в человеческом понимании природы Бога, переход, который в свою очередь потребовал от Бога ответа, приведя к его очеловечению и, в конечном счете, воплощению в виде Христа. Историю Иова можно рассматривать с иной точки зрения, а именно, как описание индивидуального опыта, при котором эго осуществляет первую значимую встречу с Самостью на уровне сознания. С этой позиции я и рассмотрю историю Иова.

Посвященный Иову текст представляет собой сложный документ, и поэтому мы не можем определить, опирается ли он на реальный опыт индивида. Тем не менее, существует высокая степень вероятности, что такой опыт имел место, и в дальнейшем мы будем рассматривать текст как описание индивидуального опыта активного воображения. Активное воображение представляет собой процесс, при котором воображение и создаваемые им образы воспринимаются как нечто отдельное от эго (как "ты" или "другой"). Эго способно устанавливать с ними отношения и вести диалог. То, что Книга Иова написана в форме диалога и является единственной в Ветхом Завете книгой, составленной по принципу диалога, свидетельствует в пользу предположения о том, что ее основу составил опыт активного воображения. Даже повторяемость диалога производит впечатление искренности, когда мы рассматриваем книгу как описание личного опыта. Непрестанное возвращение к одному и тому же пункту, который эго отказывается признать, есть типичное поведение персонификаций бессознательного, встречающихся в процессе активного воображения.

История начинается с соглашения между Богом и Сатаной подвергнуть испытанию Иова. Предстояло ответить на вопрос: возможно ли с помощью несчастий и превратностей судьбы

заставить Иова проклясть Бога? Спор на небесах можно рассматривать как отображение сверхличностных или архетипических факторов бессознательного, которые подвергают Иова испытанию и, в конечном счете, придают смысл этому испытанию. Если бы несчастья, выпавшие на долю Иова, имели исключительно случайный характер, они были бы вероятностными, бессмысленными событиями, которые не соотносятся со сверхличностным аспектом бытия. Знаменательно, что Иов никогда не рассматривает эту возможность. Весь текст опирается на допущение, что все исходит от Бога, т.е. все события отражают сверхличностную задачу и смысл. Это допущение соответствует необходимой гипотезе, согласно которой для реализации активного воображения человек должен проявить самообладание. Если личностные настроения и аффекты, составляющие отправную точку для реализации активного воображения, считаются случайными, или имеют исключительно внешние или физиологические причины, тогда нет оснований искать их психологический смысл. Узнать о существовании психологического смысла можно только опытным путем. Вначале индивид должен обладать хотя бы достаточной верой, чтобы захотеть рассматривать предположение о существовании психологического смысла как гипотезу, подлежащую проверке.

Бог и Сатана составляют два аспекта одной реальности, т.е. Самости, поскольку они действуют заодно. Сатана выполняет роль инициатора и динамического фактора в испытании Иова и поэтому олицетворяет стремление к индивидуации, которое должно разрушить психологическое статус-кво, чтобы реализовать новый уровень развития. Эту же роль выполнял змей для Адама и Евы в саду Едемском. Как и ситуация в саду Едемском, испытание Иова было задумано как искушение. Он должен подвергнуться искушению, чтобы проклясть Бога. В психологическом отношении это означает, что эго должно подвергнуться искушению впасть в инфляцию, возвыситься над промыслом Божиим, т.е. идентифицировать себя с Самостью.

Почему все это необходимо? Очевидно, Иов все еще испытывает тенденцию к инфляции. Несмотря на безупречную репутацию, а может быть, благодаря ей, существует сомнение, отчетливо ли сознает он различие между собой и Богом, между эго и Самостью. Поэтому составляется план подвергнуть Иова испытаниям в огне страданий. Испытания привели Иова к полному восприятию реальности Бога. Если прежние замыслы можно понять по их воздействиям, тогда можно утверждать, что замысел Божий состоял в том, чтобы заставить Иова осознать Его. Вне сомнения, Самость нуждается в сознательной реализации и в силу настроя на индивидуацию должна подвергнуть эго искушению и испытанию, чтобы привести его к полному осознанию существования Самости.

Вначале Иов изображается как счастливый человек, обладающий большим имением и пользующийся уважением людей. Это положение соответствует чувству удовлетворения и "безопасности", которое испытывает эго в блаженном неведении относительно бессознательных допущений, составляющих основу непрочной "безопасности" эго. Неожиданно Иов лишается всего, что составляло для него ценность и опору—семьи, всех своих владений и здоровья.

Несчастья, обрушившиеся на Иова, изображены на гравюре Уильяма Блейка (рис.24). Над изображением Блейк поместил заголовок: "Огонь Божий упал с неба" (Книга Иова, 1:16). С психологической точки зрения, картина изображает распад сознательного статус-кво под воздействием потока огненной энергии, нахлынувшей из сферы бессознательного. Такое изображение свидетельствует о наступлении кризиса индивидуации, первого этапа психологического развития, на котором старые психологические состояния устраняются, чтобы

освободить место для нового состояния. Доминируют деструктивные или освобождающие воздействия; обычно имеет место сочетание обоих типов воздействия. В клинических материалах, опубликованных Юнгом, содержится изображение, в котором доминирует освобождающее воздействие. На этом изображении, ознаменовавшем начало решающей стадии индивидуации, небесная молния раскалывает оболочку, освобождая заключенную в ней сферу,—рождается Самость. Карта таро XVI акцентирует деструктивный аспект. Когда это достигает весьма высокого уровня инфляции, символизируемого башней, прорыв энергий из сферы Самости может приобрести угрожающие масштабы. Проявление Самости знаменует наступление "Страшного Суда" (рис.27). Уцелеет только то, что не испорчено и опирается на реальность.

Потеряв все, что он высоко ценил, Иов погружается в состояние отчужденности, не уступающее по силе состоянию Толстого, о котором мы уже упоминали. Дня того чтобы признать Самость высшей ценностью, необходимо устранить привязанности к менее значимым ценностям. Очевидно, что смысл жизни Иова был связан с семьей, собственностью и здоровьем. Лишенный этих ценностей, Иов испытал отчаяние и погрузился в темную ночь души.

Погибни день, в который я родился...

Для чего не умер я, выходя из утробы,

И не скончался, когда вышел из чрева?

На что дан страдальцу свет,

И жизнь огорченным душою?..

На что дан свет человеку, которого путь закрыт,

И которого Бог окружил мраком?

С этими словами Иов дает волю своему самоубийственному отчаянию и крайней отчужденности от жизни и ее смысла. Повторяющиеся вопросы "почему?", "для чего?", "на что?" свидетельствуют о том, что Иов отчаянно ищет смысл. Если рассматривать Книгу Иова как личностный документ, тогда утрата и обретение смысла составляют его основную тему.

При депрессии и отчаянии в сферу бессознательного уходит значительная часть либидо, которое в нормальных условиях обеспечивает сознательную заинтересованность и жизнеспособность. Уход либидо активизирует бессознательное, расширяя диапазон образов в снах и фантазиях. Можно предположить, что бессознательное предстает перед Иовом в виде друзей и советников, обращаясь к нему в процессе реализации активного воображения.

Эти фигуры знакомят Иова с иной точкой зрения и постепенно приводят к встрече с нуминозным, т.е. с самим Иеговой. В частности, о том, что речи советников Иова являются продуктами активного воображения, свидетельствует наличие в них контаминированных сочетаний нескольких элементов. С одной стороны, эти речи отражают традиционную точку зрения религии, согласно которой Иов был покинут Богом, а с другой стороны, в них находят независимое и подлинное выражение глубокие слои бессознательного. Такая разновидность контаминированного сочетания различных элементов часто встречается в активном воображении. Поэтому для обеспечения продуктивности процесс нуждается в живом, активном участии

сознания, которое приводит к реальному диалогу, а не к пассивному соглашательству со всем, что говорит бессознательное. Например, в первой речи Елифаз говорит Иову:

Вот, ты наставлял многих,

И опустившиеся руки поддерживал,

Падающего восставляли слова твои,

И гнущиеся колени ты укреплял.

А теперь дошло до тебя, и ты изнемог,

Коснулось тебя, и ты упал духом.

Эти слова можно рассматривать как самокритичную речь самого Иова. Он осознает, как легко было давать совет и оказывать помощь другим, но теперь он не способен воспользоваться своим собственным советом. Эта самокритика лишь усугубляет его депрессию и страдание. Далее Елифаз употребляет традиционные формы выражения поверхностного утешения, которыми, вероятно, Иов пользовался для утешения других страждущих:

Непорочность путей твоих не должна ли быть

упованием твоим?

Вспомни же, погибал ли кто невинный, И где праведные были искореняемы?"

Эти мысли поверхностны, нереалистичны и бесполезны. На фоне тягостной реальности жизни, довлеющей над Иовом, они воспринимаются как показной оптимизм. Быть может, хотя бы для временного разрешения ситуации достаточно выразить поверхностное пожелание осуществления желаний, ибо Елифаз тотчас переходит к ряду более глубоких ассоциаций. Елифаз рассказывает Иову нуминозный сон. Если рассматривать весь диалог как продукт активного воображения Иова, тогда этот сон приснился Иову, или здесь содержится напоминание об этом сне:

И вот, ко мне тайно принеслось слово,

И ухо мое приняло нечто от него.

Среди размышлений о ночных видениях,

Когда сон находит на людей,

Объял меня ужас и трепет,

И потряс все кости мои.

И дух прошел надо мною;

Дыбом стали волосы на мне.

Он стал,—но я не распознал вида его,—

Только облик был пред глазами моими;

Тихое веяние, —и я слышу голос:

"Там же, 4:3-5. 11 Там же, 4:6-7.

Человек праведнее ли Бога? И муж чище ли Творца своего?12 Далее Иов упоминает о снах, которые страшат его:

Когда подумаю: "утешит меня постель моя, Унесет горесть мою ложе мое", Ты страшишь меня снами, И видениями пугаешь меня.

Блейк создал замечательную иллюстрацию к снам Иова. На этой картине змей обвивает Иегову, вероятно, олицетворяя Его сатанинскую сторону. Он указывает на ад, разверзшийся под Иовом и угрожающий поглотить его в пламени. В аду находятся зловещие, судорожно цепляющиеся за что-то фигуры. Глубины бессознательного разверзлись, и перед Иовом предстала первозданная сила природы. Очевидно, что с этой силой столь же бесполезно дискутировать, как и с тигром, случайно повстречавшимся путнику. Но Иов ничего не почерпнул из своих снов; он должен получить более убедительный урок.

Иов верит в свою невиновность и праведность и поэтому не осознает свою тень. Чтобы компенсировать односторонность сознательной установки Иова по отношению к чистоте и праведности, его собеседники постоянно говорят о злобе и пороке. Иов смутно сознает, что переживания Иова заставляют его чувствовать себя отвратительным и грязным. В один из таких моментов он восклицает:

Разве я море или морское чудовище,

Что Ты поставил надо мною стражу?

и далее:

Хотя бы я омылся и снежною водою

И совершенно очистил руки мои,

То и тогда Ты погрузишь меня в грязь,

И возгнушаются мною одежды мои.15

В одном месте он все-таки признает прошлые грехи:

Не сорванный ли листок Ты сокрушаешь,

И не сухую ли соломинку преследуешь?

Ибо ты пишешь на меня горькое,

И вменяешь мне грехи юности моей...

Иов не говорит, какие грехи он совершил в юности своей, и теперь, очевидно, не считает себя

виновным за них. Прошлые грехи представляют собой вытесненные содержания, которые Иов не хочет осознать, поскольку они противоречат его представлению о своей праведности. Уверенность Иова в своей праведности ясно обнаруживается в главах 29 и 30:

О, если бы я был, как в прежние дни...

Когда я выходил к воротам города,

И на площади ставил седалище свое,—

Юноши, увидев меня, прятались,

А старцы вставали и стояли;

Князья удерживались от речи,

И персты полагали на уста свои;

Голос знатных умолкал,

И язык их прилипал к гортани.

Внимали мне, и ожидали,

И безмолвствовали при совете моем...

Я назначал им, и сидел во главе,

Как царь в кругу воинов.

"А ныне смеются надо мною

Младшие меня летами,

Те, которых отцов я не согласился бы

Поместить со псами стад моих".

Пренебрежительное отношение Иова к тем, кто стоит на более низком уровне умственного развития, вероятно, относится к числу "грехов юности его" и указывает на наличие инфляции эго, которое проецирует на других слабую, теневую сторону. Процесс индивидуации требует, чтобы он осознанно признал и ассимилировал свою теневую, низшую сторону.

В целом испытания должны привести Иова к переживанию смерти и возрождения. Тем не менее, посреди стенаний он остается однажды рожденным человеком. В следующем фрагменте он обнаруживает свое невежество относительно состояния дважды рожденности:

Для дерева есть надежда, что оно,

Если и будет срублено, снова оживет,

И отрасли от него выходить не перестанут.

Если и устарел в земле корень его,

*И пень его замер в пыли,
Но, лишь почуяло воду,
Оно дает отпрыски и пускает ветви,
Как бы вновь посаженное.
А человек умирает и распадается;
Отошел, и где он?
Уходят воды из озера,
И река иссякает и высыхает:
Так человек ляжет и не встанет;
До скончания неба он не пробудится,
И не воспрянет от сна своего.*

В дальнейшем диалоге между Иовом и его собеседниками отражаются как глубокие истины, так и традиционные, банальные мнения. Вообще говоря, Иову рекомендуют возвратиться к традиционным, ортодоксальным взглядам. Ему говорят, что он должен смиренно принимать кару Божью, не вопрошая и не стараясь понять ее. Иными словами, ему советуют принести в жертву свой интеллект, вести себя так, словно он менее сознателен, чем есть в действительности. Такая форма поведения отражает регрессию, которую он, собственно говоря, и отвергает. Вместо этого он протестует против Бога, говоря: "Если ты добрый и любящий отец, отчего Ты не ведешь себя подобающим образом?" Вне сомнения, вступая дерзновенно в спор с Богом, Иов действует в состоянии инфляции, но из контекста ясно, что этот акт отражает необходимую, контролируемую инфляцию. Такая инфляция необходима для встречи с Богом. Инфляция имела бы губительные последствия, если бы Иов по совету жены своей проклял Бога и умер. Но Иов избегает обеих крайностей. Он не приносит в жертву достигнутый уровень сознательности, но и не проклинает Бога. Он упорствует в своем вопрошании о смысле своих испытаний, пока не узнает, за что он наказан.

Разумеется, мышление Иова в категориях наказания свидетельствует о незрелости его отношения к Богу, ограниченности рамками отношений между родителем и ребенком. Это одна из установок, от которых его освобождает встреча с божеством. Но самым существенным представляется упорное стремление Иова постичь смысл своего опыта. Он смело бросает вызов

*Богу, говоря: удали от меня руку Твою,
Ужас твой да не потрясает меня.
Тогда зови, и я буду отвечать,
Или буду говорить я, а Ты отвечай мне.*

В главе 32 наступает перемена. Три собеседника Иова закончили свои речи, и теперь мы знакомимся с четвертым, ранее не упоминавшимся лицом, по имени Елиуй. Он утверждает, что воздерживался от участия в беседе, потому что молод годами. Здесь затрагиваются темы "3" и "4", на которые обращает внимание Юнг. Если Елиуя рассматривать как четвертую, ранее отсутствовавшую функцию, тогда происходит окончательная констелляция всей совокупности психологических факторов Иова. Это толкование соответствует характеру речи Елиуя, которая, во многом предвещая появление Иеговы, отражает многие из тех идей, которые Иегова выразил с большей силой. Особое внимание следует обратить на замечания, высказанные Елиуем по поводу снов:

Во сне, в ночном видении,

Когда сон находит на людей,

Во время дремоты на ложе,

Тогда он открывает у человека ухо

И запечатлевает Свое наставление,

Чтобы отвести человека от какого-либо предприятия

И удалить от него гордость,

Чтобы отвести душу его от пропасти

И жизнь его от поражения мечом.

Упоминание о снах и их предназначении характеризуется поразительной психологической точностью. Оно также свидетельствует в пользу предположения, что Книга Иова содержит сообщение о реальном опыте индивида. Очевидно, с помощью снов бессознательное Иова тщетно пытается исправить его сознательную установку. Таким образом, сны можно рассматривать как предвосхищение сознательной встречи Иова с Иеговой. Замечательно, что этот древний текст содержит описание компенсаторной функции сновидений, существование которой недавно доказал Юнг.²²

После речи Елиуя является сам Иегова. Нуминозная, сверхличностная Самость возникает из бури (рис. 29). Иегова произносит великолепную речь, которая, должно быть, увенчала сознательную деятельность, направленную на ассимилирование первобытной нуминозности, несомненно, сопровождавшей первоначальный опыт. Ответ Иеговы содержит обзор атрибутов бо жества и великолепное описание различия между Богом и человеком, т.е, между Самостью и эго:

Где был ты, когда я полагал основания земли?

Скажи, если знаешь.

Кто положил меру ей, если знаешь?

Или кто протягивал по ней вервь?

На чем утверждены основания ее?

Кто положил краеугольный камень ее

При общем ликовании утренних звезд,

*Когда все сыны Божий восклицали от радости?*²³

Эго не создало психику и ничего не знает о тех глубоких основаниях, на которых утверждено его (эго) существование:

Нисходил ли ты во глубину моря,

И входил ли в исследование бездны?

Отворялись ли для тебя врата смерти,

И видел ли ты врата тени смертной?

Обозрел ли ты широту земли?

Эго получает напоминание о том, что оно ничего не знает о психическом в целом. Часть не может превзойти целое:

Можешь ли ты связать узел Хима

И разрешить узы Кесиль?

Можешь ли выводить созвездия в свое время

И вести Ас с ее детьми?

Знаешь ли ты уставы неба,

Можешь ли установить господство его на земле?

Здесь эго сопоставляется с масштабом и могуществом архетипов, определяющих психическое существование.

Иегова обращается к царству животных и перечисляет их необыкновенные способности, особо выделяя чудовищ:

Вот бегемот, которого я создал, как и тебя.

Можешь ли ты удою вытащить левиафана

И веревкою схватить за язык его?

Теперь перед Иовом предстают бездонность Бога и глубины его психического, в котором обитают всепожирающие чудовища, далекие от человеческих ценностей. Этот аспект явления Бога человеку изобразил Блейк на своей картине (рис 30). Бегемот и левиафан олицетворяют первозданное вожделение бытия. Бог показывает свою теневую сторону, и поскольку человек

причастен к Богу как к основе своего бытия, он должен быть причастен и к его мраку. Самоправедность эго получает смертельный удар.

При завершении проявления Иеговы Иов претерпевает существенное изменение. Состоялось раскаяние, или метанойя:

Я слышал о Тебе слухом слуха;

Теперь же мои глаза видят Тебя.

Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь В прахе и пепле.

Иов получил ответы на свои вопросы, но не рациональным путем, а посредством живого опыта. Он нашел то, что искал, - смысл своего страдания. Это есть не что иное, как сознательная реализация автономной, архетипической психики, причем эта реализация могла состояться только через посредство тяжелых испытаний. Книга Иова содержит описание процесса божественной инициации, проверки посредством тяжелых испытаний, которая, в случае успеха, приводит к новому состоянию бытия. Эта проверка имеет сходство с ритуалами инициации, предназначенными для обеспечения перехода из одного состояния сознания в другое.

Иегова через своего динамического посредника Сатану подвергает Иова тяжелым испытаниям. Е. Ш. Клюгер дает убедительную характеристику психологической роли Сатаны в истории Иова:

"Он (Сатана) проявляется здесь в полном блеске как метафизический враг мирной жизни и уюта. Он осуществляет вмешательство, нарушая естественный ход жизни и препятствуя ему. Он становится на пути человека, подобно тому, как мал'ах Яхве в качестве Сатаны становится на пути Валаама. Однако если в истории Валаама речь идет о столкновении воли и слепом повиновении, т.е. о первом сознании необходимо ста выполнять волю Божию, а не свою, то в случае Иова речь идет о со знательном подчинении воли Божьей в результате внутреннего прозрения. Здесь Сатана действительно является Люцифером, носителем света. Он несет человеку знание Бога, подвергая его страданиям. Сатана воплощает страдание мира, которое приводит человека к внутреннему, "иному миру".

Это описание Сатаны необходимо признать психологически точным. Оно сближает Сатану с фигурой Мудрости. В книге "Екклесиаст" приводится следующее описание женской персонификации Мудрости:

Мудрость заботится о сынах своих И о тех, кто ищет ее.

Ибо если она и ведет его вначале извилистыми путями,

вызывая в нем страх и малодушие,

преследуя его строгостью, пока она не станет доверять ему,

и подвергая его тяжелым испытаниям,

то в конце она вновь приводит его на прямую дорогу

и открывает ему тайны свои.

Согласно этому фрагменту, Мудрость подвергает своих сынов испытаниям, подобно тому, как Иегова подвергал Иова испытаниям при содействии Сатаны. Любимцы Бога подвергаются самым суровым испытаниям. Способность человека к индивидуации приводит его к испытаниям. По этому поводу Джон Донн делает следующее замечание:

"...самые тяжелые испытания выпадают на долю лучших людей. Как только я слышу, что Бог говорит о том, что нашел человека справедливого, богобоязненного и удаляющегося от зла, из следующих строк я узнаю, что Бог дал поручение Сатане навести савеев и халдеев на дом его и слуг его, обрушить огонь и бурю на детей его и тяжелые болезни на него самого. Как только я слышу, как Бог говорит, что нашел человека, который ему по сердцу, я вижу, что его сыновья похищают дочерей его, убивают друг друга, восстанут на отца и оставляют его без средств к пропитанию. Как только я слышу, что Бог свидетельствует о Христе при крещении: "Сей есть Сын Мой Возлюбленный", я тотчас узнаю, что Иисус возведен был Духом в пустыню для искушения от диавола (Мат., 4:1). Услышав, что при его Преображении Бог подтверждает свидетельство ("Сей есть Сын Мой Возлюбленный") (Мат., 17:5), тут же узнаю, что Сын Его Возлюбленный был покинут, отвергнут, отдан в руки книжников, фарисеев, мытарей, слуг Ирода, священников, солдат, судей, свидетелей и палачей, и тот, кто был назван Возлюбленным Сыном Бога, участником славы небесной, в этом мире при его Преображении, теперь стал средоточием всех грехов мира сего не как Сын Божий, а как простой человек, и даже не как человек, а как презренный червь".

Хотя это испытание и может привести к мудрости, она таит в себе опасность, и поэтому в Молитве Господней содержится просьба избавить нас от него: "и не введи нас в искушение, но избави нас от лукавого".

По мнению Юнга, Иов освободился от источника своих страданий посредством расширения границ своего сознания относительно божества. По этому поводу Клюбеггер приводит следующее замечание Юнга:

"В своей заключительной речи он предстает перед Иовом в устрашающем виде, словно говоря: "Взгляни, каков я есть. Вот поэтому-то я так обращался с тобой". Через страдания, которым он подверг Иова, Бог пришел к этому самопознанию и дает Иову возможность познать Его устрашающий облик. Познание возрождает Иова как человека. Здесь действительно находится решение проблемы Иова, т.е. истинное оправдание судьбы Иова. Без этой подоплеку проблема Иова осталась бы нерешенной, если учесть жестокость и несправедливость его судьбы. Вне сомнения, Иов выступает здесь в роли жертвы. Но он одновременно является носителем божественной судьбы, что придает смысл страданиям и освобождению его души".

Рудольф Отто первым дал ясную формулировку переживанию нуминозного. В качестве примера нуминозного переживания он использовал встречу Иова с Иеговой. Я привожу подробную цитату из его работы, поскольку она позволяет составить ясное представление о его понимании нуминозной тайны:

"И тогда Элохим лично осуществляет Свою защиту. Он настолько эффективно осуществляет защиту, что Иов сам признается в том, что был повержен истинно и справедливо, а не просто был вынужден замолчать под натиском превосходящих сил. Далее он признается: "Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле". Здесь содержится признание в убежденности и убеждении, но не в проявлении бессилия и не в уступке превосходящим силам.

Здесь нет и признака того расположения духа, о котором нередко говорит святой Павел, например, в Послании к Римлянам (IX, 20): "Изделие скажет ли сделавшему (его): зачем ты меня так сделал? Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?" Такое толкование фрагмента из Книги Иова свидетельствовало бы о неправильном понимании. В отличие от святого Павла, эта глава не осуждает отречение от "теодицеи" или признание ее невозможности; напротив, она предлагает свою собственную, реальную теодицею, которая лучше теодицеи, предложенной друзьями Иова и способна убедить даже Иова, и не только убедить его, но и унять все сомнения, терзающие душу его. Ибо странное переживание, которое Иов испытал при откровении Элохима, несет душевным мукам Иова умиротворение. Одно уже это умиротворение способно разрешить загадку Книги Иова даже без реабилитации Иова в главе 42, когда Господь возвратил Иову потерю вдвое больше того, что он имел прежде. Но что означает этот странный "момент" переживания, в котором сочетаются оправдание Бога перед Иовом и примирение Иова с Богом?

Вкратце остановившись на результатах великих деяний Иеговы (левиафан, бегемот и иные животные), Отто затем говорит следующее:

"Несомненно, эти животные являются самыми неудачными примерами из тех, которые можно встретить при поиске доказательств целеустремленности божественной мудрости. Тем не менее, как и все предыдущие примеры, контекст, смысл и содержание всего фрагмента, примеры животных замечательно передают колоссальность, почти демонический и абсолютно непостижимый характер вечной творческой силы, а также то, как эта непрогнозируемая, совершенно иная сила насмехается над всеми попытками постигнуть ее, вызывая в то же время ощущение очарования и величия. Здесь также присутствуют последние смысловые значения, но не в явном виде, а в тональности, воодушевлении, ритме изложения. Смысл всего фрагмента состоит, как и в теодицее, так и в умиротворении души Иова. Тайна (как отмечалось) входит в состав абсолютной непостижимости божества, что не могло внутренне убедить Иова, хотя и заставило бы его навсегда замолчать. Предметом нашего осознания является подлинная ценность непостижимого—ценность невыразимая, позитивная и пленительная". Ее невозможно сопоставить с мыслями рациональной человеческой телеологии и уподобить им. Она остается таинственной и загадочной. Но как только начинает ощущаться ее присутствие в сознании, Элохим получает оправдание, и душа Иова успокаивается".

На личностном уровне драма Иова применима ко всем. Она непосредственно адресуется к почти всеобщему вопросу: "Почему это должно было случиться со мной?" В сущности, все мы испытываем чувство обиды на судьбу и реальность, которое остается после инфляции. Такое чувство обиды принимает различные формы: "Если бы только у меня было более счастливое детство", "Если бы только я женился", "Если бы только я не женился", "Если бы только у меня был муж (жена) получше" и т.д. Все эти "если бы только" позволяют индивиду освободиться от необходимости установить продуктивные отношения с реальностью. Они свидетельствуют о наличии инфляции и не признают существования большей реальности, чем личные желания индивида. Иов спрашивает, почему с ним случилось несчастье. Из Книги Иова можно заключить, что несчастья обрушились на него, чтобы он увидел Бога.

На своей картине раскаявшегося и возрожденного Иова Блейк передал существенную

особенность индивидуализированного эго. Предметом изображения фактически является жертвенная установка. В результате восприятия сверхличностного центра психического эго признает свое подчиненное положение и готово работать на благо психической всеобщности, не предъявляя личных требований. Иов превратился в индивидуализированное эго.

4. ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОЕ ЭГО

Индивидуация представляет собой процесс, а не достигнутую цель. Для обеспечения психологического развития каждый новый уровень интеграции должен подчиняться задачам дальнейшей трансформации. Тем не менее, мы располагаем некоторыми указаниями относительно того, что может произойти в результате сознательной встречи эго с Самостью.

Вообще говоря, стремление к индивидуации способствует возникновению состояния, в котором эго устанавливает отношения с Самостью, не отождествляя себя с ней. Это состояние обеспечивает возможность осуществления непрерывного диалога между сознательным эго и бессознательным, а также между внешним и внутренним опытом. Степень достижения индивидуации определяет степень устранения двойного расщепления: 1) расщепления между сознательным и бессознательным, которое начало формироваться при рождении сознания, и 2) расщепления между субъектом и объектом. Дихотомия между внешней и внутренней реальностью замещается ощущением единой реальности. Дело выглядит так, словно теперь, на сознательном уровне, можно восстановить первоначальную бессознательную целостность и единство с жизнью, в которых мы начали свое существование и с которыми мы вынуждены были расстаться. Идеи и образы, отражающие инфантилизм на одной стадии психического развития, олицетворяют мудрость на другой стадии. Образы и атрибуты Самости теперь воспринимаются как отдельные от эго и стоящие на более высоком уровне, чем эго. Этот опыт вызывает у индивида ощущение, что он не является хозяином в своем доме. Индивид осознает, что существует автономная внутренняя направленность, отделенная от эго и нередко антагонистическая по отношению к нему. Такое осознание иногда приносит облегчение, а иногда вызывает тягостное ощущение. Индивид неожиданно может почувствовать себя в роли святого Христофора.

Некоторые виды снов, в которых индивид видит события парадоксальные или чудесные, нередко предвещают осознание присутствия чего-то живого в том же помещении, где находится индивид. Такие сны приводят индивида к знакомству со сверхличностной категорией переживаний, чуждых и непривычных для сознания. Приведем пример такого сновидения. Этот сон приснился пациентке, представляющей тип ученого с весьма рациональным складом ума:

У мужчины (ученого, одного из ее знакомых) случился сердечный приступ. Он взял растение под названием пушица и прижал к своей груди. Сердечный приступ тотчас прошел. Затем он обернулся к сновидице и сказал: "Коллеги будут смеяться надо мной за такой способ лечения, но он мне помогает, а мои дети слишком малы, чтобы остаться без отца". Вскоре после упомянутого сновидения произошло отдельное проявление синхронии, которая произвела неизгладимое впечатление на сновидицу и оставила отпечаток на ее рационально-механистическом мировоззрении. Дело выглядит так, словно растение устраняет симптомы сердечного приступа и восстанавливает нормальную работу сердца, подобно суперпорядку в ранее упомянутом сновидении. Растение символизирует вегетативное состояние жизни; оно аналогично вегетативной нервной системе. На психологическом уровне оно представляет первичное

вегетативное состояние или способ восприятия жизни, способные вмещать деструктивные излишки энергии, скапливающиеся в сознательной личности. Этот процесс воспринимается сознательной психикой как нечто чудесное, т.е. выходящее за пределы категорий сознательного понимания.

Иллюстрацией к рассматриваемому предмету может служить сон, который приснился мужчине в возрасте около сорока лет. В детстве он испытал отчуждение со стороны родителей. Оба родителя были алкоголиками, и поэтому для сохранения дееспособности семьи не по летам развитый ребенок был вынужден исполнять обязанности взрослых. Он вырос и превратился в весьма рациональную личность, способную ответственно выполнять свои обязанности. Но затем он начал терять ориентацию. Ему перестала нравиться его работа; он знал, что ему нужно. Постепенно все, чем он занимался, утратило смысл. С ним было очень трудно работать на терапевтических консультациях, поскольку он не мог выйти за пределы рационального обсуждения. Затем ему приснился следующий сон:

"Он познакомился со странной, необычной женщиной, о которой, как ему казалось, ему доводилось прежде что-то слышать. Она была сторонницей гомеопатической медицины. Немного поговорив с ней, он воскликнул: "Как вы можете верить в такие вещи, как гомеопатия? Лучше всего полагаться на новейшие рекомендации научной медицины. Гомеопатия—это всего лишь пережиток первобытной магии". В ответ женщина загадочно улыбнулась и сказала: "Совершенно верно". Эти слова привели сновидца в изумление, и он проснулся".

В своих ассоциациях по поводу этого сна пациент сообщил, что он ничего не знал о гомеопатии, кроме того, что в ней использовался принцип подобия. Я напомнил пациенту об описании гомеопатической магии в "Золотой ветви" Фрезера, и тогда он стал размышлять о моем методе интерпретации сновидений, методе амплификации, в котором используются аналогичные образы из мифологии для амплификации и разъяснения сновидений. Женщина не вызвала у него никаких ассоциаций. Очевидно, она олицетворяла аниму, обладающую тайным знанием бессознательного и выполняющую роль мостика между эго и коллективным бессознательным.

Сновидение указывает на активацию бессознательного и знакомит сновидца с целым спектром новых восприятий, сходных с первобытной магией. В соответствии с этим спектром переживаний, аналогии воспринимаются как реальности. В этом заключена суть метода ассоциативного мышления по аналогии, при котором деятельность бессознательного опирается на символические аналогии. Наш метод интерпретации сновидений опирается на принцип амплификации с помощью аналогий. Было бы неправильным применять такой примитивный подход* внешней реальности, поскольку он привел бы нас к использованию магических приемов и различных предрассудков. Но он оправдывает себя в работе с бессознательным для установления связи с архетипической психикой.

Современный человек испытывает настоятельную потребность в восстановлении значимой связи с первобытным слоем психического. Это вовсе не предполагает компульсивное выражение бессознательно-первобытных аффектов, которое служит одним из симптомов диссоциации. Напротив, здесь речь идет о первобытном способе восприятия, при котором жизнь рассматривается как органическое целое. В сновидениях образ животного, первобытного человека или ребенка обычно отражает на символическом уровне источник помощи и исцеления. В сказках животное нередко показывает герою выход из трудного положения. Образы

первобытного человека и ребенка выполняют целительную функцию, поскольку они символизируют наше неотъемлемое право на целостность, первоначальное состояние, при котором мы находимся в гармонии с природой и ее сверхличностными энергиями, осуществляющими руководство и поддержку. С помощью ребенка или первобытной личности, заключенной в нашей душе, мы устанавливаем связь с Самостью и исцеляемся от отчужденности. Для установления сознательной (а не бессознательной и не инфляционной) связи с ментальностью ребенка и первобытной личности мы должны научиться включать первобытные категории восприятия в наше мировоззрение, не отвергая и не нарушая наши сознательные, научные представления о времени, пространстве и причинности. Мы должны научиться применять первобытные способы восприятия к внутреннему (а не внешнему) миру на психологическом (а не физическом) уровне. Занимать позицию первобытной личности по отношению к внешнему миру значит быть суеверным. Но занимать позицию первобытной личности к внутреннему миру психического—значит быть мудрым.

Юнг достиг установки такой глубокой умозрительной простоты и первоосновности, что его мудрость производила неизгладимое впечатление на всех, кто был с ним знаком. За несколько дней до смерти Юнга журналист задал ему вопрос, как он представляет себе Бога. Юнг дал ему следующий ответ: "До настоящего времени Бог был для меня термином, с помощью которого я обозначал все явления, которые расстраивали мои субъективные взгляды, планы и намерения, энергично и безответственно вторгались в мою жизнь, изменяя ее ход к лучшему или худшему".

В сущности, Юнг выразил здесь точку зрения первобытной личности, которая, однако, характеризуется сознательностью и сложностью. Юнг называет "Богом" то, что большинство людей называют случаем или случайностью. Он, несомненно, воспринимает случайные события как значимые, а не бессмысленные. Именно так воспринимает жизнь первобытная личность. Для первобытной личности все наполнено психическим смыслом и незримо связано со сверхличностными силами. Как и ребенок, первобытный человек живет в мире, неотделимом от него самого. Он пребывает в гармонии с космосом. Чем больше индивид стремится к установлению сознательной связи с глубинами психического, тем больше он приближается к психологической установке, сформулированной Юнгом, а именно: все превратности внешней и внутренней жизни имеют смысл и отражают сверхличностные паттерны и силы. Случай, как категория опыта, является симптомом отчужденной жизни. Как и для ребенка и первобытного человека, случай не существует для человека, установившего связь с Самостью. Быть может, в этом и заключается смысл слов Христа: "Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное".

Эмерсон выразил ту же самую мысль, а именно: в основе всего случайного лежит закон:

"Тайна мира заключается в связи между человеком и событием... душа заключает в себе событие, выпавшее на ее долю... событие несет на себе отпечаток вашей формы".

"События произрастают на том же стебле, что и люди". "Каждое живое существо выделяет из себя свое состояние и сферу, подобно тому, как слизняк выделяет из себя с потом свой слизистый домик на листе грушевого дерева".

"Человек видит, как его характер отражается на событиях, которые происходят с ним, но они исходят от него и сопровождают его". "...не существует случайностей... Закон безраздельно правит всей жизнью".

На начальных стадиях психологического развития Бог скрывается в самом искусном укрытии—в идентификации индивида с самим собой, т.е. со своим Эго. Идея скрытого Бога соответствует гностическому мифу о Софии, персонификации Мудрости Божией. При творении мира София, божественная мудрость, низошла в материю. В процессе нисхождения она заблудилась и попала в материальное заточение, превратившись, таким образом, в сокрытого Бога, который нуждается в освобождении и спасении. Это представление о заточении в материю божественного духа, о его сокрытии во мраке сознания отражает сокрытие Самости и идентификации с эго. Материя, скрывающая Софию, символизирует конкретную, временную, земную реальность индивидуального эго. Если Бог находится в материальном заточении, т.е. в психологически неразвитой личности, тогда задача психологического развития состоит в спасении Бога с помощью человеческого сознания.

Спасение Бога составляет одну из основных идей алхимии. Алхимическая деятельность направлена на спасение. Весь процесс превращения осуществляется с целью освобождения и спасения высшей ценности от оков грубой материи. Грубая материя была первичной материей (*prima materia*), веществом, с которым начинал работать индивид и которое соответствовало инфляционным, психологически неразвитым состояниям его психики. Это вещество необходимо было превратить в философский камень, божественную субстанцию. Первичная материя—это идентичность наших эго и Самости, остаточное явление первоначальной инфляции. Алхимическая обработка этого вещества означает сознательную деятельность по очищению и отделению этой сложной смеси с целью освобождения Самости или архетипической психики от загрязнения посредством эго.

Существует различие между традиционной христианской установкой, которая заключает в себе идею пассивного спасения человека через веру в Христа, и алхимической установкой, которая предполагает активную деятельность человека по спасению Бога. По этому поводу Юнг пишет следующее:

"...(при христианской установке) человек приписывает себе потребность в спасении и предоставляет независимой божественной фигуре возможность осуществлять спасение, реальный атлон (*atblon*) или опус ...(при алхимической установке) человек берет на себя обязанность по выполнению спасительного опуса и приписывает состояние страдания и последующую потребность в спасении *anima mundi* (душе мира), запертой в материи".⁴⁵ Далее Юнг отмечает:

"...алхимический опус предполагает деятельность человека, направленную на спасение божественной души мира, которая дремлет в материи, ожидая спасения. Христианин пожинает плоды благодати благодаря деяниям Христа, тогда как алхимик своими усилиями создает для себя панацею жизни". (Цитата немного изменена).

Современный человек должен поступать так, как поступал алхимик. Если он не рассчитывает на пассивное спасение с помощью созерцания священных образов, тогда он должен полагаться на свою активную работу над своей первичной материей, над бессознательным, в надежде освободить и довести до сознания сверхличностную природу самой психики. Это и есть центральная идея: психологическое развитие составляет на всех своих этапах спасительный процесс. Его цель состоит в спасении Самости, скрытой в бессознательной идентификации с эго, с помощью сознательной реализации.

Повторяющийся круговорот инфляции и отчуждения замещается сознательным процессом

индивидуации, когда осознается существование оси эго-Самость. При восприятии сверхличностного центра диалектический процесс между эго и Самостью способен в определенной мере заменить прежние колебания между инфляцией и отчуждением. Но индивидуационный диалог не может состояться до тех пор, пока эго считает, что все, существующее в психическом, было им (эго) создано. По поводу этой ошибочной установки Юнг говорит следующее:

"...все современные люди ощущают свое одиночество в мире психического, поскольку в психике, по их мнению, нет ничего, что бы не было ими создано. Это является наилучшим доказательством нашего божественного всемогущества, которое проистекает из нашей веры в то, что мы придумали все психическое, т.е. в психике ничего не возникло бы, если бы мы ничего не создали в ней; ибо это и есть наша основная идея и неординарное допущение... В таком случае индивид ощущает абсолютное одиночество в сфере своего психического, подобно творцу перед творением".

Для современного человека сознательная встреча с независимой архетипической психикой равнозначна открытию Бога. После такого переживания он перестает чувствовать себя одиноким в своей психике, и тогда изменяется все его мировоззрение. Он в значительной мере освобождается от проекций Самости на мирские цели и объекты. Он освобождается от тенденции к идентификации с любым частным предвзятым мнением, которое способно привести его к переживанию конфликта противоположностей во внешнем мире. Такой человек сознательно участвует в процессе индивидуации.

В "Книге Перемен" (ИЦзин) приводится описание результатов, достигнутых человеком в процессе индивидуации:

"...в природе священная значимость усматривается в том, что естественные явления в равной мере подчиняются закону. Созерцание божественного промысла, составляющего основу движений мироздания, позволяет человеку, призванному влиять на судьбу других людей, осуществлять аналогичные воздействия. Для этого требуется сила внутреннего сосредоточения, которая развивается благодаря религиозному созерцанию у великих, стойких в вере личностей. Она позволяет им постигать таинственные, божественные законы жизни. Благодаря глубочайшему внутреннему сосредоточению они обеспечивают проявление этих законов в своей личности. Таким образом, скрытая духовная сила исходит от них, воздействуя на других и подчиняя их себе без их ведома".

В широком смысле этого слова, индивидуация означает внутреннее стремление жизни к сознательной самореализации. В процессе саморазвития сверхличностная энергия жизни использует человеческое сознание (самостоятельный продукт своей деятельности) в качестве орудия для своей самореализации. Понимание этого процесса позволяет индивиду по-новому взглянуть на превратности человеческой жизни и осознать, что: *"Хотя Божьи жернова мелют медленно, Они дают очень тонкий помол"*.

Индивидуация как путь жизни

...Все виды человеческой деятельности...

направлены на восстановление в каждом из нас

с помощью каждого из нас первоначального центра,

в котором единственным и неповторимым образом

мироздание отражается.

ПЬЕР ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕН

ГЛАВА 4. Поиск смысла

Состояние каждого человека таит в себе решение тех вопросов, которые он ставит. Он реализует его в действии как жизнь прежде, чем начинает постигать его как истину.

ЕВ. ЭМЕРСОН

1. ФУНКЦИЯ СИМВОЛА

В современную эпоху широко распространенное ощущение бессмысленности составляет один из симптомов отчуждения. Многие пациенты обращаются к психотерапии не по поводу ясно выраженного расстройства, а потому, что чувствуют, что жизнь не имеет смысла. Внимательный психотерапевт непременно обратит внимание на то, что эти люди испытывают на себе пагубные последствия не только неудовлетворительных переживаний детства, но и переворота, вызванного переходным периодом культуры. По-видимому, мы проходим период коллективной психологической переориентации, сопоставимый по масштабу с периодом возникновения христианства на руинах римской империи. Упадок традиционной религии сопровождается увеличением числа свидетельств об общей психической дезориентации. Мы утратили ориентиры. Христианство представляет собой систему великих символов, которая, по-видимому, утратила способность определять все обязанности людей или удовлетворять их высшие потребности. Это привело к повсеместному распространению ощущения бессмысленности и отчуждения от жизни. Еще не известно, появится ли новый коллективно-религиозный символ. А тем временем те, кто сознают эту проблему, самостоятельно ведут поиск жизни, полной смысла. Для них индивидуация превращается в путь жизни.

Я употребляю здесь слово "смысл" в специальном значении. Вообще говоря, различают два различных употребления этого слова. Чаще всего оно относится к абстрактному, объективному знанию, которое передается с помощью знака или изображения. Так, например, слово "лошадь" обозначает определенный вид четвероногих животных; красный свет светофора означает остановку. Эти абстрактные, объективные смысловые значения передаются с помощью знаков. В то же время существует и другой вид смысла, а именно субъективный, живой смысл, способный утверждать жизнь. В этом значении мы употребляем слово, когда описываем глубоко волнующее переживание как нечто значимое, полное смысла. Такое переживание не несет абстрактный смысл, по крайней мере, на начальном этапе; напротив, оно передает живой смысл, который имеет аффективную окраску и позволяет нам установить органическую связь с жизнью в целом. Сновидения, мифы и произведения искусства способны передавать это значение субъективного, живого смысла, который совершенно отличается от объективного, абстрактного смысла. Неразличение этих двух различных употреблений слова "смысл" приводит индивида к постановке вопроса, на который невозможно ответить, потому что здесь спутаны абстрактно-объективный смысл и субъективно-живой. На вопрос можно ответить, если дать ему более субъективную формулировку: "В чем состоит смысл моей жизни?"

Проблема смысла жизни тесно связана с ощущением личностной идентичности. Вопрос "в чем состоит смысл моей жизни?" почти полностью совпадает с вопросом "кто я такой?" Несомненно,

последний вопрос имеет субъективный характер. Адекватный ответ можно получить только изнутри. Поэтому мы говорим: смысл можно найти в субъективности. Но кто ценит субъективность? Когда мы употребляем слово "субъективный", мы обычно говорим или подразумеваем только субъективное, словно субъективный элемент не имеет значения. С начала упадка религии у нас отсутствует адекватное коллективное одобрение интровертной, субъективной жизни. Проблемы западного общества исподволь побуждают индивида искать смысл жизни во внешнем, в объективности. Независимо от того, что составляет цель— государство, корпоративная организация, материальное благополучие или получение объективных научных знаний, поиск смысла человеческой жизни неизменно осуществляется там, где его нет—во внешнем, в объективности. Единственная, особая, неповторимая субъективность индивида, составляющая подлинный источник смысла человеческой жизни и не поддающаяся объективной, статистической оценке, оказывается тем негодным камнем, который был отвергнут строителем нашего современного мировоззрения.

Даже большинство психиатров, которым положено лучше других разбираться в проблеме, содействуют укреплению доминирующей установки, при которой умаляется значение субъективности. Несколько лет назад я ознакомил группу психиатров с работой о функции символов. Затем один из участников дискуссии высказал замечание по поводу этой работы. Одно из его основных возражений состояло в том, что я охарактеризовал символ так, словно он представляет собой нечто реальное, почти живое. Я действительно дал такую характеристику символу. Это замечание отражает общее отношение к психическому и к субъективности. Принято считать, что психическое не имеет собственной реальности. Субъективные образы и символы рассматриваются лишь как отражения окружающей обстановки индивида и его межличностных отношений или лишь как осуществление инстинктивных желаний. Г.С. Салливан высказал крайнюю точку зрения, а именно: идея неповторимой, индивидуальной личности есть заблуждение! Так сам, не желая того, знаменитый психиатр становится сторонником коллективистской психологии масс.

Современный человек крайне нуждается в открытии реальности и ценности внутреннего, субъективного мира психического, в открытии символической жизни. По этому поводу Юнг говорит следующее:

"Человек нуждается в символической жизни... Но у него нет символической жизни... В вашем доме есть уголок, в котором вы могли бы выполнять обряды, как это делают в Индии? В Индии даже в самых простых домах существует огороженный занавеской уголок, в котором члены семьи могут предаваться символической жизни, давать обеты или заниматься медитацией. У нас нет такого уголка... У нас нет ни времени, ни пространства... Следует иметь в виду, что только символическая жизнь способна выразить повседневные нужды души! И поскольку у людей нет символической жизни, они не в силах выбраться из ужасных, скрежещущих жерновов обыденной жизни, с которой они "вынуждены мириться".

Человек нуждается как в мире символов, так и в мире знаков. Символы и знаки необходимы, но их не следует путать друг с другом. Знак указывает на смысл известного предмета. По определению, язык является системой знаков, но не символов. С другой стороны, символ является образом или изображением, которое указывает на нечто, в принципе неизвестное, на некую тайну. Если знак передает абстрактно-объективное значение, то символ передает субъективное, живое значение. Символ обладает субъективным динамизмом, способным привлекать к себе

внимание индивида и вызывать восхищение. Символ представляет собой живую, органическую сущность, которая выполняет роль передатчика и трансформатора психической энергии.

Символы являются продуктами спонтанной деятельности архетипической психики. Символ невозможно изготовить, его можно только открыть. Символы выполняют роль носителей психической энергии, поэтому их необходимо рассматривать как нечто живое. Они, сознательно или бессознательно, передают эго жизненную энергию, которая обеспечивает индивида поддержкой, руководством и мотивацией. Архетипическая психика постоянно создает устойчивый поток живых, символических образов. При обычных обстоятельствах такой поток образов сознательно не воспринимается; исключения составляют состояния сна и бодрствующей фантазии, когда понижается сознательный уровень внимания. Тем не менее, у нас есть основания полагать, что даже в состоянии полного бодрствования поток символов, заряженных действующей энергией, продолжает свое движение, оставаясь незамеченным для эго. Символы просачиваются в сферу эго, побуждая его идентифицировать себя с ними и неосознанно отреагировать их. Существует и иная возможность: символы перетекают во внешнюю среду посредством проекций, побуждая индивида участвовать во внешней деятельности и восхищаться внешними объектами.

2. КОНКРЕТИСТСКИЕ И РЕДУКТИВНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Взаимосвязь между эго и символом имеет очень важное значение. Вообще говоря, существует три возможные модели взаимосвязи между эго и символом или, что то же самое, между эго и архетипической психикой:

1. Эго отождествляет себя с символом. В этом случае символический образ реализуется в конкретном переживании. Эго и архетипическая психика едины.
2. Эго отчуждается от символа. Хотя символическую жизнь и невозможно разрушить, тем не менее, в данном случае она существует на более низком уровне, за пределами сознания. Символ сводится к знаку. Ее загадочные, настоятельные требования воспринимаются лишь как элементарные, абстрактные факторы.
3. Третья возможность остается искомой. В этом случае эго, существующее отдельно от архетипической психики, открыто и восприимчиво для воздействия символических образов. Становится возможным диалог между эго и возникающими символами. В этом случае сам символ способен выполнять свою функцию, осуществляя роль передатчика и трансформатора психической энергии при полном участии сознания. Указанные взаимосвязи между эго и символом приводят к двум возможным заблуждениям, которые я называю конкретистскими и редуктивными. При конкретистском заблуждении, которое характеризуется большей примитивностью, чем редуктивное заблуждение, индивид не способен отличать символы архетипической психики от конкретной, внешней реальности. Внутренние, символические образы воспринимаются как реальные внешние факты. Примерами такого заблуждения могут служить анимистические верования первобытных людей, галлюцинации и бред психотиков, различные предрассудки. К этой категории заблуждений относятся смешанные сочетания психической и физической реальности, например, в практической алхимии, астрологии и многочисленных современных знахарских культах. Этому заблуждению подвержены религиозные люди, которые ошибочно соотносят символические религиозные обряды с конкретными фактами и принимают

свои личные или узко ограниченные религиозные убеждения за всеобщие и абсолютные истины. Опасность поддаться кон-кретистскому заблуждению возникает тогда, когда мы поддаемся искушению применить символический образ к внешним, физическим реальностям с целью манипулирования этими реальностями в наших интересах. Символы оказывают целесообразное и эффективное воздействие только тогда, когда они обеспечивают изменение нашего психического состояния или сознательной установки. Их воздействия неоправданны и опасны, когда они применяются к физической реальности магическим путем.

При редуктивном заблуждении совершается противоположная ошибка. В этом случае упускается из виду значение символа, который ошибочно воспринимается только как знак для обозначения некоторого известного содержания. Основу редуктивного заблуждения составляет рационалистическая установка, в соответствии с которой позади символов просматривается их "реальный" смысл. Этот подход сводит все символические образы к элементарным, известным факторам. Он опирается на предположение, что не существуют ни подлинная тайна, ни существенно неизвестное, выходящее за пределы познавательных способностей эго. С этой точки зрения, не существует настоящих символов—существуют только знаки. Для тех, кто придерживается таких убеждений, религиозные символы свидетельствуют о невежестве и первобытных предрассудках. Редуктивному заблуждению подвержены и психологи-теоретики, которые рассматривают символизм как первобытную, дологическую деятельность архаического эго. Мы впадаем в это заблуждение, когда рассматриваем наши субъективные реакции и образы с позиций абстрактного, статистического подхода, уместного в сфере естественной науки и физической реальности. Это заблуждение диаметрально противоположно ранее рассмотренному заблуждению, при котором субъективно-символический образ использовался для манипулирования физическими реальностями, осуществляя тем самым насилие над ними. Здесь абстрактно-объективный подход, уместный в исследовании внешней реальности, применяется к бессознательной психике для управления ею. Этот подход осуществляет насилие над автономной реальностью психического.

Конфликт между конкретистским и редуктивным заблуждениями лежит в основе современного конфликта между традиционно-религиозным подходом и так называемым современным научным подходом. Поскольку этот конфликт составляет коллективную проблему, мы все несем в себе что-то от этого конфликта. По этому поводу Юнг пишет следующее:

"Тот, кто рассуждает о таких вопросах (как религиозный символизм), неизбежно рискует быть разорванным в клочья двумя сторонами бескомпромиссного спора по этим вопросам. В основе этого конфликта лежит странное предположение, что вещь действительна, если она проявляется в виде физического факта. Поэтому одни люди считают физически возможным рождение Христа от девы, тогда как другие опровергают такое рождение как физически невозможное. Каждый может убедиться в том, что этот конфликт не имеет логического разрешения поэтому лучше не ввязываться в такие бесплодные дискуссии. Правы, как та, так и другая, стороны. И, тем не менее, они без труда достигли бы соглашения, если бы отказались от употребления термина физический. Физическое не является единственным критерием истины: существуют также и психические истины, которые невозможно ни объяснить, ни доказать, ни опровергнуть физическим путем. Если бы, например, существовало общее убеждение, что река Рейн одно время текла вспять, от устья к истокам, тогда само по себе это убеждение было бы фактом, даже если бы с физической точки зрения такое утверждение представлялось совершенно невероятным. Убеждения подобного рода

являются психическими фактами, которые невозможно ни опровергнуть, ни доказать.

К указанному типу относятся религиозные (или символические) утверждения. Они относятся ко всем вещам, которые невозможно установить в качестве физических фактов... Если считать, что они соотносятся с чем-нибудь физическим, тогда они не имеют никакого смысла... Конфликт между религиозными (или символическими) утверждениями и наблюдаемыми физическими явлениями свидетельствует о том, что, вопреки физическому восприятию, (символический) дух автономен и что психический опыт в определенной мере не зависит от физических данных. Психика является независимым фактором, и религиозные (или символические) утверждения являются психическими признаниями, которые, в конечном счете, опираются на бессознательные... процессы. Эти процессы недоступны физическому восприятию, они демонстрируют свое существование через признания психического... Затрагивая религиозные (или символические) содержания, мы переходим в мир образов, которые указывают на нечто невыразимое. Мы не знаем, в какой мере эти образы, метафоры и концепции ясны или неясны в своей соотнесенности с трансцендентальным объектом... (Тем не менее) несомненно, что за этими образами существует нечто такое, что выходит за границы сознания и действует так, чтобы утверждения не изменялись безгранично и хаотически, а определенно соотносились с несколькими основными принципами или архетипами. Как и сама психика или материя, принципы и архетипы непознаваемы как таковые".

Как и во всех вопросах, касающихся личности, конкретистские и редуктивные заблуждения невозможно устранить с помощью разумных увещаний. В действительности их можно рассматривать как две последовательные стадии развития личности. Состояние идентификации между эго и бессознательными символами приводит к конкретистскому заблуждению. Такое состояние характерно для начальной стадии развития эго, его можно наблюдать у первобытных людей и детей. Редуктивное заблуждение проистекает из состояния отчуждения между эго и символизмом бессознательного. Такое состояние характерно для дальнейшей стадии развития; быть может, в нем проявляется необходимая реакция на предыдущее состояние идентичности между эго и бессознательным. На этой стадии развитие эго требует умаления бессознательного и силы его символических образов. Тем не менее, эго и бессознательное остаются пребывать в состоянии разобщения, которое рано или поздно преодолевается, чтобы предоставить индивиду возможность достичь целостности.

Конечная цель юнгианской психотерапии состоит в обеспечении осознания символического процесса. Для осознания символов, прежде всего, необходимо знать, как ведет себя символ на бессознательном уровне. Все бесчеловечные обряды и ритуалы дикарей, невротические симптомы и извращения можно понять, если мы будем ясно представлять, как функционирует символ на бессознательном уровне. Основное предположение состоит в следующем: бессознательный символ переживается, а не воспринимается. Динамизм бессознательного символа воспринимается только как желание или стремление к какому-то внешнему действию. За этим стремлением образ не просматривается. Чисто психологический смысл не просматривается позади движущей силы символического образа, во власти которого оказался индивид. Отождествленное с символическим образом эго превращается в его жертву, обреченную на конкретное изживание смысла символа, вместо его сознательного осмысления. Динамизм символа рассматривается и воспринимается лишь как вождение или стремление к власти в той мере, в какой эго отождествляется с архетипической психикой. Это позволяет понять различие

между глубинной психологией Юнга и всеми остальными психологическими теориями. До сих пор только Юнг и его последователи были способны понять символ, а следовательно, и архетипическую психику, в которой проявляется символ, поскольку он действует, когда эго идентифицировано с ней. В тех случаях, когда Юнг видит сверхличностную архетипическую психику, Фрейд видит ид (оно). Этот ид служит карикатурой на человеческую душу. Архетипическая психика и ее символы наблюдаемы в той мере, в какой они проявляются, когда эго идентифицировано с ними. Ид представляет собой бессознательное, которое рассматривается как инстинкт, без учета образов, лежащих в основе инстинктов. Редуктивная интерпретация образов в их соотнесенности с инстинктами определяется пределами рассмотрения образов. В сущности, символическому образу отказано в праве иметь независимую реальность. Фрейдовский подход к бессознательному необходимо понять, поскольку практически все школы современной психиатрии разделяют его мнение в той или иной форме. Ни один психиатр не будет отрицать, что инстинктивные потребности реально существуют, но почти все психиатры единодушно отрицают жизнь и реальность символических образов в себе и для себя.

В современной психологии получила широкое распространение точка зрения, согласно которой бессознательная психика, мотивируемая только инстинктами, в принципе чужда духовности, культуре и деструктивно воздействует на символическую жизнь. Степень приверженности этому подходу определяет невозможность развития осмысленной внутренней жизни. Разумеется, существует множество инстинктивных побуждений. Но символический образ, выполняющий роль передатчика и трансформатора психической энергии, поднимает инстинктивное побуждение на иной уровень, очеловечивает, одухотворяет и окультуривает грубую животную энергию. Инстинкт заключает в себе свой тайный смысл, который обнаруживается только посредством восприятия образа, присущего инстинкту.

Один из способов обнаружения скрытого образа состоит в использовании аналогий. Как отмечает Юнг, *"создание ...аналогий освобождает инстинкт и биологическую сферу в целом от воздействия бессознательных содержаний. Отсутствие символизма, однако, создает перегрузку в инстинктивной сфере"*. В качестве примера использования метода аналогий я хотел бы упомянуть одного пациента, который на бессознательном уровне находился во власти яркого символического образа. Пациент вынужден был изживать этот образ в качестве симптома до тех пор, пока не смог исследовать его на сознательном уровне. Поскольку более масштабные явления легче исследовать, чем менее масштабные, я рассмотрю пример, так сказать, выпукло очерченный, благодаря тому, что в нем отражается симптом психопатологии. Я имею в виду случай трансвестизма, при котором молодой человек испытывает сильное побуждение носить женскую одежду. Когда молодой человек стал носить женскую одежду, его отношение к себе претерпело коренное изменение. Обычно он страдал от застенчивости, неполноценности и бессилия. Но когда он стал носить какой-то предмет женской одежды, который можно было скрыть от взоров посторонних, он почувствовал уверенность в своих силах и сексуальных возможностях. Что же означает такой симптом? Пациент изживал бессознательный символический образ. Поскольку симптоматические образы такого рода имеют тот же источник, что и сновидения, мы можем исследовать их так, как мы исследовали сновидения, применяя метод амплификации. Тогда мы можем спросить себя, как необходимо рассматривать ношение женской одежды? Какие можно найти общие мифологические параллели?

В книге V "Одиссеи" описано странствие Одиссея между островами Калипсо и феаков Схерии.*1 Во время этого странствия Посейдон поднял страшную бурю, которая привела бы Одиссея к

гибели, если бы богиня моря Ино не пришла ему на выручку. Она велела ему снять одежду и плыть к острову, добавив: "Вот тебе мое покрывало. Оберни его вокруг груди. Оно заколдовано. Ты будешь вне опасности, пока носишь его. Как только твоя нога ступит на остров, брось его как можно дальше в море". Покрывало Ино является архетипическим образом, который скрывается за симптомом трансвестизма. Покрывало олицетворяет поддержку и сдерживание, обеспечиваемые материнским архетипом для эго во время опасной активации бессознательного. В период кризиса целесообразно воспользоваться той поддержкой, которой воспользовался Одиссей; но как только минует кризис, покрывало необходимо вернуть богине.

Еще одну параллель можно провести с жрецами Великой Матери в древнем Риме и Малой Азии. После посвящения жрецы носили женское платье и отращивали длинные волосы в знак служения Великой Матери. Следы этого жреческого трансвестизма существуют и по сей день в одежде католических священников, которые находятся на службе у Матери Церкви. Эти параллели показывают, что в основе влечения трансвестита лежит бессознательная потребность в поддерживающем контакте с женским божеством—материнским архетипом. Это один из способов символического рассмотрения симптома. Разумеется, упоминая образ божества, мы используем символ, поскольку невозможно дать точное определение божеству или сверхличностной силе. В таких случаях используется не знак, обозначающий нечто известное и понятное на рациональном уровне, а символ, отражающий тайну. В случае успеха такой метод интерпретации может привести пациента к символической жизни. Появляется возможность замещения симптома, окрашенного чувствами бессилия и вины, символом, который полон смысла, обогащает жизнь и воспринимается на уровне сознания, вместо бессознательного, компульсивно-симптоматического изживания.

Рассмотренный случай показывает, как можно трансформировать симптом в символ посредством осознания его архетипических основ. Каждый симптом проистекает из образа какой-либо архетипической ситуации. Например, многие симптомы тревоги имеют в качестве архетипического контекста борьбу героя с драконом или ритуал инициации. Многие симптомы чувств разочарования и обиды воспроизводят архетипическую встречу Иова с Богом. Приобретение способности распознать архетип или символический образ за симптомом тотчас трансформирует переживание. Этот процесс нередко протекает довольно болезненно, но он имеет смысл. Вместо изолирования страдальца от родных и близких, теперь он объединяется с ними в более глубокой гармонии. Он ощущает себя равноправным участником в коллективной деятельности, т.е. в трудном развитии человеческого сознания, которое началось во мраке первозданного болота и неизвестно, где закончится.

Настроения и эмоциональные состояния также способны раскрыть свой смысл, если найден соответствующий символический образ. Возьмем, к примеру, человека, который испытывает раздражение. Все получается не так, как ему хочется, но он не в состоянии ни отреагировать аффект, ни вытеснить его. Наконец, он взмолился о понимании смысла своего состояния. Ему тотчас пришел на ум образ трех человек в печи, раскаленной огнем. Об этом эпизоде упоминается в Книге Пророка Даниила. Он прочитал данный фрагмент в Библии, и в процессе размышления о нем раздражение исчезло. В третьей главе Книги Пророка Даниила упоминается указ Навуходоносора, согласно которому все люди должны по сигналу пасть и поклониться золотому истукану. Седрах, Мисах и Авденаго отказались поклониться золотому истукану. Тогда Навуходоносор исполнился ярости и велел бросить их в печь, раскаленную огнем. Но Седрах, Мисах и Авденаго остались невредимы, причем в огне был виден четвертый муж, и вид

четвертого был "подобен сыну Божию".

Упомянутый образ устранил раздражение, потому что смысл настроения нашел в нем символическое отражение. Царь Навуходоносор олицетворяет своевольную, властную фигуру тирана, который присваивает себе права Бога и исполняется ярости, когда ему не воздают почести, подобающие божеству. Кроме того, он олицетворяет эго, отождествляемое с Самостью. Его ярость синонимична огненной печи. Отказавшись придать личностной мотивации сверхличностное значение, Седрах, Мисах и Авденаго добровольно отдают себя во власть огня фрустрации Навуходоносора. Этому соответствует способность пациента отказаться от идентификации с аффектом и вместо этого терпеливо сносить его, чтобы, в конечном счете, найти смысл этого аффекта в сфере активного воображения. Четвертый персонаж, который появляется в печи, "подобно сыну Божию", олицетворяет сверхличностный, архетипический элемент психики, актуализированный в опыте. В качестве четвертого элемента он несет с собой смысл, облегчение и целостность.

Приведенный пример служит иллюстрацией к высказыванию Юнга. По поводу своей встречи с бессознательным он пишет следующее:

"Я жил в состоянии постоянного напряжения... В той мере, в какой мне удавалось трансформировать эмоции в образы, т.е. находить образы, которые скрывались в эмоциях, я чувствовал себя спокойнее и увереннее".

Индивид воспринимает превратности судьбы как симптомы в той мере, в какой он не осознает символическую сторону жизни. Симптомы отражают состояния тревоги, которые не поддаются нашему контролю и, по существу, бессмысленны, не имеют ни ценности, ни значения. Фактически симптомы представляют собой символы, деградировавшие в результате редуктивного заблуждения эго. Симптомы невыносимы потому, что они не имеют смысла. Можно смириться почти с любым затруднением, если мы можем распознать его смысл. Оно бессмысленно и поэтому представляет для человечества величайшую опасность.

Наша бодрствующая жизнь состоит из ряда настроений, чувств, идей и актуальных потребностей. Мы проходим через последовательные психические состояния, которые можно сравнить с бусинами, нанизанными на одну нить. В зависимости от нашей сознательной установки, мы воспринимаем эти четки жизни либо как последовательность бессмысленных симптомов, либо, благодаря символическому пониманию, как ряд нуминозных встреч эго и сверхличностного психического. Наши радости и огорчения являются симптомами, если они не имеют символического смысла. Индийские мудрецы признавали справедливость этого утверждения в своей теории Майи. Согласно этой теории, между радостями и огорчениями, которые служат симптомами жизни, существует неразрывная связь. Для освобождения от болезненных симптомов необходимо освободиться от приятных симптомов. С точки зрения аналитической психологии, стремление индийцев к освобождению от актуальности радостей и огорчений равнозначно поиску символической жизни. Нирвана не предполагает бегство от реальности жизни. Напротив, она предполагает раскрытие символической жизни, способной освободить человека от "ужасного скрежета повседневной жизни", которая есть не что иное, как чередование бессмысленных симптомов.

3. СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

В определенной форме символическая жизнь составляет предварительное условие психического здоровья. Без символической жизни эго отчуждается от своих сверхличностных истоков и становится жертвой, так сказать, космической тревожности. Сновидения нередко позволяют исцелить отчужденное эго, передавая ему ощущение его истоков. Приведем пример такого сновидения. Сновидица пыталась разрешить проблему отчуждения эго от Самости. Она стала жертвой глубоких чувств депрессии, никчемности и бессмысленности своей жизни и способностей. Тогда ей приснился следующий СОН:

"Со мной заговорил старик, который был священнослужителем и раввином. Его слова глубоко тронули мою душу, и я почувствовала, что исцеляюсь. Казалось, его устами говорил сам Бог. Я почувствовала, что разрешился вечный вопрос, который всегда жил во мне. На какое-то мгновение я поняла, почему это произошло. Беседуя со мной, он позволил мне соприкоснуться с чем-то таким, что я когда-то давно знала, еще до своего рождения".

Это сновидение произвело на сновидицу сильное впечатление. Она восприняла сновидение как нечто исцеляющее. Получил ответ вечный вопрос о смысле ее жизни. Но в чем состоял ответ? Пробудившись, она не могла сразу вспомнить, что говорил старец. Затем она неожиданно вспомнила древнееврейскую легенду, которую она однажды прочитала в какой-то книге. Тут-то она и поняла, что священнослужитель (раввин), в сущности, говорил с ней об этой легенде. В легенде говорилось следующее:

"Перед рождением ребенка Бог призывает пред собой семя будущего человека и определяет, кем станет его душа: мужчиной или женщиной, мудрецом или простаком, богатым или бедным. И только одну вещь Он оставляет без решения, а именно: станет он праведным или неправедным, ибо написано: "Все в руке Господа, кроме страха Господня". Душа, однако, просит Бога не лишать ее жизни в этом мире. Но Бог отвечает ей: "Мир, куда я тебя посылаю, лучше мира, в котором ты пребывала. Я создал тебя для земной участи". Затем Бог повелевает ангелу, который отвечает за жизнь душ в ином мире, посвятить эту душу в тайны иного мира, проведя ее через ад и рай. Таким образом, душа знакомится со всеми тайнами запредельного мира. Тем не менее, в момент рождения, когда душа приходит на землю, ангел гасит свет знания, который горит в ней, и душа, заключенная в земную оболочку, входит в этот мир, предав забвению возвышенную мудрость, но неизменно стремясь вновь обрести ее".

Сновидение, вызвавшее в памяти сновидицы прекрасную легенду, служит замечательным примером функционирования оси эго-Самость, которая позволяет эго осознать свои истоки и смысл и пробудить символическую жизнь. Фигура старца, священнослужителя (раввина) олицетворяет то, что Юнг называл архетипом мудрого старца. Он является духовным руководителем, носителем мудрости и исцеления. Я рассматриваю его как персонификацию оси эго-Самость. Сочетая в себе священнослужителя и раввина, он объединяет две различные религиозно-символические традиции, хотя рассказанная им история не относится к какой-либо конкретной религиозной системе. Тема предродовых истоков эго является архетипическим образом, для которого можно найти немало примеров. Например, существует теория Платона о предродовых идеях, которая подробно изложена в "Федоне". Согласно этому мифу, любое учение есть воспоминание предродового знания, которое является врожденным, но было забыто. С психологической точки зрения это означает, что архетипические формы человеческого опыта

предсуществующи или априорны; они ожидают воплощения в биографии определенного индивида. В явном виде платоновская теория воспоминания нередко встречается в сновидениях. Человеку может присниться, что он участвует в значительном событии, которое, как он смутно помнит, произошло раньше и теперь осуществляется в соответствии с каким-то ранее разработанным планом. Приведем описание такого сновидения:

"По-видимому, я воспринимал сон на двух уровнях одновременно. С одной стороны, это был уникальный, спонтанный и неповторимый сон. С другой стороны, я играл в нем какую-то роль, разыгрывая историю, которую я когда-то знал, но забыл. Между двумя уровнями существовала неразрывная связь. Я замечательно играл роль потому, что я одновременно по-настоящему переживал ее. В процессе игры я придумывал свои слова, но мне помогало то, что я когда-то знал эту историю. Каждый эпизод затрагивал в моей памяти какую-то струну, и это помогало мне". Существует древняя гностическая история, которая имеет немало сходства с упомянутой еврейской легендой, но идет дальше, показывая, что душа пробуждается и вспоминает свое небесное происхождение. Переводчики назвали этот текст "Гимном Жемчужине". Я приведу эту легенду в кратком изложении по книге Г. Джонаса:

"Когда я был ребенком и жил в царстве дома Отца моего, наслаждаясь пышностью и великолепием тех, кто растил меня, родители отправили меня с Востока, нашей родины, снабдив всем необходимым для странствия. ...Они сняли с меня одеяние славы, которое с любовью сшили для меня, и пурпурную мантию, сотканную точно по моей фигуре. Они заключили со мной соглашение и запечатали его в моем сердце, дабы я не забыл его: "Когда ты отправишься в Египет и принесешь Единственную в мире Жемчужину, которая лежит посреди моря, окруженного спящим змеем, ты вновь облачишься в одеяние славы, оденешь поверх его свою мантию и вместе с твоим братом, имеющим следующий за нашим титул, станешь наследником нашего царства."

Я покинул Восток и отправился вниз в сопровождении двух царских посланников, поскольку путь был опасен и труден, а я был молод для такого путешествия... Я прибыл в Египет, и спутники покинули меня. Я отправился напрямик к змею и остановился на постоялом дворе, располагавшемся неподалеку от него, чтобы дожидаться, когда он уснет, и похитить Жемчужину... Для обитателей постоялого двора я был посторонним... Я оделся в их одежды, чтобы они не заподозрили во мне похитителя Жемчужины и не натравили на меня змея. Но, по какой-то причине, они заметили, что я не был их соотечественником; они вкрались ко мне в доверие, коварно напоили меня и дали отведать мяса. Я забыл, что я—царский сын, и стал служить их царю. Я забыл о Жемчужине, за которой был послан моими родителями. Из-за тяжести их пищи я погрузился в глубокий сон.

Родители узнали обо всем, что случилось со мной, и огорчились... Тогда они написали ко мне письмо, и каждый из возвышенных подписал его своим именем.

"От твоего отца, Царя Царей, от твоей матери, владычицы Востока, и от твоего брата, следующего за нами по титулу, тебе, нашему сыну в Египте, приветствие. Проснись и воспрянь ото сна, дабы воспринять слова нашего письма. Вспомни, что ты—царский сын: смотри! Кому ты служишь в рабстве? Подумай о Жемчужине, ради которой ты отправился в Египет. Вспомни о твоём одеянии славы и о твоей великолепной мантии, в которые ты можешь облачиться, и тогда твое имя можно будет прочесть в книге героев, и ты со своим братом, нашим помощником, станешь наследником нашего царства".

Благой пробуждающей вестью оказалось то письмо... Оно появилось в виде орла, царя всех птиц крылатых, и, полетав немного, опустилось рядом со мной, обретя речь. При его голосе и звуке я пробудился и воспрянул ото сна. Я взял его в руки, поцеловал, сломал печать и прочитал. Я читал слова письма так, словно они были написаны в моем сердце. Я вспомнил, что я был сыном царей, и моя свободнорожденная душа жаждала вернуться к своим родным и близким. Я вспомнил о Жемчужине, за которой был послан в Египет, и тогда я стал напускать чары на ного змея, чтобы усыпить его, повторяя над ним имя моего Отца, имя нашего следующего по титулу брата и имя моей матери, Царицы Востока. Я схватил Жемчужину и отправился к моему отцу. Сбросив с себя мерзкую одежду, я оставил ее в их стране и отправился в путь к свету моей родины, на Восток

Отправившись в путь, я обнаружил перед собой письмо, которое разбудило меня. И подобно тому, как оно разбудило меня своим голосом, письмо указывало мне путь своим светом, сияя передо мной. Своим голосом оно умирало мой страх, а своей любовью побуждало идти вперед.. (Когда он приблизился к отчизне, родители выслали ему его одеяние славы и мантию). Я протянул руку к одеянию, взял его и обрядился в роскошь его цветов. Затем я завернулся в царскую мантию. В этом одеянии взошел я к вратам приветствия и поклонения. В восторге от великолепия моего Отца, пославшего мне мои одеяния, я склонил голову. Я выполнил его повеление, и он выполнил свое обещание... Он радостно принял меня, и я остался с ним в царстве его..."

Эта очаровательная легенда содержит прекрасное описание психоаналитической теории происхождения и развития сознательного эго. Эго рождается как дитя царской, небесной семьи. Рождение эго соответствует первоначальному состоянию идентичности эго с Самостью или архетипической психикой. Из первоначального рая эго отправляют с поручением. Это соответствует необходимому процессу сознательного развития, которое приводит эго к разлуке со своей первоначальной матрицей. По прибытии в чужую страну оно забывает о поручении и засыпает. Эта ситуация соответствует отчуждению эго от Самости и состоянию бессмысленного существования. Письмо от родителей пробуждает спящего и напоминает о поручении. Его жизнь вновь обрела смысл. Восстановилась связь между эго и его сверхличностными истоками. Я бы сравнил это событие с пробуждением символического сознания.

Между этой историей и сновидением, в котором фигурировал священнослужитель (раввин), существует интересная параллель. В сновидении сновидица, выслушав слова мудрого старца, отмечает: "Беседуя со мной, он позволил мне соприкоснуться с чем-то таким, что я когда-то давно знала, еще до своего рождения". Аналогично этому в "Гимне Жемчужине" герой, прочитав письмо, отмечает: "Я читал слова письма так, словно они были написаны в моем сердце". В каждом из этих случаев индивид получает напоминание о чем-то таком, что он когда-то знал, но забыл—о своей первородной природе.

В "Гимне Жемчужине" пробуждение вызвано с помощью письма. Многообразие характера этого письма свидетельствует о том, что оно является подлинным символом, смысловую насыщенность которого не способен вместить в себя один конкретный образ. Оно—письмо, но оно является и в виде орла. Кроме того, письмо является голосом, который превращается в священную речь. Когда настало время отправиться в обратный путь, письмо претерпело еще одну метаморфозу и превратилось в путеводный свет. Встречая в сновидениях образ, претерпевающий множество таких превращений, можно с уверенностью сказать, что мы имеем дело с динамическим

символом, который обладает особой притягательностью. Таким символом в рассматриваемой легенде служит образ письма-орла-голоса-света. Письмо является средством связи на расстоянии. Орел, названный в тексте царем птиц, напоминает о том, что птицы всегда считались посланниками Бога. Однажды мне довелось работать с психотическим пациентом, который сообщил мне, что он получал послания от Бога. На мой вопрос, каким образом он получал эти послания, пациент ответил, что послания ему доставляли птицы. Кроме того, птицы наводят на мысль о голубе, символе Святого Духа, который выполнял роль связующего звена между Богом и человеком (рис.33 и 34)- Голос напоминает индивиду о зове или призвании. В этой теме неизменно находит отражение переживание пробуждения, которое приводит индивида из сферы личных забот в мир более значимой судьбы. В качестве светильника, указующего путь, письмо можно сопоставить со звездой Вифлеемской, которая привела людей к месту рождения Христа, т.е. к месту проявления многогранности, символизирует ось эго-Самость, линию связи между эго и архетипической психикой. Осознание этой оси приводит к пробуждению и трансформации личности. При этом раскрывается новая грань смысла, которая придает важное значение субъективности.

В оде Вордсворта "Знаки бессмертия" содержится другой пример архетипической темы предродового происхождения души (здесь приводится более подробная цитата):

Наше рождение есть лишь сон и забвение:

Душа, появляющаяся с нами, звезда нашей жизни

Обитает в иных местах

И пришла издалека.

Не в полном забвении

И не в абсолютной наготе,

Но в облаках славы исходим мы от Бога,

И Он есть наша обитель:

Те небеса, что в детстве окружают нас!

Тени темницы начинают смыкаться

Над головой растущего мальчика.

Но в радости он созерцает свет;

Жрецом Природы остается юноша,

Который с каждым днем

Все дальше удаляется от востока.

В пути его сопровождает дивное видение.

И растворение в свете обычного дня.

На этой стадии герой Вордсворта прибывает в Египет, забывает о своей миссии и погружается в сон. Он не получает письма, способного пробудить его от сна, но его одолевают предчувствия: ...И в тихую погоду, вдали от моря Наши души созерцают бессмертное море, Которое привело нас сюда, Способные тотчас отправиться к нему, Чтобы увидеть детей, резвящихся на берегу, Услышать голос могучих волн... Благодаря человеческому сердцу, которым мы живем, Благодаря его нежности, радостям и страхам Самый жалкий цветок способен вызвать во мне мысли, Которые нередко лежат слишком глубоко, Чтобы выразить их в словах. В последних двух строках содержится косвенное указание на символическую жизнь.

Ось эго-Самость находит отражение в сновидениях. Каждое сновидение можно рассматривать как письмо, отправленное в Египет, чтобы разбудить нас. Если мы и не способны прочесть письмо, то, по крайней мере, мы обязаны вскрыть его и попытаться прочесть. Мне рассказали о человеке, который презрительно относится к анализу и интерпретации сновидений. Он проанализировал свои сновидения и пришел к заключению, что сновидения вообще не имеют никакого смысла. Они вызваны физическими ощущениями, которые испытывает индивид в постели, например, обернув ноги простынями или лежа на руке. Здесь необходимо обратить внимание на сны, которые снились человеку с такой сознательной установкой. Ему снился ряд повторяющихся кошмаров. Ему снилось, что он стоит по колено в трясине и постепенно погружается в нее, не будучи в состоянии даже пошевелиться. Иногда ему снилось, что он—слепой, а иногда, что он—паралитик.

Образы сновидений нередко указывают непосредственно на функционирование оси эго-Самость. Это относится и к сновидению, в котором фигурирует священнослужитель (раввин). Мне повстречались несколько сновидений, в которых используется образ острова, нуждающегося в системе связи с материком. Приведем пример такого сновидения:

"Одному человеку приснилось, что он находится на острове, расположенном в нескольких милях от материка. На берегу острова появляется большая бухта телефонных кабелей. Кабели связаны с материком, и сновидец осознает, что он спас их от уничтожения, осознав, что они собой представляют. Они знаменуют существенное достижение в области связи. Его соседи считают, что телефонные кабели отвратительны, и собираются выбросить их в море, но сновидцу удается убедить их в том, что телефонные кабели представляют собой определенную ценность".

В этом сновидении представляется значимым возражение соседей против омерзительности телефонного кабеля. В сущности, суждения сновидца о ценностях основаны на эстетических соображениях. Для того чтобы признать ценность нового способа связи с материком, т.е. с архетипической психикой, сновидец должен освободиться от тирании эстетизма, которая не признает никаких ценностей, кроме своих собственных. Это свидетельствует о том, что встреча с осью эго-Самость и символической жизнью осуществляется посредством низшей функции, т.е. с помощью самой слабой части личности. Осознать нечто, запредельное для эго и поддерживающее нас, можно только через понимание и признание нашей слабости.

Приведем еще одно сновидение, в котором содержится замечательный пример оси эго-Самость и

ее нуминозного воздействия. Этот сон приснился пациенту за год до начала анализа, когда он испытывал сильные страдания. Несмотря на продолжительность и трудность психотерапии, сон предвещал успешное завершение лечения этого пациента:

"Я стою на крыше помещения, полностью окруженного водой. Над водой звучит прекрасная музыка. Музыка доносится от четырех мудрецов, которые стоят в утлых челнах. Каждый из них движется по направлению одной из четырех сторон света. Они одеты в пышные одеяния и движутся по воде в голубовато-серой дымке рассвета. Я осознаю, что музыка, которую несет каждый из мудрецов, характеризует направление света, откуда движется мудрец. Эти четыре качества музыки сливаются в единое звучание, которое произвело на меня столь сильное впечатление, что спустя три года я написал о нем. Четыре мудреца поднимаются по лестницам, расположенным в каждом углу помещения. Я испытываю чувство величайшего благоговения и волнения. Это чувство слабеет, когда они поднимаются на крышу. Их присутствие волнует меня. Я понимаю, что они пришли, чтобы подготовить меня к выполнению какой-то работы. Я должен спуститься по лестнице и выполнить какое-то задание, которое требует продолжительного сосредоточения и усердия. По возвращении я вижу, что четверо мудрецов отправились в обратный путь в своих утлых челнах. Хотя я испытываю разочарование, музыка кажется мне еще более восхитительной и даже торжествующей. У меня возникает ощущение, что я успешно выдержал испытание. Затем я замечаю, что на том месте, где стоял каждый мудрец, теперь стоит каменный истукан, который, хотя и абстрактно, олицетворяет не только сущность мудреца, но и все то, что заключает в себе культура того направления света, откуда он пришел. У меня появилось чувство благодарности за то, что я могу доказать, что они были там. Затем я обратил внимание на четырех мудрецов, каждый из которых возвращался в утлом челне к своему направлению света. Музыка стала более величественной. И вновь я с особенной ясностью услышал, как личности каждого из четырех направлений света таинственно сливаются в "сверхмузыкальном" звучании. День прояснился, и меня окружила насыщенная голубизна. В конце сна у меня появилось ощущение небывалого здоровья".

Я не собираюсь останавливаться на личностных аспектах этого сновидения, но, тем не менее, я хотел бы рассмотреть его лишь в той мере, в какой оно иллюстрирует функцию оси эго-Самость. Драма сновидения разыгрывается на крыше помещения, которая представляет собой разновидность платформы, поднятой над водой. На каждом из четырех углов крыши установлена лестница. Это напоминает мне древнеегипетское представление о боге Атуме. Его олицетворяла мировая возвышенность, поднимавшаяся из первозданного океана. По мнению Кларка, этот символ первозданной возвышенности "вскоре был формализован и превратился в возвышение с пологими или изношенными сторонами или в платформу со ступенями на каждой стороне. ...Вероятно, эту идею воплощали в себе ступенчатые пирамиды".⁸ Здесь уместна аналогия и с вавилонским зиккуратом, священной возвышенностью, по четырем сторонам которой располагались ступени, которые вели к платформе. Наверху платформы располагалась усыпальница Мардука (рис. 35). Вершина священного возвышения считалась центром мира, местом, где проявлялась божественная творческая сила, и местом встречи Бога и человека. Эти же идеи связаны и с пирамидами индейцев племени Майя

Образ мудрецов, приносящих дары, напоминает мне историю о рождении Иисуса и трех волхвов. Тема принесения даров встречается в мифе о рождении героя, который, мы могли бы добавить, также является мифом о рождении эго.⁹ Но какое значение имеет появление четырех мудрецов

вместо трех? Существует легенда о том, что, когда родился Иисус, к нему должны были прийти не три, а четыре мудреца из четырех стран мира, но четвертый задержался и не успел вовремя прийти. Существование четырех мудрецов, появляющихся с четырех сторон света, соотносится с символизмом мандалы и указывает на то, что мудрецы олицетворяют функцию Самости или психической всеобщности. Поэтому мудрецы символизируют четвероякую ось эго-Самость. Они являются посланниками и носителями даров, которые прибывают из заморской страны, чтобы восстановить связь с эго. Здесь уместно напомнить о сновидении, в котором священнослужитель (раввин), подобно мудрецу, помог сновидице установить связь с ее сверхличностными истоками.

Я хотел бы обратить ваше внимание на символизм света в этом сновидении. Сновидение начинается на рассвете. Рассвет становится светлее, когда мудрецы достигают крыши. В кульминационный момент сновидения рассвет достигает еще большей яркости. Свет олицетворяет сознание. У всех народов мира существуют мифы о творении, в которых описывается создание света. Такие мифы указывают на создание эго, ко-

9 Точнее говоря, герой олицетворяет влечение к индивидуации, с которым взаимодействует эго, которое олицетворяет свет сознания, возникший из мрака бессознательного. Аналогично этому, рассвет является ежедневным рождением света солнца и поэтому может быть использован в качестве образа, символизирующего рождение сознания. Таким образом, мы можем рассматривать данное сновидение в его соотнесенности с ростом или развитием сознания сновидца. Эта интерпретация соотносится и со смысловым значением мудрецов, неотъемлемым атрибутом которых является мудрость. В психологическом смысле мудрость есть свет. Мудрецы являются носителями света сознания.

Еще одна особенность сновидения состоит в том, что каждый мудрец оставляет после себя свое изображение—истукан, который олицетворяет то направление света, откуда пришел мудрец, и служит материальным свидетельством реальности его посещения данного места. Это очень интересно. По-моему, здесь находит отражение символический процесс как таковой. Архетипические силы, олицетворяемые мудрецами, приносят в качестве даров для эго свои изображения, символы, которые напоминают индивиду о его сверхличностных связях. Функционально эти изображения соответствуют письму, орлу и путеводному свету в "Гимне Жемчужине". Они передают символический смысл, выполняя роль связующих звеньев между эго и архетипической психикой.

Слово "символ" происходит от греческого слова "симболон", в котором объединяются два корневых слова: сим в значении "вместе" или "с", и болон в значении "то, что было отброшено". Отсюда основное значение слова симболон: "то, что было сведено вместе". В первоначальном употреблении в греческом языке символы обозначали две половины предмета (например, палочки или монеты), которые торговцы оставляют у себя в качестве залога для установления в дальнейшем личности предъявителя одной половины по отношению к владельцу другой половины. Этот термин соответствует нашему слову "бирка", о которой в полном издании словаря Вебстера сказано следующее: "У торговцев существовал обычай после нанесения меток или зарубок на учетную дощечку предъявлять количество поставленных товаров и раскалывать дощечку вдоль через метки так, чтобы половинки точно соответствовали друг другу. Продавец оставлял себе одну половинку, а покупатель—другую". Таким образом, первоначально символ представлял собой половинку, указывающую на недостающую часть предмета. Соединение половинок позволяло восстановить первоначальный, целостный предмет. Этот процесс

соответствует нашему пониманию психологической функции символа. Символ приводит нас к недостающей части целостной личности. Он позволяет нам установить связь с нашей первоначальной всеобщностью. Символ устраняет нашу расщепленность, отчужденность от жизни. Поскольку целостная личность значительно больше, чем эго, символ реализует нашу связь со сверхличностными силами, которые составляют источник нашего существования и смысла нашей жизни. Поэтому необходимо относиться с должным почтением к субъективности и способствовать развитию символической жизни.

ГЛАВА 5. Христос как парадигма индивидулирующего эго

"Я обращаюсь не к счастливым обладателям веры, а к тем многим людям, для которых погас свет, исчезла тайна, умер Бог. Для большинства из них нет возврата в прошлое, поэтому мы не знаем, является ли возвращение в прошлое лучшим выходом из создавшегося положения. По-видимому, психологический подход является единственным средством, с помощью которого мы в настоящее время сможем достичь понимания религиозных вопросов. Поэтому я беру те формы мыслей, которые заострились в процессе исторического развития, подвергаю их плавке и вновь вливаю их в формы непосредственного опыта".

К.Г Юнг

1. ПРИНЯТИЕ ОТЪЕДИНЕННОСТИ

Образ Христа и богатая символическая палитра, сконцентрированная вокруг Его личности, позволяют провести немало аналогий с процессом индивидуации. Действительно, внимательное исследование христианского мифа в свете аналитической психологии неизбежно приводит к заключению о том, что основной символ христианства состоит в поиске индивидуации.

Уникальность мифа об Иисусе Христе состоит в утверждении парадоксальной двойственности Его природы. Он—Бог, но Он и человек. Как Иисус он является человеком, который живет в определенную историческую эпоху, ограниченную временем и пространством. Как Христос он— "помазанник Божий", царь, Логос, изначально существовавший за пределами времени и пространства, вечное божество. С психологической точки зрения это означает, что Христос одновременно символизирует и Самость, и идеальное эго. Юнг подробно исследовал идею Христа как символа Самости. Обстоятельства рождения Христа, его чудотворство, различные изображения "царства небесного", второе имя "Сын Человеческий", отождествляющее Христа с первозданным Антропосом или первочеловеком, окружающие его символы всеобщности, к числу которых относятся четверо евангелистов, двенадцать учеников, "альфа и омега" и символизм креста—все это относится к феноменологии Самости. Хотя Юнг и высказал несколько интересных замечаний по этому предмету, он никогда подробно не останавливался на идее Христа как символа эго. В этой главе я попытаюсь вкратце рассмотреть этот предмет. Следует отметить, что мои замечания являются лишь предварительными указаниями к будущей психологии

Природа исторического Христа всегда составляла проблему для ученых и теологов. В евангельских рассказах личностный элемент и архетипический образ настолько тесно переплетаются, что почти невозможно установить между ними различие. И, тем не менее, несмотря на неопределенность деталей, в Евангелиях раскрывается вполне определенная историческая личность с удивительной психологической интуицией. По-видимому, Иисус был незаконнорожденным ребенком. В нем, несомненно, проявились характерные особенности индивида, который не имел личного отца. Когда отсутствует личный отец, и особенно когда он абсолютно неизвестен, как это нередко бывает с незаконнорожденными детьми, тогда отсутствует и слой личностного опыта, выполняющего роль посредника между эго и нуминозным образом архетипического отца. В психике остается своего рода прореха, через которую проникают мощные архетипические содержания коллективного бессознательного. Такое состояние чревато серьезными опасностями. Динамические силы бессознательного могут поработить эго, вызывая дезориентацию и потерю связи с внешней реальностью. Если же эго способно преодолеть опасность, тогда "прореха в психическом" превращается в окно, позволяющее заглянуть в глубины бытия.

По-видимому, Иисус соответствует вышеприведенному описанию. Он поддерживал непосредственную связь с небесным (архетипическим) отцом и описал природу царства небесного (архетипической психики), используя множество ярких символических образов. Из его проповедей явствует, что он глубоко сознавал реальность психического. В отличие от Закона Моисея, который признавал только реальность деяний, Иисус признавал реальность внутренних психических состояний. Например:

*"Вы слышали, что сказано древними: 'Не убивай; кто же убьет, подлежит суду'. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...'*м Кроме того:

"Вы слышали, что сказано древними: 'Не прелюбодействуй'. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем".

Эти фрагменты имеют важное психологическое значение. Они отражают переход от незрелой бихевиористской психологии к такой психологии, в которой учитывается реальность психического как такового, без конкретных деяний.

В евангельских рассказах содержится немало и других важных психологических открытий. За две тысячи лет до появления глубинной психологии Иисус сформулировал концепцию психологической проекции: *"И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?"*

Он сознавал опасность психического отождествления с родителями и семьей. В настоящее время аналитики все еще встречают ссылки на ветхозаветную заповедь о необходимости чтить отца и мать своих как оправдание состояния бессознательной идентичности с родителями. Иисус достаточно ясно высказался по этому вопросу:

"Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч; ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его".

Враги человеку— домашние его, потому что он наиболее склонен к бессознательной идентификации с теми, кто ему наиболее близок. Такие идентификации подлежат устранению, так как сознание полной отъединенности составляет предварительное условие индивидуации.

Разделяющий аспект того, что олицетворяет Иисус, более ясно выражен в высказывании, записанном в гностическом "Евангелии от Фомы": "17. Иисус говорит: *"Люди думают, что Я пришел принести мир на землю. Но они не знают, что Я пришел принести на землю разлад, огонь, меч, войну. Действительно, если в доме находятся пятеро (человек), они станут трое против двоих и двое против троих—отец против сына и сын против отца—и станут они отъединенными"*.

В конце этого фрагмента ясно выражена цель провоцирования разлада. Она состоит в достижении отъединенности, независимого существования индивида. Такое состояние достигается только через отъединение от бессознательной идентификации с другими. На начальных стадиях отъединение (сепарация) воспринимается как проявление враждебности и тягостного несогласия. Объектами бессознательной идентификации чаще всего становятся родители и семья. Из них Иисус особо выделяет отца:

"И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах".

Родители только потому имеют власть над взрослыми детьми, что дети продолжают проецировать архетипических родителей на своих личных родителей. Заповедь "отцом себе не называйте никого на земле" предполагает устранение всех проекций отцовского архетипа и обнаружение его во внутреннем мире индивида. Иисус требует верности Самости, которая выходит за пределы верности любым личным родственным связям:

"Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня". Здесь содержатся истоки идеи подражания Христу, идеальному человеку (эго), жизнь которого составляет образец, достойный подражания. Эта идея содержится в Евангелии от Матфея (16:24-26): *"Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?"* Для правильной передачи смысла переводчики были вынуждены перевести одно и то же слово двумя различными терминами: "душа" и "истинная душа". Если воспользоваться психологической терминологией, тогда фразу можно перевести следующим образом: *"...кто потеряет эго свое ради меня, тот обретет Самость"*.

С психологической точки зрения, крест можно рассматривать как судьбу Христа, модель его уникальной жизни, которую необходимо реализовать. Заповедь "возьми крест свой" предполагает признание и сознательную реализацию индивидом своей модели целостности. Попытка буквального и конкретного подражания Христу свидетельствует о наличии в понимании символа конкретистского заблуждения. С символической точки зрения, жизнь Христа служит парадигмой, которую необходимо рассматривать в контексте уникальной реальности самого индивида. Она не есть нечто, достойное рабского подражания. Юнг достаточно ясно высказался по этому предмету:

"Мы, протестанты, рано или поздно сталкиваемся с вопросом: как должно понимать "подражание Христу",—в том смысле, что мы обязаны копировать Его жизнь и, если можно так выразиться, прикрываться Его стигматами, или в более глубоком смысле, т.е. что мы должны прожить свои собственные жизни столь же искренне, как он прожил свою жизнь во всей ее индивидуальной уникальности? Весьма непросто прожить свою жизнь по модели жизни Христа, но неизмеримо труднее прожить свою жизнь столь же искренне, как Христос прожил свою".

2.ЭТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

Этическое учение Иисуса всегда составляло проблему. По общему признанию, в нем содержится план реализации совершенства. Если его понимать буквально и последовательно применять по отношению к внешнему миру, тогда это учение отрицательно сказывается на материальном существовании. Юнг предложил иной подход к рассмотрению этического учения Иисуса, а именно—рассматривать его на субъективном или внутреннем уровне. Впервые его подход был ясно сформулирован на семинаре по "Видениям", который проводился в Цюрихе осенью 1930 года. При обсуждении проблем одного из пациентов Юнг сказал, что пациенту не следует презрительно относиться к своей неполноценности; вместо этого он должен признать правомерность ее существования. Далее Юнг отмечает:

"Теперь рассмотрим христианский подход: например, Иисус сказал, что наименьший среди братьев наших есть Он сам и что мы должны предоставить приют и убежище. (Матф., 25:40). Уже в первом веке после Христа существовали такие философы, как Карпократ, который считал, что наименьший из братьев человека, неполноценная личность, есть сам человек Отсюда следует, что они (философы) понимали Нагорную Проповедь на субъективном уровне. Например, он (Карпократ) сказал: "...если ты приносишь дар свой к жертвеннику и там вспоминаешь, что имеешь что-нибудь против себя, оставь дар свой и иди своей дорогой; вначале примиришься с собой, и тогда приходи и предлагай дар свой" (Матф., 5:22). Это—великая истина, и в ней, вероятно, заключена подлинная суть христианского учения..."

Последовательное применение к учению Иисуса субъективного метода интерпретации приводит к ряду открытий, сопоставимых с открытиями глубинной психологии. С этой точки зрения, учение Иисуса можно рассматривать как своего рода руководство по реализации процесса индивидуации. В качестве примера мы рассмотрим субъективную интерпретацию Заповедей Блаженства (Матф., 5:3-10).

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. В Новой Английской Библии мы читаем: "...те, кто знает, что они нищие". В греческом тексте этого фрагмента выражение *hoi ptochoi to pneumatī* буквально означает "взыскующие духа".

Отсюда можно заключить, что фрагмент имеет следующий смысл: блаженны те, кто сознают свою духовную нищету и смиренно ищут то, в чем они нуждаются. С психологической точки зрения, фрагмент может быть истолкован как сознавая свою духовную пустоту (отсутствие смысла жизни), эго находится в выгодном положении, поскольку теперь оно способно воспринимать бессознательное и имеет возможность контакта с архетипической психикой (Царство Небесное).

Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Причиной плача служит утрата предмета или человека,

который был носителем значимой, проецируемой ценности. Для устранения проекций и включения их содержания в состав личности индивид должен относиться к утрате проекции как к предварительному этапу на пути к открытию содержания или ценности в своем внутреннем мире. Плачущие находятся в благоприятном положении, потому что они участвуют в процессе развития. Они утешатся, когда в психическом будет восстановлена утраченная проецируемая ценность.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. С субъективной точки зрения, кротость относится к сфере отношения эго к бессознательному. Такое отношение следует признать благоприятным, поскольку оно способствует усвоению новых соображений, которые могут привести к богатому наследству. Наследование земли означает осознание индивидом своей связи с целым и своей личной причастности к целому (целостности жизни, всей человеческой деятельности).

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. (В переводе Библии, сделанном в Дуэ, мы читаем: "Блаженны алчущие и жаждущие справедливости, ибо они вволю насытятся"). Правильность или справедливость представлена здесь как нечто, способное насытить. С психологической точки зрения это означает, что объективный, внутренний закон или руководящий принцип доставляет ощущение насыщенности для эго, которое жаждет найти его, т.е. для опустошенности эго, которое не отождествляет свои мнения и суждения субъективным, внутренним законом.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Основной принцип аналитической психологии состоит в том, что бессознательное относится к эго так, как эго относится к бессознательному. Например, если эго проявляет тактичность и доброту по отношению к тени, то и тень помогает эго. Если эго милостиво, оно будет помиловано изнутри. Противоположное следствие имеет следующий вид: "поднявший меч от меча и погибнет".

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. С субъективной точки зрения, чистота или непорочность обозначает состояние эго, при котором оно не осквернено (в результате идентификации) бессознательными содержаниями или мотивациями. Сознательное характеризуется чистотой или ясностью. Эго, сознающее свою нечистоту, чисто, поэтому перед ним открыт путь к восприятию Самости.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Эго выступает в роли посредника между противоборствующими участниками внутриспсихического конфликта. Если эго отождествляет себя с одной из конфликтующих сторон, конфликт не найдет разрешения, способного привести к целостности. Диссоциация принимает необратимый характер. Выступая в роли миротворца, эго действует в интересах всеобщности, Самости, т.е. поступает как "сын Божий".

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. (В переводе Библии, сделанном в Дуэ, сказано "за справедливость"). Чтобы установить связь с объективным, внутренним законом, эго обязано терпеливо сносить боль и страдания, не поддаваясь чувствам горечи и обиды. Такая психологическая установка эго вознаграждается установлением связи с архетипической психикой и ее исцеляющими, животворными образами.

С психологической точки зрения, основная идея Заповедей Блаженства состоит в восхвалении эго, свободного от инфляции. Во времена Иисуса свирепствовали насилие и бессознательная инстинктивность. На первобытном уровне эго без труда отождествляло себя со сверхличностными

энергиями архетипической психики и свидетельствовало о своей инфляции с помощью симптомов гнева, насилия и вождения. Согласно учению Иисуса, эго должно освободиться от таких инфляционных идентификаций, и тогда оно сможет воспринимать сверхличностную психику как нечто отдельное от него.

В этой связи будет уместным упомянуть "кенотическую" теорию воплощения. В сущности, эта теория опирается на два фрагмента из Посланий святого апостола Павла. Самым важным из них является фрагмент из Послания к Филиппийцам (2:5,6,7):

"...Христос Иисус, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек". Второй фрагмент содержится во Втором Послании к Коринфянам (8:9): "Ибо вы знаете, благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою".

В соответствии с учением о кенозисе, воплощение Иисуса было процессом добровольного "истощения", с помощью которого Он совлек с Самого Себя божественные атрибуты вечности и бесконечности, дабы принять облик человеческий. Образ "воплощения через истощение" соответствует процессу развития эго, когда эго постепенно освобождается от своей первоначальной всецельной идентификации с Самостью ради достижения ограниченного, но актуального существования в реальном мире времени и пространства.

Сон одного из пациентов свидетельствует о том, что в современной психике до сих пор еще действует образ кенозиса. Сновидец был мягким, чутким молодым человеком, который испытывал трудности с самоутверждением и формированием индивидуальности. Ему приснился следующий сон:

"Мне приснилось, что я вижу современного Христа. Он ехал в автобусе с группой своих учеников. Затем я почувствовал опасность. Кто-то собирается его предать. Автобус резко покачнулся. На Христа набросились и заставили смириться. Я заглянул в автобус и увидел, что они привязали веревки к каждой его руке и ноге и крепко их натянули, распяв его в четырех направлениях. Я знал, что таким образом они убьют его. Когда я взглянул на него более внимательно, то оказалось, что руки его не были связаны; он держался каждой рукой за перекладину, прикрепленную к веревке. Он содействовал своей смерти! В конце мне приснился образ магнитного силового поля, которое выглядело как эта схема",

Характер этого сновидения указывает на протекание кризисного процесса трансформации. Хотя такое сновидение и не поддается адекватной рациональной интерпретации, тем не менее, его можно подвергнуть амплификации. Крест как силовое поле имеет аналогию на картине XIV века. На этой картине Христос распят на коленях Бога Отца, одеяния которого изображены в виде силовых линий, излучаемых вовне. Таким образом, человеческая фигура крепится к конструкции из четырех элементов с помощью трансцендентного энергетического поля. С точки зрения психологии, это изображение отражает переживание эго вблизи высшей энергии Самости.

Сновидение объединяет идею распятия на кресте с образом расчленения. Такое объединение изображено на гравюре на дереве XIX века (рис. 38). Висящие на кресте отрубленные головы и конечности свидетельствуют о наложении образа распятия на миф о расчленении (например, Озириса). С психологической точки зрения, расчленение можно рассматривать как процесс

трансформации, разделяющий первоначальное бессознательное содержание для сознательного ассимилирования. Иными словами, при расчленении первоначальное единство превращается в множественность ради пространственно-временной реализации существования. (См. анализ единства и множественности в главе VI).

В сновидении фигура Христа подвергается добровольному расчленению или истощению. С точки зрения психологии сновидца, это означает, что идеальная или трансцендентная установка разрушается ради осуществления адаптации к реальной жизни. С архетипической точки зрения, сновидение отображает добровольную жертву Самости как вечный образ, чтобы она смогла проявиться в сознании как энергия (магнитное силовое поле). Единство распадается на две пары полярных противоположностей, которые вызывают напряжение и конфликт, создавая в то же время энергию для реализации реальной жизни.

Существует множество иных аспектов учения Иисуса, пригодных для психологической интерпретации. Я вкратце остановлюсь на некоторых из них:

"Мирись с соперником твоим скорее..." (Матф., 5:25).

"Не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду" (Матф., 5:39-40).

"Любите врагов ваших..." (Матф., 5:44).

Эти отрывки имеют один и тот же смысл. Субъективный анализ этих отрывков позволяет по-новому взглянуть на смысл христианского мифа. Нас учат любить нашего внутреннего врага, мириться с нашим внутренним соперником и не противиться нашему внутреннему злу (низшему, неприемлемому по меркам эго). Разумеется, это не означает, что мы должны отреагировать вовне грубые импульсы. Напротив, здесь речь идет о внутреннем, психологическом признании правомерности существования отвергнутой негативной стороны нашей природы. Мы должны уважительно и великодушно относиться к внутреннему противнику нашей сознательной точки зрения. Тень должна получить признание. И только тогда мы сможем приблизиться к целостности личности.

Этот же смысл имеет и следующая заповедь:

"Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся"

(Матф., 5:42).

Внутренний проситель—это потерянная, забытая часть личности, которую Юнг называет низшей функцией. Она стремится занять свое место в сознании и должна получить то, что просит:

"Когда творишь милостыню, не труби перед собою". (Матф., 6: 2).

"Ты же, когда молишься, ...помолись Отцу твоему, который втайне..."

(Матф., 6:6).

Здесь сказано, что мы не должны идентифицировать себя с добродетельной или благочестивой

персоной. Озабоченность внешним видом или впечатлением, которое производит индивид на других людей, свидетельствует об отсутствии подлинной личности. Форма и внешность пусты; сущность возникает из неповторимого внутреннего переживания индивида:

"Не собирайте себе сокровищ, где моль и ржа истребляют, ...но собирайте себе сокровища на небе..." (Матф., 6:19-20).

Другими словами, не проецируйте психические ценности на внешние предметы. Проецируемые ценности весьма непрочны (моль и ржа). При проецировании какой-либо ценности утрата предмета воспринимается как утрата ценности, носителем которой является данный предмет. Поэтому необходимо прекратить такое проецирование и признать, что ценности возникают изнутри:

"Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить..." (Матф., 6:25). Здесь содержится предостережение от иной проекции. Материальные предметы не обеспечивают психическую жизнь и здоровье. Они необходимы, но они не заключают в себе конечный смысл. Источник психической поддержки необходимо искать внутри:

"Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить" (Матф., 7:1-2).

Здесь ясно сказано, что бессознательное относится к эго так, как эго относится к нему. Потому следует признать неразумным предположение эго о том, что оно вправе решать, что должно или не должно существовать в психическом. Критическое отношение к бессознательному отражает инфляцию эго и неизменно возвращается бумерангом к нему:

"Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями..." (Матф., 7:6).

Здесь сказано о том, что мы должны почитать внутренние ценности и защищать их от нашего пренебрежительного к ним отношения. Но знаем ли мы, что представляет собой истинная ценность? "По плодам их узнаете их" (Матф., 7:16). В этом состоит сущность психологического прагматизма. Ценность определенной концепции или установки определяется по результатам ее воздействия. То, что освобождает созидательную энергию и способствует психическому здоровью, составляет ценность, которую необходимо бережно хранить.

В нескольких евангельских фрагментах подчеркивается особое значение того, что было потеряно. Например, в главе XV Евангелия от Луки упоминаются потерянная овца, потерянная драхма и блудный сын. Эти притчи указывают на особую ценность потерянной или вытесненной части личности. Потерянная часть является самой ценной потому, что она уносит с собой возможность достижения целостности. Для достижения целостности Самости индивид должен придавать особое значение низшей, потерянной для сознательной жизни функции. Последние станут первыми, и, отвергнутый строителями, камень станет краеугольным камнем.

Точно так же, как и в предыдущем случае, особое значение придается и образу ребенка:

"Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное... И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает..." (Матф., 18: 3-5).

"Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царство Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него" (Марк, 10:14,15). Дитя олицетворяет неопытную, недоразвитую сторону личности, нечто свежее, спонтанное и не заостреннее в неподвижных формах. Чтобы войти в Царство Небесное, индивид должен стать как дитя. С психологической точки зрения это означает, что глубокие слои сверхличностной психики достигаются через недифференцированную, младенчески чистую часть личности. Эти фрагменты предостерегают нас от употребления уничижительного прилагательного "детский" по отношению к различным сторонам психики индивида, поскольку образ ребенка содержит высшую психическую ценность. Аналогичную мысль выражает следующая притча: "Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: "приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира; ибо я алкал, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне". Тогда праведники скажут Ему в ответ: "Господи! когда мы видели Тебя алчущим и накормили (и т.д.) ..." И Царь скажет им в ответ: "истинно говорю вам, так как вы сделали одному и сих братьев Моих меньших, то сделали Мне" (Матф., 25:34-40). Царь олицетворяет центральную власть, Самость. Он идентифицирует себя с "меньшими", той стороной личности, которая находится в небрежении и, как считается, не имеет ценности. "Меньшие" алчут и жаждут, олицетворяя нуждающуюся, жаждущую часть нашей личности. Странник указывает на одинокую, непризнанную часть личности. Нагота указывает на уязвимость, незащищенность. Болезнь указывает на нездоровую, патологическую, невротическую часть психики. И последнее: пребывание в темнице указывает на наказание за какое-то нарушение коллективных правил поведения. Все эти аспекты отвергнутой тени отождествляются с "Царем". С психологической точки зрения это означает, что признание тени и сострадание к низшему, внутреннему человеку равнозначны признанию Самости.

Христос преподает и поясняет на примерах метод индивидуации, который требует использования всех сил и возможностей личности. Ничего нельзя утаить. Эту мысль поясняет притча о богатом юноше:

"Иисус сказал ему: "Если хочешь быть совершенным (телеос = полным, развитым, взрослым), пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною" (Матф., 19:21).

Эта же мысль нашла выражение в притчах о Царстве Небесном, которое сравнивается с сокровищем, скрытым в поле, и драгоценной жемчужиной, найдя которую, человек "продает все, что имеет, поле то" или жемчужину (Матф., 13:44) Сокровище олицетворяет Самость, сверхличностный центр психического. Ее можно обнаружить, приложив все усилия. Она стоит всего того, что имеет индивид.

В Евангелии существуют некоторые места, которые создают определенные трудности для психологической интерпретации. Например, в главе V Евангелия от Матфея (29,30) мы читаем:

"Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну". Аналогичные высказывания встречаются в Евангелиях от Матфея (18:8) и Марка (9:43-48).

На первый взгляд, в этих отрывках рекомендуется осуществлять вытеснение и целенаправленное отъединение от "плохих", преступных психических содержаний. Здесь, как мне кажется, необходимо проводить различие между тем, что требуется на одной стадии развития эго, и тем, что требуется на другой стадии. С точки зрения развитого эго, которое стремится достичь целостности и устранить диссоциации, образ отсечения преступных членов следует признать неприемлемым. Тем не менее, этот образ вполне уместен на начальной стадии развития, когда эго в значительной мере остается идентифицированным с Самостью. В этом случае необходимо разрушить, подвергнуть расчленению первоначальную бессознательную целостность. Для того чтобы вся личность не погрузилась в сферу бессознательного (т.е. не была ввержена в геенну), на этой стадии эго необходимо отделить от тени. В отрывке из Евангелия от Матфея правый глаз и правая рука определяются как преступные члены. Эта деталь позволяет нам предложить иную интерпретацию. Правая сторона обычно развита и дифференцирована и поэтому символизирует сознание и волю эго. В таком случае отсечение правой руки наводит на мысль о принесении в жертву сознательной точки зрения и высшей функции, чтобы придать большую реальность низшей функции и бессознательному. При обсуждении Тертулиана и Оригена Юнг истолковывает отсечение следующим образом:

"Психологический процесс развития, который мы называем христианским, привел его (Тертулиана) к жертве, отсечению самой ценной функции, мифической идеи, которая также содержится в великом, достойном подражания символе жертвы Сына Божьего".¹⁷ Несмотря на упомянутые толкования, остается несомненным то, что, с психологической точки зрения, христианство на практике поощряло вытеснение, и некоторые места в Ветхом Завете можно истолковать как рекомендации осуществлять такое вытеснение. При интерпретации этих образов в каждом отдельном случае необходимо учитывать стадию психологического развития конкретного индивида.

3.САМОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ЭГО

Образ Христа дает нам яркую картину самостно ориентированного эго, т.е. индивидуированного эго, которое сознает, что Самость руководит им. Это состояние самостной центрированности нашло отражение в примере, приведенном в Евангелии от Иоанна (8:28,29):

"Ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю;

Пославший Меня есть со Мною; Отец не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно".

Состояние самостного признания возникает во время крещения Христа (рис.39): "...и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: "Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение"" (Матф., 3:16,17). Таким образом, устанавливается связь с его сверхличностным источником, тем источником, который любит и поддерживает его.

Тем не менее, после этого возвышенного откровения наступили события, которые не сулили ничего хорошего. Сошедший с небес "Дух Божий" оказывается отрицательным и превращается в искушителя. "Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола" (Матф., 4:11). С психологической точки зрения, эта последовательность событий соответствует

непреодолимому искушению впасть в инфляцию, которая наступает после раскрытия архетипической психики ("отверзлись небеса"). Эго склоняется к идентификации с вновь обретенной мудростью или энергией и присваивает ее себе для своих нужд. На мотив инфляции указывает высокая гора, на которую возводится Иисус.

В Евангелиях упомянуты три характерных искушения. Вначале искушитель сказал Иисусу: "Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами". Он же сказал ему в ответ: "Написано: *"Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих"* (Матф., 4:3,4). Здесь сказано об искушении впасть в материализм, конкретистское заблуждение, при котором новая энергия применяется на конкретном, физическом уровне. Опасность этого искушения состоит в поиске индивидом максимальной безопасности в физическом благосостоянии или в буквальной, строгой "истине", а не в живом общении с психическим центром бытия.

Второе искушение состоит в предложении броситься вниз с крыла храма: *"И говорил Ему: "Если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: "Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твою". Иисус сказал ему: "Написано также "Не искушай Господа Бога твоего" (Матф., 4:6,7). Здесь искушение состоит в выходе за собственно человеческие пределы ради эффектного зрелища. Ответ указывает на то, что такой поступок бросит вызов Богу, т.е. эго бросит вызов всеобщности, а это предполагает изменение прерогатив и поэтому приводит к роковым последствиям для эго.*

Третье искушение—это искушение властью: *"...опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: "Все это дам Тебе, если падши поклонишься мне". Тогда Иисус говорит ему: "Отойди от Меня, сатана; ибо написано: "Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи"" (Матф., 4:8-10). Бог индивида составляет его высшую ценность. Если индивид превыше всего ценит личную власть, он отдает демонической инфляции почести, которые по праву принадлежат Самости.*

Искушение Христа в яркой форме передает опасности встречи с Самостью. При такой встрече могут иметь место все степени инфляции, вплоть до явного психоза. Ответы Христа дают бесценное указание на то, как необходимо бороться с указанной опасностью. В каждом случае он не высказывает свое мнение, а цитирует святое писание. Это свидетельствует о том, что отразить опасность способна только сверхличностная мудрость. Опираясь на свои личные представления в такой кризисной ситуации, индивид способствует возникновению той инфляции, которой добивается искушитель. С психологической точки зрения это означает, что индивид должен попытаться найти миф или архетипический образ, который отражает его индивидуальную ситуацию. Соответствующий сверхличностный образ обеспечит необходимую ориентацию и защиту от опасности инфляции.

Драма распятия на кресте и события, приведшие к ней, отражают конечные аспекты индивидуации. При соотнесенности с архетипической парадигмой индивидуальные переживания бесчестия, позора и отвергнутости приобретают смысл и величие. Показательной в этом отношении является психологическая установка Христа в саду Гефсиманском: *"Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет"* (Евангелие от Луки, 22:42).

Здесь была приведена классическая формулировка установки эго, которая необходима при

кризисе индивидуации. При такой установке поддержка неизменно приходит из сфер архетипической психики. (Рис.42). Точно так же характерную особенность кризисных этапов индивидуации составляет переживание предательства! мучительная боль которого выразилась в словах: "Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?" (Евангелие от Матфея, 27:46). В такие моменты эго ощущает полное отсутствие утешения и поддержки как изнутри, так и извне. Иссякает вера, основанная на проекциях и бессознательных допущениях. Это состояние знаменует наступление переходного периода. Переживание отчаяния наступает после гибели старой жизненной ориентации и предшествует рождению новой ориентации. Воскресение Христа символизирует рождение более всесторонней личности, которое может привести к сознательному признанию испытания распятием на кресте. Святой Иоанн Креститель описывает эту ситуацию следующим образом:

"В таком случае подобающим будет то, что душа в первую очередь подвергается в пустоту и нищету духа и лишается всякой помощи, утешения и естественного понимания всех вещей—высших и низших. При такой опустошенности она действительно способна стать нищей духом и освободиться от ветхого человека, чтобы жить новой, блаженной жизнью, которая посредством этой ночи (темной ночи души) и отражает состояние единства с Богом".

Распятие на кресте составило кульминацию земной жизни Иисуса. При распятии на кресте происходит слияние Иисуса как эго и Христа как Самости. Человеческое существо (эго) и крест (мандала) становятся едины. Греческий прототип такого единения человека и мандалы представлен в образе Иксиона, привязанного к огненному колесу. Однако здесь заложен совершенно иной смысл. Иксион был привязан к колесу в наказание за свою дерзновенную попытку совратить Геру. Он вовсе не добровольно был привязан к колесу, и его союз с колесом должен был стать вечным. Здесь нельзя сказать, как в случае Христа, "Свершилось!" (Евангелие от Иоанна, 19:30). Миф об Иксионе олицетворяет то, что происходит с эго при приближении к мандале Самости.

Христианский миф относится к более высокому уровню развития эго. Христос является человеком и Богом. Как человек он идет к кресту, испытывая муку, но идет добровольно, воспринимая крестное распятие как часть своей судьбы. Как Бог он добровольно приносит себя в жертву ради человечества. С психологической точки зрения это означает, что распятие эго и Самости происходит одновременно. Пригвожденная и подвешенная (т.е. как бы расчлененная) Самость терпит муку ради временной реализации. Для того чтобы появиться в пространственно-временном мире, она должна примириться с партикуляризацией или воплощением в конечном. Готовность Самости отказаться от вечного, непроявленного состояния и разделить человеческую участь свидетельствует о том, что архетипическая психика склонна спонтанно насыщать и поддерживать эго. В этой связи будет уместным привести следующий отрывок из Второго Послания к Коринфянам (8:9): *"...Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою"*.

С другой стороны, распятие на кресте означает для эго подвешенность между противоположностями, которая вызывает у него ощущение беспомощности. Распятие на кресте признается неохотно, исходя из внутренней необходимости индивидуации (процесса созидания целостности), которая требует полного осознания парадоксальной природы психического. По поводу морального аспекта этого образа Юнг говорит следующее: "Реальность зла и его несовместимость с добром разделяют противоположности и неумолимо приводят к распятию на

кресте и приостановке всякой жизни. Поскольку" по природе своей душа—христианка", этот результат наступает с такой же неизбежностью, как и в жизни Иисуса: все мы должны быть "распяти с Христом", т.е. нам необходимо "застыть" в нравственном страдании, сопоставимом с реальным распятием на кресте". В другом месте Юнг высказывается в более общем виде:

"Все противоположности исходят от Бога, поэтому человек должен смириться с этим бременем; при этом он обнаруживает, что Бог, пребывающий в его "противоположностях", овладел им, сам воплотился в него. Он превратился в сосуд, наполненный божественным конфликтом". Одна из существенных особенностей христианского мифа и учения Иисуса состоит в отношении к слабости и страданию. Происходит настоящая переоценка обычных ценностей. Отвергаются обычные сознательные ценности: сила, власть, полнота и успех. Вместо них особое достоинство приобретают слабость, страдание, нищета и несостоятельность. Эта идея развивается во всех проповедях Иисуса и достигает наивысшего выражения в распятии на кресте, когда Бог подвергается унижительному наказанию и умирает постыдной смертью преступника на кресте. Это было за пределами понимания римлян, для которых высшими ценностями были честь, сила и мужские добродетели. С психологической точки зрения, как мне кажется, здесь происходит столкновение между целями и ценностями двух различных стадий развития эго. Забота о личном достоинстве и силе и презрительное отношение к слабости неизбежны и необходимы на начальных стадиях развития эго. Вообще говоря, для того, чтобы существовать, эго должно научиться отстаивать свои права. Поэтому в психологии молодежи христианский миф занимает незначительное место.

В психологическом отношении христианский миф приобретает особое значение на более поздних стадиях психического развития, когда уже сформируется устойчивое, развитое эго. Действительно, христианский миф дает нам образы и подходы, относящиеся к процессу индивидуации, который, в частности, составляет задачу второй половины жизни. Образ страдающего божества имеет непосредственное отношение к этой стадии развития. Этот символ говорит о том, что переживание страдания, слабости и несостоятельности по праву принадлежит Самости, а не только эго. Общее заблуждение эго состоит в том, что оно берет на себя всю ответственность за свои страдания и неудачи. Такое заблуждение обнаруживается, например, в общем отношении людей к своим собственным слабостям, т.е. в психологической установке стыда и страдания. Индивид лишен возможности самореализации в той мере, в какой он слаб, как и мы все, и в то же время считает постыдным быть слабым. И, тем не менее, рассмотрение переживаний слабости и несостоятельности как проявлений страдающего Бога, который стремится к воплощению, позволяет индивиду совершенно по-новому взглянуть на вещи.

Эти соображения особенно применимы к психологии депрессии. Депрессия означает "придавленность" чрезмерным грузом, грузом ответственности и ожиданий от самого себя. Страдание индивида создает основу для самообвинения, которое может принять почти глобальные масштабы. В один из особенно сильных депрессивных периодов пациентке, подверженной депрессии, приснился следующий сон: (я привожу неполное описание сна): Я вижу грязного старика", который сидит на скамейке, расположенной напротив меня. Он одет в лохмотья и покрыт грязью" Он похож на человеческое отребье ...на нищего с сомнительной репутацией, изгнанного из общества. Он—изгой, "меньший среди нас"". Этот человек говорит: "Они должны принять меры к мелким животным". Тогда я окинула его внимательным взглядом. Он сидел на скамейке, расположенной справа от меня. На его коленях лежали три мертвые крысы и мертвый серый кролик.

Затем я замечаю, что вокруг его головы летает туча комаров. Они покрывают всю его голову, забились в самую голову, в нос и глаза. Вначале это выглядит так, словно голова мужчины окружена ореолом. Вместо того чтобы, как обычно, испугаться и убежать, меня охватывает чувство сострадания к нему. Аналитик говорит: "Это - Христос". Мы решаем позвать кого-нибудь, чтобы помочь ему". Это замечательное сновидение показывает, что христианский миф имеет непосредственное отношение к психике современного человека. Оно вызывает в нашей памяти слова: "Истинно говорю вам: "Так, как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне"" (Евангелие от Матфея, 25:40). Жалкая фигура оборванного грязного нищего с мертвыми животными на коленях ярко передает презируемые, отвергнутые стороны личности сновидицы. Ее сознательное отношение к своей слабой, страдающей стороне отражается в состоянии бродяги. Самым замечательным в этом сновидении является отождествление бродяги с Христом. Это может означать только одно: то, что сновидица считает самым постыдным в себе самой, абсолютно неприемлемым, в действительности составляет высшую ценность, Самого Бога. При правильном подходе такое сновидение может привести индивида к формированию нового отношения к своей слабости, а именно, к признанию существования внутреннего, неполноценного человека как "пути" к Самости.

4. ЧЕЛОВЕК КАК ОБРАЗ БОЖИЙ

Представление о Христе как парадигме эго нашло ясное выражение в апокрифических "Деяниях Иоанна". В главе 95 Иисус говорит своим ученикам: *"Я есть зеркало тому, кто созерцает меня"* Далее, в главе 96, он говорит: *"Созерцай себя во мне ...постигай то, что я делаю, ибо страсть человечества, из-за которой я пострадаю, есть твоя страсть"*.

Если фигура Христа является для эго зеркалом, тогда она, несомненно, отражает парадоксальный двойной образ. Является ли в таком случае эго одновременно и человеком и Богом, и эго и Самостью? Этот вопрос Юнг затрагивает в своих алхимических исследованиях. Он пишет: *"...с помощью символа солнца они (алхимики) устанавливали тесную связь между Богом и эго"*. Отметив, что алхимики занимались бессознательными проекциями, которые являются естественными, неподвластными сознательному уму феноменами, Юнг приходит к заключению, что: *"...природа сама выражает идентичность Бога и эго"*.²⁵ Далее он отмечает: *"Это становится понятным, когда мы сознаем, что миротворчество присуще человеческому сознанию как таковому"*.²⁶

Быть может, эта проблема лежит в основе спора по поводу гомоузии и гомойузии (единосущия и подобосущия Христа с Богом), который состоялся в IV веке. Следует ли считать, что Христос имеет такую же сущность, как Отец, или только подобную сущности Отца? Если отождествить Христа с эго и Отца с Самостью, тогда психологическая проблема приобретает отчетливые очертания. Решение было принято в пользу догмата "единосущия", который с IV века стал в догматике действующим образом. Отсюда следует, что психология западного человека коренится в мифе, который уравнивает человека с Богом, а эго с Самостью.

Эта проблема нашла отражение в идее, что Христос есть образ Божий. В Послании к Колоссянам (1:15) Христос охарактеризован как "образ Бога невидимого". В Послании к Евреям (1: 3) Он назван "образом ипостаси Его". Эта манера говорить напоминает нам Книгу Бытия (1:26), в которой Бог говорит: "Сотворим человека по образу Нашему". Если Христос есть образ Божий, и человек сотворен по образу Божию, тогда Христос отождествляется с человеком. Ориген

разрешает эту проблему, поставив Христа на второе место в тройном ряду Бог—Христос—Человек: "Поэтому мы, будучи сотворены по этому образу, имеем Сына, прототип, как истину прекрасных качеств, существующих в нас. И мы есть для Сына то, что Сын есть для Отца, который есть истина".

Если сформулировать эту идею психологически, тогда можно сделать вывод, что реальное эго устанавливает связь с Самостью только через идеальное эго как парадигматическую модель (Христос), которая связывает два мира—мир сознания и мир архетипической психики—посредством объединения личностного и архетипического факторов.

С этими неоднозначными заключениями мы переходим к самой трудной в аналитической психологии проблеме, а именно, к природе отношений между эго и Самостью. Христианский символизм сделал немало для разъяснения этой проблемы, но, несмотря на все усилия, она остается парадоксом для сознательного понимания. Когда эту проблему удастся осмыслить, тогда "миротворчество становится неотъемлемым свойством человеческого сознания как такового", а термины "эго" и "Самость" рассматриваются как относящиеся к различным уровням переживания одного и того же архетипического психического процесса. Эго является местом пребывания сознания, и если сознание творит мир, тогда эго, стремясь к самореализации, посредством индивидуации, выполняет творческую работу Бога.

ГЛАВА 6. БЫТЬ ИНДИВИДОМ

*Индивид—единственный естественный носитель жизни,
и так обстоит дело везде в природе.*

КГ ЮНГ

1. АПРИОРНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ЭГО

Переживание индивидуальности составляет тайну бытия, которая выходит за пределы дескриптивных возможностей. Каждый человек обладает уникальным переживанием индивидуальности, которое (как таковое) невозможно передать другим. Тем не менее, форма такого переживания имеет всеобщий характер и может быть опознана всеми людьми. Действительно, иногда создается такое впечатление, что цель психического развития индивида состоит в постоянном приближении к осознанию идентичности своей личностной, уникальной индивидуальности и вечного, архетипического индивидуального. Уникальность и всеобщность сливаются воедино, как только индивид решает быть индивидом.

При рассмотрении феномена жизни во всех его наблюдаемых проявлениях мы отмечаем не континуум, а почти бесконечное множество дискретных элементов жизни, которые находятся в состоянии постоянных столкновений и конкуренции друг с другом за пищу, воспроизводство потомства и выживание. Везде—от сложных молекулярных частиц (вирусов) до высших позвоночных—мы обнаруживаем, что носителями жизни служат неделимые элементы, каждый из которых имеет свой, независимый, центр бытия. Это утверждение справедливо и для психической жизни; психика также проявляется через множество уникальных отдельных центров

бытия, каждый из которых является микрокосмом..."абсолютно самобытным центром, в котором само мироздание отражается единственным и неподражаемым образом".

Юнг ставит в центр своей психологии процесс осознания человеком себя как индивида, процесс индивидуации. В "Психологических типах" он определяет индивидуацию следующим образом:

"Вообще говоря, индивидуация составляет процесс формирования и специализации личностной природы; в частности, она представляет собой развитие психологического индивида как существа, отличного от общей, коллективной психологии. Поэтому индивидуация составляет процесс дифференциации, направленный на развитие личности индивида".

В том же месте он дает определение термину "индивид":

*"Психологический индивид характеризуется своей, особенной, а в некоторых отношениях и уникальной психологией. Особенный характер психики индивида проявляется не столько в ее элементах, сколько в ее сложном образовании. Психологический индивид, или индивидуальность, имеет априорное, бессознательное существование, но сознательно он существует лишь в той мере, в какой у него существует сознание своей особенной природы, т.е. в той мере, в какой у него существует сознание своего отличия от других индивидов".*⁴ Здесь необходимо обратить внимание на простое, не требующее доказательств утверждение: "индивидуальность имеет априорное, бессознательное существование". При первом прочтении нередко теряется из вида вся полнота значений этого замечания. Мифологический образ, который говорит об одном и том же, более адекватно передает воздействие своего смысла. В Евангелии от Луки, когда люди возрадовались тому, что имеют власть над демонами, Иисус сказал: "Однако тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что ваши имена написаны на небесах" (курсив автора). Здесь содержится более полный смысл абстрактного утверждения, что индивидуальность имеет априорное бессознательное существование. Имя индивида написано на Небесах! Другими словами, уникальная индивидуальность человека имеет сверхличностное происхождение и оправдание своего бытия. В другой работе Юнг выражает эту мысль несколько иначе:

"Самость, подобно бессознательному, имеет априорное существование, из которого развивается эго. Здесь, так сказать, заключен бессознательный прообраз эго".

Представление о том, что идентичность человека имеет априорное существование, нашла отражение в древней идее, что каждый человек имеет свою индивидуальную звезду, нашего небесного двойника, олицетворяющего его космический аспект и судьбу. У Иисуса была Вифлеемская звезда, яркость которой была сопоставима с величием его судьбы. Вордсворт выражает аналогичный образ в следующих строках:

Душа, появляющаяся с нами, звезда нашей жизни Обитает в иных местах И пришла издалека...

Образ звезды как сверхличностного центра идентичности фигурировал в сновидении женщины. Этот сон приснился ей после важного осознания того, что она принадлежит себе, а не мужу:

"Я находилась во дворе и увидела, как падает звезда... Но она не исчезла. Она несколько раз вспыхнула и застыла на месте, оставаясь яркой и круглой. Она находилась намного ближе ко мне, чем другие звезды. Она была желто-оранжевой, как солнце, но меньше, чем наше солнце. Я подумала: "Я видела рождение новой звезды".

"Одеяние Славы", упомянутое в гностическом "Гимне Жемчужине", служит еще одним символом трансцендентального центра индивидуальности. Спаситель оставляет дома Одеяние Славы, когда нисходит во мрак египетский. Но когда он возвращается в свой небесный дом после выполнения задания, его встречает Одеяние Славы. В тексте говорится следующее: "С тех пор как я, будучи ребенком в доме Отца Моего, оставил одеяние славы, я забыл о его великолепии. Теперь, когда я созерцал одеяние, мне неожиданно показалось, что оно превратилось в зеркальный образ меня самого: я видел в нем всего себя, и всего его я видел в себе так, что мы составляли два в отдельности и, в то же время, одно в сходстве наших форм...".

В замечательном комментарии к этому образу Джонас говорит: "Он символизирует небесную или алчущую сущность человека, его первоначальную идею, двойника или второе я, оставшееся в высшем мире, когда он отправился вниз".

Необходимо отметить еще один важный момент, а именно, ясное различие, которое Юнг проводит в своем определении между сознательной индивидуальностью и бессознательной индивидуальностью. Процесс достижения сознательной индивидуальности—это процесс индивидуации, который приводит человека к осознанию, что его имя записано на небесах. Бессознательная индивидуальность проявляется в компульсивных влечениях к наслаждению и власти и в защитных реакциях эго. Описание этих феноменов обычно осуществляется с помощью таких негативно окрашенных слов, как эгоистичный, эгоцентричный и автоэротичный. Употребление негативных терминов имеет под собой основание, поскольку такое поведение производит неприятное впечатление на других людей. И, тем не менее, отношение, передаваемое с помощью негативных слов, способно оказывать травмирующее воздействие на индивида, когда он употребляет их по отношению к себе. При употреблении уничижительных слов терапевтом они способны лишь подкрепить уничижительное отношение пациента к бессознательному и своей потенциальной целостности. Дело в том, что в проявлениях бессознательной индивидуальности скрывается высшая ценность, которая ожидает спасения от сознания. Мы никогда не получим философский камень, отказавшись от первичной материи.

Эта идея несколько иначе выражена в следующем отрывке: "...символизм мандалы имеет ясно выраженную тенденцию к сосредоточению всех архетипов в общем центре; она сопоставима с отношениями всех сознательных содержаний к эго... Мандалу, вероятно, можно рассматривать как отражение эгоцентрической природы сознания, хотя эта точка зрения будет иметь под собой основание только тогда, когда удастся доказать, что бессознательное составляет вторичный феномен. Но бессознательное, несомненно, имеет более древнее происхождение, чем сознание, и поэтому эгоцентризм сознания вполне можно назвать отражением или имитацией "самостной центрированности бессознательного".

К этой формулировке мы могли бы добавить, что если эгоцентризм заключается в подражании эго Самости, тогда с помощью сознательного примирения с этой тенденцией эго осознает предмет своего подражания, а именно, сверхличностный центр и единство индивидуальности, Самость.

По моему мнению, в основе почти всех психологических проблем лежит неудовлетворительное отношение человека к своему влечению к индивидуальности. Процесс исцеления предполагает признание правомерности существования того, что обычно называют эгоистическим, тщеславным или автоэротическим. Во время психотерапевтических занятий большинству пациентов необходимо научиться более эффективно использовать свой эгоизм и личную власть; им следует брать на себя ответственность за то, что они являются средоточием власти и эффективной

деятельности. Так называемое эгоистическое или эгоцентричное поведение, выражающееся в предъявлении требований к другим людям, не имеет ничего общего с эффективной самостной центрированностью или сознательной индивидуальностью. Мы требуем от других только то, что мы не даем себе. При отсутствии достаточного себялюбия или чувства достоинства наша потребность бессознательно проявляется в тактике принуждения по отношению к другим. Принуждение нередко скрывается за маской добродетели, любви и альтруизма. Такое себялюбие характеризуется бесплодностью и деструктивностью по отношению к себе и другим. Себялюбие не достигает своей цели, потому что слепо и не сознает себя. Себялюбие необходимо не искоренять, что невозможно, а сочетать его с сознательностью, обеспечивая, таким образом, его эффективность. Все факты биологии и психологии свидетельствуют о том, что каждый отдельный элемент жизни проникнут себялюбием до своих глубин. Единственным переменным фактором является лишь степень сознательности, которая сопутствует этому явлению.

Широко распространенное употребление фрейдистского термина "нарциссизм" служит прекрасным примером неправильного понимания себялюбия. Миф о Нарциссе предполагает нечто совершенно отличное от избытка себялюбия. Нарцисс был юношей, который отверг всех, домогавшихся его любви. В отместку Немезида устроила так, что он влюбился в свое отражение в воде пруда и умер в отчаянии от невозможности обладать предметом своей любви.

Нарцисс олицетворяет отчужденное эго, которое не способно любить т.е. проявить интерес к жизни и направить поток либидо на нее, поскольку оно еще не установило связь с собой. Любовь к своему отраженному образу может означать только одно, а именно: индивид еще не владеет собой. Нарцисс стремится соединиться с собой именно потому, что он отчужден от своего бытия. С замечательной ясностью эту мысль выразил Платон в "Диалогах": мы любим и тоскуем о том, чего нам не хватает. Таким образом, в своем первоначальном мифологическом значении нарциссизм предполагал не бесполезный избыток себялюбия, а нечто противоположное. Решение проблемы Нарцисса состоит в осуществлении любви к себе, а не и отречении от нее. Здесь имеет место общая ошибка морализирующего эго, которое старается создать любящую личность посредством искоренения себялюбия. Эта глубокая психологическая ошибка способна лишь вызвать расщепление в психике. Осуществление себялюбия составляет предвари тельное условие возникновения подлинной любви к любому объекту и формирования потока психической энергии вообще.

В случае Нарцисса осуществление себялюбия или соединения с глубинным образом требует нисхождения в сферу бессознательного, некуа, или символической смерти. Существуют другие детали, которые указывают на более глубокий смысл мифа о Нарциссе. После смерти Нарцисс превратился в цветок под названием нарцисс. Название цветка означает "цветок смерти" и происходит от слова *наркао*, т.е. оцепеневший или мертвый. Нарцисс был священным цветком Гадеса и открывал двери в его подземное царство. Стоило Персефоне сорвать нарцисс, как тотчас разверзлась земля и появился Гадес, чтобы похитить ее. Эти рассуждения неизбежно приводят к заключению, что нарциссизм, по крайней мере, в его первоначальном мифологическом значении, означает путь в сферу бессознательного, куда человек должен отправиться в поисках индивидуальности.

Иной смысл мифа о Нарциссе и темы любви к своему отражению позволяет выявить аналогичный образ, который можно обнаружить в орфическом толковании легенды о Дионисе. В ней говорится о том, что когда младенец Дионис был разорван на части титанами, он играл с различными

предметами, к числу которых относилось и зеркало. Согласно Проклу, зеркало истолковывалось в том смысле, что Дионис увидел свой образ в материи и устремился к нему. Он (подобно Нарциссу) устремился к самореализации. Таким образом, он оказался во власти материи (воплотился) и был расчленен титанами. С психологической точки зрения эта мифологема соотносится с начальной стадией развития, когда первозданное но, сохраняя свою идентифицированность с первоначальной бессознательной всеобщностью, начинает действовать в пространственно-временной реальности (соблазняется материей). Но реальность враждебно относится к инфляционному состоянию бессознательной всеобщности (идентичности эго и Самости) и расчленяет ее. Дальнейшие стадии развития приводят к воспоминанию.

Субъективное переживание индивидуальности составляет глубокую тайну, которую невозможно постигнуть на рациональном уровне. Тем не менее, некоторые из ее смысловых значений можно исследовать с помощью символических образов, которые имеют непосредственное отношение к этому переживанию. Начнем с рассмотрения этимологических данных. Этимология составляет бессознательную часть языка, поэтому ее можно использовать в психологических исследованиях. Слово индивидуальное происходит от двух латинских корней: *in*=не, и *dividere*=делить. Отсюда основное значение слова "индивидуальное"—нечто неделимое. Это значение соответствует первичности переживания индивидуальности, которую невозможно проанализировать или свести к более простым элементам.

Интересно отметить, что такое фундаментальное понятие, как "индивидуальное", необходимо выражать с помощью отрицания того, чем оно не является, т.е. с помощью неделимого. Так же обстоит дело и со словом *atom*, обозначающим основной элемент материи (это слово происходит от греческого *a* = не, и *torn* от слова *temnein* = разрезать, разделять). Этот феномен наблюдается и в словах *integer* и *integrate* (от латинского *in* = не, и *tag*, составляющего основу слова *tangere* - касаться). При попытке описать такую реальность, как индивидуальность, нам, по-видимому, необходимо прибегнуть к той методике, которая применяется для описания божества. Поскольку эта реальность выходит за пределы наших категорий сознательного понимания, нам остается лишь описывать ее с помощью того, чем она не является, т.е. путем отрицания (*via negativa*).

Слово индивидуальное этимологически связано со словом *widow* (вдова). По мнению Спита, слово вдова (*widow*, латинское *vidua*) происходит от утраченного глагола *indere*, расставаться. Юнг показал, что образы вдовы и сироты составляют неотъемлемую часть процесса индивидуации. В этой связи он приводит слова блаженного Августина: *"Вся церковь—это вдова, покинутая всеми в этом мире"*. К этим словам Юнг добавляет: *"Так и наша душа "покинута всеми в этом мире"*. Далее блаженный Августин говорит: *"Но ты не сирота, ты не считаешься вдовой... У тебя есть друг. Ты Божий сирота, Божия вдова"*. В одном из манихейских трактатов Иисус назван сыном вдовы". Вдова обозначает ту, с которой расстались. Следовательно, до наступления вдовства человек еще не является индивидом, неделимым, ему предстоит пройти процесс расставания. Символизм говорит нам о том, что вдовство составляет некоторое переживание на пути к реализации индивидуальности, которая проистекает из этого переживания. Это может означать только одно: человек должен расстаться с тем, от чего он зависит, но чем он не является, прежде чем он осознает то, чем он является - уникальным и неделимым. Необходимо разрушить проекцию зависимости. Аналогичные выводы можно применить и к образу сироты, который для алхимиков служил синонимом "философского камня". Осиротеть означает утрату родительской поддержки и разрушение родительских проекций; она также составляет предварительное условие сознательного переживания индивидуальности. Как отмечает блаженный Августин,

вдовство или сиротство позволяют человеку установить связь с Богом (Самостью).

2. МОНАДА И МОНОГЕНЕЗ

В философских рассуждениях древних философов о Едином или Монаде можно обнаружить немало материалов, которые имеют непосредственное отношение к переживанию индивидуальности. Древние философы усматривали тайну индивидуальности в философских, космологических проекциях. Действительно, их размышления о Монаде или Едином, которые лежат в основе всех феноменов, составляют проекцию внутреннего психологического состояния, при котором человек ощущает себя индивидом. Например, в рассуждениях пифагорейцев Монада как образ занимала значительное место. По мнению пифагорейцев, Монада олицетворяет творческий принцип, который упорядочивает бесконечное, налагая на него определенные ограничения. В таких случаях пифагорейцы говорили, что "когда Монада возникла, она ограничила ближайшую часть безграничного". Кроме того, Монада отождествлялась с центральным Творческим Огнем, который был источником творения и управления. Этот центральный огонь имеет несколько интересных названий. Его называют "Башней Зевса", "Краеугольным Помещением Зевса", "Очагом Мира", "Алтарем, связью и мерой природы".

Этот отрывок говорит нам о том, что принцип индивидуальности есть сам творческий принцип, и что из него проистекает весь порядок, который греки называли космосом. Кроме того, Монада отождествлялась с огнем. Такое отождествление напоминает нам алхимический символизм, в котором точка (вариант Монады) отождествлялась с искрой, частицей (иста и огня).²⁰ Отсюда можно заключить, что принцип индивидуальности и лужит источником как сознания (света), так и энергии (огня).

Монада занимает видное место в гностической теории. Говоря о гно-и гиках, Ипполит пишет:

"Для них начало всех вещей есть Монада, нерожденная, неуничтожимая, непостижимая, создательница и причина всех создаваемых вещей. Эту Монаду они называют Отцом".

В старинной Рукописи Брюса содержится следующее описание Монады: *"Она ...есть Истина, которая охватывает их всех (двенадцать Глубин) ...она есть Истина Всего; она есть Мать всех Эонов; она есть то, что охватывает все Глубины. Она есть Монада, непостижимая и непознаваемая; она есть то, что не имеет Печати ...в чем содержатся все Печати; она есть вечная благодать. Она есть вечный Отец; невообразимый, немислимый, непостижимый, непревзойденный Отец..."*

Образ гностической Монады подчеркивает непостижимую тайну индивидуальности. Он не допускает рационального толкования, но в яркой форме передает ощущение того, что индивид является носителем трудной для понимания тайны. В настоящее время ощущается острый дефицит таких образов, поскольку наша современная культура располагает весьма ограниченными возможностями для оправдания и обоснования индивидуального как такового.

Этот же образ используется и в работах Платона. В "Пармениде" приводится пространное обсуждение природы Единого. Этот диалог представляет значительные трудности для рационального понимания; придти к каким-либо заключениям относительно Единого можно только через парадоксы. Приведем некоторые из этих заключений: "...единое не находится ни в

покое, ни в движении", "...единое ...всегда должно находиться как в движении, так и в покое" .

"...единое не имеет отношения к времени и не занимает никакого отрезка времени" "...если единое существует, оно существует во времени", "...единое осязает и не осязает как себя, так и других". "...единое существует и становится старше и моложе себя самого". "...единое не существует и не становится старше или моложе себя самого".

"...если существует единое, тогда оно есть все вещи и никакие вещи...".

Перечень противоречий можно было бы продолжить, но и приведенных здесь противоречий достаточно для наших задач. Даже философам трудно разобраться в этом диалоге. Я отношусь к нему как к сложному философскому коану, который ставит в тупик рациональные способности, чтобы открыть путь к непосредственному субъективному переживанию состояния, при котором человек воспринимает себя как индивида. Платон показывает, что Единое невозможно постигнуть с помощью логики или сознательных категорий времени, пространства и причинности. Единое невозможно постигнуть с помощью логики потому, что логика приводит к противоречиям. Единое причастно и не причастно времени, пространству и причинности. Такие заключения, разумеется, не имеют смысла для философа с рациональной ориентацией. Тем не менее, мы можем рассматривать их как довольно точное описание некоторой эмпирической, психологической реальности, реальности индивидуальности. Если считать, что переживание индивидуальности имеет два центра, эго и Самость, тогда упомянутые противоречия займут свое место. Эго олицетворяет некоторое воплощение, сущность, которая участвует в событиях изменчивого мира времени, пространства и причинности. Самость, как центр архетипической психики, пребывает в ином мире, который находится за пределами сознания и конкретизирующих форм эго восприятия. Эго составляет центр субъективной идентичности, а Самость—центр объективной идентичности. Эго живет на земле, но имя Самости написано на небесах. Эта же психологическая реальность нашла отражение в мифе о братьях Диоскурах; один сын Зевса Кастор смертен, а другой, Поллукс, бессмертен, неподвластен пространству и времени.

Образу Монады достаточно много внимания уделяет Плотин, неоплатоник, живший в III веке н. э. В "Эннеадах"²⁴ он высказывает немало прекрасных и глубоких мыслей о Едином, которые, несомненно, проистекают из его внутренних переживаний:

"Все существа являются существами только благодаря Единому ...ибо, что могло бы существовать, если бы не было единого? Если нет единого, то нет и вещи. Ни армия, ни хор, ни толпа не могли бы существовать, если бы не были едиными... Так же обстоит дело и с телами животных и растений; каждый из них составляет единство... Здоровье зависит от координации тела в единстве; красота зависит от того, насколько Единое управляет частями; добродетель души зависит от объединения в одну единственную согласованность".

Трудно найти более удачное выражение, чем это, для первостепенной важности принципа индивидуальности. Если понимать этот отрывок в строго философском смысле, тогда он показывает, что подлинное бытие имеет место тогда, когда мы живем и говорим, исходя из единой, уникальной индивидуальности. Разумеется, об этом легко говорить, но чрезвычайно трудно пережить в действительности. Приведем еще одну цитату из "Эннеад":

"Когда Единый порождает все вещи, он не может быть ни одной из них— ни вещью, ни качеством, ни количеством, ни разумом, ни душой. Он не пребывает ни в движении, ни в покое,

ни в пространстве, ни во времени, он есть "в-себе-единообразное", или скорее "бесформенное", предшествующее форме, движению и покою, которые составляют характеристики Бытия и делают Бытие множественным". В приведенном фрагменте содержится один момент, понимание которого совершенно необходимо для психологического развития, поскольку он нередко встречается в психотерапевтической практике. "Когда Единый порождает все вещи, он не может быть ни одной из них..." Это означает, что было бы заблуждением отождествлять нашу индивидуальность с каким-либо из наших дарований, функций или особенностей. Но именно это мы очень часто делаем. Если человек чувствует себя неполноценным или подавленным в присутствии людей, которые обладают более высоким умственным развитием, прочитали больше книг, больше путешествовали, более знамениты, более искусны или лучше разбираются в искусстве, музыке, политике или иной сфере человеческой деятельности, тогда этот человек совершает ошибку, отождествляя одну из своих особенностей или функций со своей существенной индивидуальностью. Он чувствует себя неполноценным, потому что одна из его способностей имеет более низкое достоинство, чем способность другого человека. Затем чувство неполноценности приводит индивида либо к депрессивному замыканию в себе, либо к защитному, конкурентному стремлению доказать, что он не является неполноценным. Если такой человек способен осознать, что его индивидуальность и личное достоинство находятся за пределами конкретных проявлений, тогда достоинства других людей больше не представляют опасности для его чувства безопасности. Это врожденное чувство достоинства предшествует деяниям и достижениям и не зависит от них; оно составляет то бесценное наследие, которое оставляет в психике переживание искренней родительской любви. При отсутствии такого переживания индивид должен прилежно искать в глубинах бессознательного его внутренний эквивалент, Монаду, которую нередко символизирует мандала. Это переживание вызывает у индивида ощущение обладания сверхличностной основой для своего существования и позволяет ему по-настоящему чувствовать, что он имеет право существовать таким, как он есть в действительности. Теологическим эквивалентом такого переживания является оправдание перед Богом.

Приведем еще одну цитату из "Эннеад" Плотина: *"Должно существовать нечто вполне самодостаточное. Таким вполне самодостаточным является Единый; он один не испытывает нужды ни во внешнем, ни во внутреннем. Он не нуждается ни в чем за своими пределами ни для существования, ни для достижения благополучия, ни для поддержки существования"*.

Этот отрывок напоминает нам приведенное в работе Нойманна описание уробороса, образа змея, пожирающего свой хвост. Его исследование имеет непосредственное отношение к нашему предмету, хотя Ной-манн ограничивается рассмотрением инфантильных проявлений уробороса. Но этот образ активно действует и обеспечивает поддержку на всех стадиях психического развития. Психическая реальность, на которую указывает этот образ, служит противовесом от всех фрустраций, порождаемых зависимостью от внешних объектов и людей. Осознание индивидуальности предполагает понимание того, что индивид имеет все, что ему нужно. Кроме того, такое осознание предполагает, что индивиду нужно все то, что он имеет, а это означает, что каждое психическое содержание и событие имеют смысл. Эта мысль содержится в следующей цитате из работы Плотина:

"Те, кто считает, что миром бытия правит судьба или случай, и что он зависит от материальных причин, весьма далеки от божества и понятия о Едином".

Установление связи с индивидуальностью предполагает признание того, что все внутреннее

составляет значительные и значимые аспекты единого целого. И, тем не менее, мы так легко и так часто прибегаем к ленивой тактике уклонения от реальной встречи с какой-либо из наших особенностей, говоря: "Но я не это имел в виду", "Я просто забыл", "Это была всего лишь оговорка". Тот, кто был инициирован в индивидуальность, не способен расстаться с ней. Инициированные в индивидуальность знают, что ни одно психическое событие не бывает случайным. В значимом мире психического нет места для случая.

Плотин резюмирует сказанное в следующем фрагменте: *"Поскольку Единый не содержит различий, он всегда присутствует, и мы существуем для него, когда освобождаемся от различий. Единый не стремится к нам, чтобы двигаться вокруг нас; мы стремимся к нему, чтобы двигаться вокруг него. В действительности мы всегда движемся вокруг него; но мы не всегда бросаем взгляд на него. Мы подобны певцам хора, которые расположились вокруг дирижера и позволяют слушателям отвлекать их внимание от него. Если бы они обратили внимание на дирижера, тогда они пели бы так, как они должны петь, и действительно находились бы с ним в согласии. Мы всегда находимся рядом с Единым. Если бы это было не так, мы распались бы на части и прекратили бы свое существование. И, тем не менее, наш взор не покоится на Едином. Когда мы смотрим на него, мы достигаем цели наших желаний и обретаем покой. Тогда исчезают все разногласия, и мы с вдохновением танцуем вокруг него.*

При таком танце душа взирает на источник жизни, разума, бытия, добра, сущность души.

Все эти сущности эмануруют из Единого без убыли для него, ибо он не есть материальная масса. Если бы это было так, тогда все эманации были бы смертны. Но они вечны, потому что принцип их рождения всегда остается неизменным; не разваливаясь на части при их порождении, он остается целым. Поэтому и они продолжают существовать, подобно тому, как свет продолжает существовать, пока сияет солнце".

Прежде чем расстаться с Плотиной, я хотел бы упомянуть еще одну его теорию, которая имеет непосредственное отношение к теме данной главы. Она содержится в седьмом трактате пятой "Эннеады" под заголовком "Существует ли Идеальный Архетип Отдельных Существ?" Другими словами, имеет ли индивид вечную форму (или платоновскую идею) в качестве трансцендентальной основы своей личной идентичности? Плотин дал на этот вопрос утвердительный ответ и таким образом, наряду с другими мистическими и спекулятивными философами, предсказал сделанное Юнгом эмпирическое открытие Самости.

Мы завершим наше исследование образа Монады, обратившись к современности и "Монадологии" Лейбница. Рассуждая о беззаконных монадах, он говорит: "Монады не имеют окон, через которые что-либо могло бы входить в них или выходить" (Монадология, 7). В наше время эту мысль выражает Ф. Бредли. Он пишет: *"Мои ощущения имеют для меня не менее личный характер, чем мои чувства или мысли. В каждом из этих случаев мое переживание не выходит за пределы моей сферы, закрытой для внешнего; каждая сфера имеет одинаковые элементы и, несмотря на это, остается непроницаемой для других окружающих ее сфер... Короче говоря, если рассматривать весь мир, существующий для каждого, как некое живое существо, появляющееся в душе, тогда данная душа воспринимает его как нечто личное и особенное".*

Эта идея передает одну из истин о жизни как переживании индивидов. Каждый из нас обитает в своем отдельном мире и не имеет возможности узнать, как он соотносится с мирами других

людей. Разумеется, у нас есть язык, но даже язык, как мне кажется, в большей мере относится к сфере личного и личностного опыта, чем мы сознаем. Это утверждение справедливо для искусства, музыки и внешнего мира объектов. Я знаю, как я воспринимаю эти вещи, но как я могу узнать, соответствует ли мое восприятие восприятию другого человека? Например, я составил определенное представление о комнате и предметах, которые в ней находятся. Как я могу узнать, что каждый человек имеет такое же представление? Разумеется, все мы можем договориться о словесном описании комнаты и предметов, которые находятся в ней. Но для каждого из нас слова имеют различные субъективные соотношенности. Поэтому мы не можем заглянуть в мир другого человека, чтобы сделать сопоставления.

Мир не существует, пока существует сознание, способное его воспринимать. Отсюда следует, что существует столько миров, сколько существует центров сознания, причем каждый из них отделен, полон и герметически закрыт от всех остальных. Быть может, такая точка зрения представляется крайней, но я убежден, что реальность станет очевидной, как только исчезнут некоторые бессознательные допущения и идентификации. Но как же быть с бесспорными переживаниями человеческой солидарности, эмпатии, понимания и любви? Как нам быть с самим психотерапевтическим процессом, который требует, чтобы аналитик и его пациент оказывали воздействие друг на друга? Если у нас действительно нет окон, тогда как могут иметь место такие явления? Во-первых, мы должны отказаться от всех поверхностных отношений, которые в действительности опираются на проекцию и бессознательную идентификацию. В таких случаях индивид заблуждается относительно знания другого человека и своего отношения к нему. Отказавшись от проективных феноменов, составляющих подавляющее большинство того, что принято называть любовью или родственными отношениями, мы сохраняем только одно переживание, которое мы, несомненно, разделяем со всеми другими людьми; это переживание позволяет нам обладать пониманием и испытывать объективную любовь. При таком переживании человек ощущает себя "беззаконной Монадой", одиноким обитателем герметически закрытого мира. В этом отношении все мы находимся в одной лодке. Поскольку это переживание составляет основную, существенную особенность человеческого существования, то чем мы делимся друг с другом, имеет первостепенное значение и создает достаточно прочную основу для всей заключенной в нас любви и для всего понимания. Следовательно, мы беззаконны только по отношению к особенностям нашей личной жизни, наших суждений и восприятий. Но мы вступаем в объективные отношения сочувствия к другим в той мере, в какой мы устанавливаем существенную связь с индивидуальностью в целом. Вкратце эту мысль можно выразить следующим образом: если эго не имеет окон, то Самость представляет собой окно, которое выходит на другие миры бытия.

Существует еще один образ, имеющий непосредственное отношение к предмету нашего исследования. Он тесно связан с образом Монады, хотя и имеет свои отличительные особенности. Я имею в виду Моногенез. Если Монада есть нерожденное, то Моногенез есть однородное. Наиболее известное упоминание об этом образе содержится в символе веры, где Христос назван однородным. Этот термин употребляет Платон, описывая космогонию в "Тимее".

"Тогда для того, чтобы мир был единственным, подобно совершенному Животному, создатель создал не два мира или бесконечное множество миров, но существует и будет существовать один единокорожденный..."

(Тимей, 31).

Согласно космогонической теории святого .Валентина, вначале был Непостижимый, Отец Всего, называемый Бифосом; из него эманировал Мировой Разум (Нус), который также называется Моногенезом, и он, *"как говорят, "равен и подобен" тому, из кого он эманировал..."*

Здесь представлены три варианта одного, основного образа: христианский, платонический и гностический. В каждом случае едиnorodный создается, рождается или эмануруется из первоначального, нерожденного Единого. Если эти образы рассматривать в качестве проецируемой психологии, тогда едиnorodный, эманурующий из нерожденного, соотносится с эмпирическим эго, которое возникает из первоначальной, априорной Самости. Эго едиnorodно; существует только одно эго, и оно не имеет родных братьев, кроме как в патологических случаях расщепления личности. Таким образом, быть индивидом значит испытывать то, что испытывает единственный ребенок. Это переживание имеет два аспекта: позитивный и отрицательный. Позитивный аспект отражает состояние любимца, у которого нет соперников, с которыми необходимо соперничать за проявление по отношению к себе внимания, интереса и любви. Негативный аспект состояния единственного ребенка состоит в его одиночестве.

Приведенные соображения относятся к переживанию индивидуальности. Быть индивидом значит быть особенным, быть любимым, и в то же время быть одиноким. Первым на психологию единственного ребенка обратил внимание Альфред Адлер, особо подчеркнув ожидания и притязания единственного ребенка на роль центра всех вещей, особенного существа. Это и есть эгоцентризм, или центрированность на себе, на которых мы уже останавливались в предыдущем разделе. Единственный ребенок особенно уязвим для идентификации с Моногенезом, поскольку его ранние восприятия жизни конкретизируют этот образ; он действительно едиnorodный. Для дальнейшего психологического развития он должен пройти болезненный этап познания, что он вовсе не представляет собой нечто особенное по отношению к внешнему миру. И, тем не менее, с внутренней, психологической точки зрения, переживание особенности сохраняет значимость, поскольку оно отражает природу индивидуальности как таковой.

Другой аспект состояния единственного ребенка составляет одиночество, и оно также составляет критический этап процесса осознания индивидуальности. Одиночество является предвестником позитивного восприятия уединенности. Можно утверждать, что уединенность отражает реальность индивидуального существования, тогда как переживание одиночества представляет для эго, которое не желает или не способно смириться с ним, первое болезненное вторжение этой реальности в сфере сознания. Одиночество ищет отвлечения или духовной близости, чтобы забыть тревожную реальность индивидуальности. Быть индивидом значит быть не только особенным любимцем, но и одиноким. Если вместо предания забвению обратиться к рассмотрению одиночества, такое рассмотрение может привести к творческому признанию реальности уединенности.

Уединенность индивидуальности олицетворяет отшельник, монах, пустынный. Недавно было найдено гностическое Евангелие под названием Евангелие от Фомы, в котором содержится несколько замечательных высказываний Иисуса, который говорит об "одиноких" или "отшельниках". В греческом тексте употребляется слово *monachoi*, которое также можно было бы перевести как "единых":

Иисус говорит: *"Блаженны одинокие и избранные, ибо вы найдете Царство! Поскольку вы вышли из него, то и вновь возвратитесь к нему".³⁴ 65. "...Я (Иисус) говорю так: "Когда (человек) узнает, что он одинок, он наполнится светом; но когда он узнает, что он разделен в себе, он*

наполнится тьмой".

Иисус говорит: "Многие стоят снаружи, у двери, но только одинокие войдут в брачный покой".

3. ЕДИНСТВО И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

Если единство, неделимость и одиночество являются признаками индивидуальности, то множественность и рассеяние составляют ее противоположности. Примером такого противопоставления служит традиционная философская проблема единого и множественного. Мы уже убедились, что миф о Нарциссе можно рассматривать как отражение процесса, который разрушает первоначальное бессознательное единство и подвергает его расчленению и рассеянию. Эту стадию можно было бы назвать аналитической стадией развивающегося сознания. Но после состояния психической фрагментированности наступает стадия объединения или синтеза. В гностической литературе существует немало примеров образа объединения того, что было разбросано или рассеяно "Например, в Евангелии от Фомы, цитаты из которого приводит Епифаний, содержится следующий отрывок

"Я стояла на высокой горе и увидела громадного Человека и другого, карлика, и услышала громоподобный голос, и поднялась выше, чтобы расслышать его; заговорив со мной, он сказал: "Я есть ты и ты есть я; и где будешь ты, там буду и я, ибо я рассеян (разбросан) во всем; когда ты пожелаешь, ты соберешь меня, и, собирая Меня, ты будешь собирать Себя".

Огромный человек и карлик относятся к теме "большого, чем больший, и меньшего, чем меньший", характеризующей состояние, в котором человек ощущает себя индивидом. Индивид есть ничто с коллективной, статистической точки зрения, но он есть все с внутренней точки зрения. Огромный человек одновременно и велик и мал. Он—Антропос, Первоначальная Монада, которая подверглась рассеянию в процессе воплощения эго. Адаптация к реальному миру множественности требует внимательного отношения к частностям, которые подвергают первоначальное состояние единства фрагментированию. В нашем тексте рекомендуется собрать воедино разбросанные фрагменты.

Епифаний приводит отрывок из Евангелия от Филиппа, в котором душа оправдывается, восходя к небесному миру:

"Я распознала себя и собрала себя воедино со всех сторон. Я не оставила детей Правителю (Господину мира сего), но вырвала его корни; я собрала воедино свои члены, которые были далеко разбросаны, и теперь я знаю, кто ты есть"

Теологический вариант этого образа можно найти у Блаженного Августина:

"Поскольку через прегрешение безбожия мы отступили и отпали от единого истинного и высшего Бога и распались на множество, раскалываемое на множество и рассеяемое на множество, было необходимо, чтобы множество объединилось, требуя пришествия Единого (Христа), и, оправдавшись в справедливости Единого, стало Единым" Эта же идея нашла замечательное психологическое выражение у Оригена:

"Существовал единый человек Будучи все еще грешниками, мы не можем удостоиться такой похвалы, ибо каждый из нас не един, но множественен... Взгляни на того, кто считает себя

единым. Но он не един, ибо имеет столько личностей, сколько у него бывает настроений..."

Разбросанность или множественность как психологическое состояние может рассматриваться либо с внутренней, либо с внешней точки зрения. С внутренней точки зрения, множественность представляет собой состояние внутренней фрагментированности, включающее в себя ряд относительно независимых комплексов, которые при соприкосновении с эго вызывают изменения в настроении и установке, побуждая индивида осознать, что он не единственен, а множественен. С внешней точки зрения, множественность проявляется посредством экстериоризации или проецирования частей индивидуальной психики во внешний мир. Находясь в таком состоянии, индивид обнаруживает, что его друзья, враги, надежды, страхи, источники поддержки и угрозы потерпеть неудачу конкретизируются во внешних людях, объектах и событиях. Состояние разбросанности исключает возможность переживания существенной индивидуальности. Индивид находится в плену у "десяти тысяч вещей".

Внутренний и внешний аспекты составляют лишь две точки зрения на одну и ту же реальность. С любой точки зрения необходим процесс собирания. Этот процесс занимает большую часть личностного анализа. Анализируемый должен непрестанно говорить и определять ("я есть это"), с чем он имеет дело—с образом сновидения или с аффективно окрашенной проекцией. Процесс собирания своего существа или, лучше сказать, самовосстановления предполагает признание правомерности существования всех аспектов своей сущности, оставшихся без внимания в процессе развития эго. В процессе реализации постепенно пробуждается сознание, что за видимой множественностью существует единство и что именно это, пред-существующее единство мотивировало постановку трудной задачи собирания своего существа.

Теперь мы обратимся к современному сновидению, которое послужит иллюстрацией к предметам нашего исследования. Фактически всю эту главу можно рассматривать как комментарий к значениям данного сновидения. Оно очень короткое:

"Сновидец увидел одноклеточный организм, небольшую массу пульсирующей протоплазмы, похожей на амёбу. В центре организма, где обычно находится ядро, располагалось отверстие. Через это отверстие он увидел другой мир, ландшафт, простирающийся до горизонта". Сновидение вызвало у сновидца ряд ассоциаций. Приведем некоторые из них. Одноклеточный организм напомнил сновидцу, что носителями жизни являются разрозненные, отдельные элементы, клетки. Здесь прослеживается несомненная связь с символизмом Монады. Протоплазма была охарактеризована как первичный материал для жизни, источник всех биологических влечений к выживанию. Ее можно было бы считать местонахождением различных вожделений и желаний. Пульсация вызвала ассоциацию с приливом и отливом, систолой и диастолой, чередованием дня и ночи. Отверстие в центре клетки напомнило сновидцу нору кролика, которая в "Алисе в стране чудес" служила входом в другой мир. Пустота в центре клетки напомнила сновидцу одно место, прочитанное в работе Юнга, в котором говорилось, что в центре традиционных религиозных монад помещается изображение божества, но центр современных индивидуальных монад обычно пустует. В целом, отверстие производило впечатление окна, выходящего в другой мир.

Таким образом, сновидение отображает Монаду в ее биологической форме, т.е. как клетку. Эта клетка состоит из пульсирующей протоплазмы, олицетворяющей основные желания, вожделения и влечения психики к жизни. В самом центре этой трепещущей массы вожделений и желаний помещается окно или вход в другой мир, в архетипическую психику. Это означает, что индивид

может увидеть мельком другой мир, проникнув в центр протоплазматических влечений и отвергая протоплазму. Другими словами, познание индивидуальности как сверхличностной реальности находится в самом центре наших личных, эгоистических стремлений к власти, вожделений и самовосхвалений.

Это сновидение имеет сходство со сновидением, о котором сообщил Юнг:

"Сновидец оказался с тремя более молодыми спутниками в Ливерпуле. Была ночь. Шел дождь. Воздух был полон дыма и сажи. Они поднимались от гавани к "верхнему городу". Сновидец сказал: "Было ужасно темно, и мы испытывали неприятное чувство. Мы не могли понять, как можно это выносить. Мы немного поговорили об этом, и тогда один из моих спутников сказал, что, как ни странно, его друг поселился здесь, чем немало удивил всех. Во время этого разговора мы пришли к общественному парку, который находился в центре города. Парк имел форму квадрата, и в его центре находилось озеро или большой пруд.. На нем находилось одинокое дерево, усыпанная красными цветами магнолия, которая стояла в вечном солнечном сиянии. Я заметил, что мои спутники не обратили внимания на это чудо, и тогда я начал понимать, почему этот человек поселился здесь". Это сновидение имеет ряд сходств с предыдущим сновидением. Неприятная темень Ливерпуля соответствует протоплазме. Название города "Ливерпуль" связано с печенью, местом пребывания жизни, и имеет такое же символическое значение, как и протоплазма. В центре ливерпульского мрака помещается пруд вечного солнечного сияния, который имеет близкую аналогию с ландшафтом другого мира в центре протоплазмы. Впоследствии сновидец описал место солнечного сияния как "окно в вечность", точно так же, как другой сновидец назвал отверстие окном в другой мир. Здесь мы имеем эмпирическое доказательство того, что, в конечном счете, Монада не безоконна. Ливерпульское сновидение привело к созданию картины мандалы, опубликованной Юнгом

Как показал Юнг, мандата, в сущности, символически выражает состояние, при котором человек ощущает себя индивидом. Такой образ спонтанно возникает из недр бессознательного в те моменты, когда индивид начинает сознавать грандиозность и ужас того, что значит быть единственной, неделимой и одинокой монадой. Сознательно-теоретическое знание символизма мандалы играет незначительную роль. Опасность этого знания состоит в том, что такие образы могут быть умышленно использованы в качестве суррогата реального опыта. Как говорит Юнг:

"Необходимо проявлять чрезвычайную осторожность в этих вопросах, так как при подражательном влечении и, несомненно, нездоровом желании украшать себя диковинными перьями и наряжаться в экзотические наряды слишком многие люди ошибочно хватаются за такие "волшебные" средства, как мази и притирания, и применяют их снаружи. Люди готовы совершать самые абсурдные поступки, только бы не встретиться со своей душой".

Оставим пока в стороне такие помрачения ума. Все данные говорят о том, что переживание, символизируемое мандалой, составляет центральную, фундаментальную реальность человеческого существования. Я постарался охарактеризовать состояние, при котором человек ощущает себя индивидом, со всеми вытекающими отсюда последствиями и смысловыми значениями. Эта смутно осознаваемая реальность служит источником наших самых возвышенных устремлений и опасений. Мы и любим ее, и ненавидим. В одно и то же время ее императивы ввергают нас в бездну страдания, вызванного разлукой и расчленением, и доставляют нам ощущение безопасности и глубокого смысла. Однако, при всех превратностях жизни, она неизменно остается конечной реальностью нашего бытия.

Вначале я отметил, что внешнее наблюдение указывает на то, что жизнь не является континуумом, но состоит из дискретных элементов. Тем не менее, при рассмотрении беззаконной природы Монады, мы установили следующее: Монада все-таки имеет окно; в центре переживания индивидуальности находится осознание того, что все другие индивиды, как и мы, живут в единственном, герметически закрытом мире, и это сознание позволяет нам устанавливать значимую связь со всеми другими элементами жизни. В результате этого мы чувствуем свою причастность континууму. Следовательно, на достаточно глубоком уровне внутреннее наблюдение вступает в противоречие с внешним наблюдением. В этой связи я вспомнил физическую проблему природы света: состоит свет из частиц или из волн, т.е. состоит свет из отдельных элементов или составляет континуум? Современные данные требуют, чтобы свет рассматривался с парадоксальной точки зрения, т.е. как состоящий из частиц и волн одновременно.⁴⁶ Также обстоит дело и с психикой: мы одновременно составляем единственные, неделимые элементы бытия и входим в состав континуума, который является всеобщей волной жизни.

ГЛАВА 7. Архетип Троицы и диалектика развития

Существуют три вида "Целого": первый, предшествующий частям; второй, состоящий из частей; третий, вплетающий в единую ткань и части, и целое

ПРОКЛ

1. ТРИ И ЧЕТЫРЕ

Одно из основных открытий, сделанных Юнгом, состоит в открытии психологического значения числа четыре в той мере, в какой это число соотносится с символизмом психической целостности и с четырьмя функциями. Четверица, или кватерность, составляет основу всей его теории психического, как в части ее структуры, так и в части цели психического развития, процесса индивидуации. Поэтому мы должны обращать пристальное внимание на проявления символизма четверицы, или кватерности, в сновидениях и в образах мифов и фольклора. Однако существуют и другие числовые мотивы, которые имеют широкое распространение. Быть может, чаще всего встречается мотив Троицы. Придавая первостепенное значение четверице, Юнг в большинстве случаев был склонен истолковывать триединые образы как неполные или усеченные четверицы.¹ Этот подход вызывает ряд возражений. В.Уайт пишет следующее:

"...Всегда ли, столкнувшись с числом три, мы должны задавать вопрос: "Где четвертый элемент?" Должны ли мы предполагать, что число три необходимо всегда и везде рассматривать только как четыре минус один? Не есть ли каждый треугольник всего лишь несостоявшийся квадрат?... Нельзя ли предположить, что троичные символы сами составляют архетипические образы, которые передают содержание, отличное от содержания четверицы?"

Этот вопрос рассматривается в настоящей главе. Наиболее полное исследование символизма Троицы содержится в эссе Юнга "Психологический подход к догмату Троицы". Эссе начинается с обзора дохристианских изображений Троицы и затем переходит к описанию нумерологического символизма Платона и пифагорейцев. После психологического комментария к христианской Троице Отца, Сына и Святого духа Юнг подводит итог исторического развития догмата Троицы как составной части символа веры. Далее он подробно останавливается на трех аспектах Троицы, сопоставляя ее с образом четверицы. Последний рассматривается как завершение Троицы посредством добавления четвертого, ранее отвергнутого элемента, а именно: материи, дьявола и темной стороны. У Юнга, по-видимому, переплетаются две различные интерпретации, которые вступают в противоречие друг с другом. Впрочем, он не дает конкретных указаний по этому вопросу. С одной стороны, Юнг рассматривает Троицу как неполное отображение божества, которое, быть может, необходимо на определенной стадии психического развития, но не соответствует требованиям индивидуации, поскольку не учитывает четвертый принцип материи и порочную сторону Бога. Примером такой интерпретации служит следующая цитата. После рассмотрения реальности злой силы Юнг пишет:

"В монотеистической религии все, что исходит от Бога, восходит только к Богу. По меньшей мере, эта мысль вызывает возражения, и поэтому мы оставим ее без внимания. Существует более основательная причина, по которой столь влиятельный персонаж, как дьявол, не может занять подобающее место в триедином космосе ...ибо такой подход привел бы к некоторым гностическим концепциям, согласно которым дьявол (как Сатана) является первым сыном Бога, а Христос—вторым. Далее было бы логичным отменить триединую формулу и заменить ее четверицей".⁴ Однако в других местах своего эссе Юнг говорит о том, что символ троицы соотносится с тремя стадиями психического развития, который полон и самодостаточен и не нуждается в добавлении четвертого элемента. Например, он описывает три стадии Отца, Сына и Святого Духа следующим образом.

О мире Отца:

"Мир Отца символизирует эпоху, которая характеризуется первозданным единством со всей природой".

"...Этой эпохе чужды критическое суждение и моральный конфликт".

"Она отражает ...состояние человека в детстве".

О мире Сына:

"Этот мир полон стремления к спасению и к тому состоянию совершенства, в котором человек сохранял единство с Отцом. Он в тоске оглядывается на мир Отца, но этот мир навсегда потерян, потому что за прошедшее время состоялся необратимый рост сознания человека и сделал его независимым".

"Стадия Сына отражает конфликтную ситуацию по преимуществу... Свобода от закона обостряет противоположности".

О мире Святого Духа:

"Приближение к третьей стадии (Святой Дух) предполагает если и не реальное подчинение бессознательному, то, во всяком случае, нечто вроде его распознавания... Точно так же, как переход от первой стадии ко второй требует отказа от детской зависимости, так и переход к третьей стадии требует отказа от исключительной независимости".¹⁰ "Третья стадия предполагает соединение эго-сознания индивида с высшей всеобщностью, о которой индивид не может сказать "это есть я", но которую можно представить как более полное бытие".¹¹ В этих цитатах, описывающий три стадии психического развития—Отец, Сын и Святой Дух—отсутствует указание на то, что Троица является неполным символом, который нуждается в добавлении четвертого элемента. Напротив, Троица, по-видимому, вполне адекватно символизирует процесс психического развития во времени. При рассмотрении процесса развития Юнг отмечает: "Ритм строится в три такта, но в результате получается символ четверицы".¹² Из этого высказывания явствует, что трехактный ритм и четырехчастная цель составляют отдельные символические сущности, ни одна из которых не поддается правильной интерпретации в терминах другой сущности. Тем не менее, в дальнейшем, когда Троица характеризуется как неполное отображение божества, этот момент теряется из виду.

Трехактный ритм процесса развития заслуживает более основательного исследования. Предположим, этот тройной символ составляет отдельную, значимую сущность. В таком случае архетип Троицы, или трехчастности, и архетип четверицы, или четырехчастности, относятся к двум различным аспектам психического, каждый из которых характеризуется значимостью, уместностью и полнотой в своей сфере. Образ четверицы выражает всеобщность психического в ее структурном, статическом или вечном аспекте, тогда как образ Троицы выражает всеобщность психологического опыта в его динамическом, эволюционном, временном аспекте.

Образы четверицы, мандалы возникают в моменты психической нестабильности и выражают ощущение стабильности и покоя. Образ четвероюкой природы психического обеспечивает стабилизирующую ориентацию. Он позволяет взглянуть на статическую вечность. Для этой цели используются мандалы тибетского буддизма. Они выполняют роль инструментов медитации, передавая сознанию ощущение покоя и умиротворенности, как если бы индивид надежно опирался на вечную, структурную субстанцию и был защищен от опасностей разрушительных перемен. На психотерапевтических занятиях пациенты иногда открывают для себя метод созерцания изображений своей мандалы, когда их психическая целостность находится в опасности.

С другой стороны, символы Троицы предполагают рост, развитие и движение во времени. Они окружают себя динамическими, а не статическими ассоциациями. По этому поводу Бейнс пишет следующее: *"Триединый архетип символизирует динамический или жизненный аспект"*. И далее:

"В частности, число три ассоциируется с творческим процессом ...В природе каждая функция энергии фактически имеет форму пары противоположностей, объединенных третьим элементом, их продуктом. Таким образом, треугольник символизирует пару противоположностей, соединенных сверху или снизу третьим элементом". В своем описании трех этапов развития как трех стадий Отца, Сына и Святого Духа, Юнг дает Троице динамическую, эволюционную интерпретацию. Все временные события естественно вписываются в трехчастную схему. Каждое событие имеет начало, середину и конец. Сознательный ум рассматривает время в трех категориях—прошлого, настоящего и будущего. Тысячу лет назад Иоахим Флорский рассматривал Троицу с точки зрения периодов времени. По его мнению, до Христа существовал

век Отца. Первое тысячелетие после Христа было веком Сына, а второе тысячелетие должно было стать веком Святого Духа.

Исследование временных или эволюционных событий характеризуется укоренившейся тенденцией к организации таких событий в рамках трехчастной схемы. Эту схему использовал Фрейд в описании психологического развития в виде трех стадий—оральной, анальной и генитальной. Эстер Хардинг использовала эту трехчастную схему для описания психологического развития в виде ауто, эго и Самости. Еще один пример трехчастного деления процесса психического развития дает Альфред Н. Уайтхед. В своем эссе "Ритм обучения" Уайтхед различает три стадии естественного процесса научения. Он называет их стадией романтики, стадией точности и стадией обобщения. Первая стадия—стадия романтики— характеризуется эмоциональным возбуждением, вызванным первым открытием. На этой стадии общая реакция исключает возможность применения систематического подхода с его холодностью и строгостью. Напротив, ребенка или мужчину волнует открытие нового мира. Вторая стадия—стадия точности—подчиняет свободу и всеобщность подхода требованиям точной формулировки. Здесь мы имеем накопление точных фактов и критический, интеллектуальный анализ. Третья стадия—стадия обобщения—названа Уайтхедом синтезом двух предыдущих подходов. Здесь происходит возвращение к общей реакции романтической стадии, дополненной классификационными идеями и соответствующей методикой.

Процесс духовного развития характеризуется мистиками как трех-частный процесс. Согласно Инге:

"(Мистик) ...любит представлять свой путь в виде лестницы, уходящей от земли до неба, по которой необходимо подняться, проходя ступеньку за ступенькой. Эта шкала совершенства обычно разделяется на три стадии: очищение, озарение и единство или состояние совершенного созерцания. Третья стадия фактически составляет цель, а не часть процесса совершенствования".

Здесь необходимо упомянуть пифагорейскую символику чисел, описание которой можно найти у Юнга. Число один составляет первое, исходное число, которое, строго говоря, вообще не является числом. Число один, как единство и всеобщность, существует до появления осознания чисел, которое требует наличия способности различать отдельные дискретные сущности. Таким образом, "один" символически соответствует уроборическому состоянию, предшествующему творению и разделению вещей. Два составляет первое вещественное число, поскольку вместе с ним появляется возможность отличать одну вещь от другой. Два символизирует акт творения, возникновение эго из первоначального состояния единства. Два предполагает противоположение. Два означает отделение одной вещи от другой и таким образом олицетворяет конфликтное состояние. Число три, однако, представляет сумму чисел один и два и объединяет их в себе. Три—примиряющий символ, который разрешает конфликт двух. К числу три относится замечание Юнга по поводу символического значения Святого Духа: *"Святой Дух олицетворяет объединение противоположностей"*.

Такой подход к Троице не оставляет места для четвертого элемента. Если рассматривать Троицу как динамический процесс психического развития, тогда третий элемент завершает процесс. Третья стадия восстановила первоначальное единство индивида на более высоком уровне. Новое единство может нарушить только появление нового противоположения, которое повторит четырехчастный цикл.

Упомянутый символизм чисел имеет точную аналогию в формулировке, предложенной Гегелем для понимания исторического процесса. По мнению Гегеля, все движения и события человеческой истории вписываются в трехчастную циклическую стадию. Во-первых, рассматривается и определяется исходная позиция. Это называется тезисом. Затем формируется противоположная позиция, которая развивается, и, наконец, ниспровергает первую позицию. Это называется антитезисом. На последнем этапе ограниченность и неадекватность антитезиса распознаются и замещаются синтезом двух противоположностей. Таким образом, формула приобретает следующий вид: тезис, антитезис, синтез. Далее синтез может превратиться в новый тезис, который приводит к повторению цикла. Это было открытие первостепенной важности. Достаточно понять эту формулу и тотчас станет очевидной ее высшая простота и истинность. Независимо от возможности или невозможности доказать справедливость гегелевской формулы для истории, ее, несомненно, можно эмпирически проверить в сфере индивидуальной психологии. Она служит одним из выражений архетипа Троицы, который обеспечивает структуру и смысл для динамических, временных событий человеческой жизни в противоположность статическому, вечному аспекту.

В человечестве существует неискоренимая тенденция постигать божество в триединой природе. Христианская Троица дает лишь один из многих примеров этой тенденции. В своем эссе Юнг описывает вавилонскую и египетскую Троицы. Кроме того, существуют греческая Троица-Зевс, Посейдон и Аид (Гадес)—и различные воплощения триад материнских богинь. Судьба, сила, определяющая временную жизнь человека, воспринимается в виде тройного образа. Например, в Греции существовали три Мойры, три богини судьбы: Клото, которая прядет нить жизни, Лахесис, которая определяет участь человека, и Атропос, которая перерезает нить жизни. В тевтонской мифологии известны три нормы: Урд, Верданди и Шулд. Урд, старшая, относится к прошлому. Верданди—к настоящему и Шулд—к будущему. Гермес чаще всего рассматривался как триединство. Бесчисленные святилища, воздвигаемые в его честь возле скрещения трех дорог, получили настолько широкое распространение, что привели к возникновению слова "тривиум" (трехпутье). Тривия—богиня трех дорог— эпитет, данный римлянами Гекате, Диане и Луне. Этот перечень примеров, который можно было бы существенно расширить, указывает на широкое распространение тенденции устанавливать связь между божеством и триединой природой. Каким образом это соотносится с нашим представлением о том, что психическое имеет четырехэлементную структуру? Триединые образы относятся к функциональным или динамическим божествам в противоположность структурным божествам. Другими словами, они персонифицируют психический динамизм на всех его стадиях. С этой точки зрения, Троица могла бы олицетворять и всеобщность и четверицу, но это уже была бы всеобщность иного рода. В первом случае это была бы всеобщность различных динамических стадий эволюционного движения, а во втором это была бы всеобщность структурных элементов. Число три символизирует процесс, а число четыре—цель.

Герхард Адлер проводит различие между женскими и мужскими триадами. По этому поводу он говорит следующее: *"Женская триада неизменно связана с инстинктивными событиями в их естественном развитии и росте, тогда как мужская опирается на динамическое противостояние между тезисом и антитезисом, которое находит свое разрешение на третьей стадии синтеза"*. Это утверждение, несомненно, вполне справедливо. Женские триады, по-видимому, имеют своим источником категории естественного, биологического—чуть ли не психического—процесса развития, например, рождения, созревания и смерти, тогда как мужские триады особым образом связаны с развитием психики или бессознательного. В

последнем случае мы имеем не биологические категории, а такие духовные или психические категории, как тезис и антитезис, или Бог и сатана. Тем не менее, несмотря на это ясное различие, в широком смысле и мужские и женские триады относятся к динамическому процессу развития во времени.

В предыдущих главах я наметил в общих чертах схему психического развития, чтобы объяснить взаимосвязи между эго и Самостью, существование которых мы наблюдали на различных уровнях сознательного развития. При этом я использовал трехэлементную схему, в которой три сущности были представлены в виде эго, Самости (не-эго) и соединительного звена (ось эго-Самость). Согласно этой гипотезе, развитие сознания осуществляется посредством трехчастного цикла, который непрерывно повторяется на протяжении всей жизни индивида. Повторяющийся цикл имеет следующие три части: 1) идентификация эго с Самостью, 2) отчуждение эго от Самости и 3) восстановление связи эго с Самостью посредством оси эго-Самость. Эти три части можно назвать стадией Самости, стадией эго и стадией оси эго-Самость. Эти три стадии точно соответствуют трем элементам христианской Троицы: эпоха Отца (Самость), эпоха Сына (эго) и эпоха Святого Духа (ось эго-Самость). Здесь представлен еще один пример трехэлементной схемы для выражения всего процесса развития во времени.

Средневековая идея, что человек состоит из тела, души и духа, также отражает трехэлементную структуру всеобщности. По теории алхимиков, все металлы состоят из трех первичных принципов—ртути, серы и соли. Парацельс объединил эти две концепции, когда писал:

"Итак, для того, чтобы правильно понимать эти три различные субстанции, а именно—дух, душу и тело, необходимо знать, что они обозначают не что иное, как три принципа—ртуть, серу и соль, в основе которых возникают все семь металлов. Ибо ртуть есть дух, сера—душа, а соль—тело".

Этот же образ нашел отражение в одном из современных сновидений: "Для успешного завершения предприятия необходимо объединить три вещи. Необходимо иметь красный острый перец, перечницу и РЛ. (инициативный, деятельный человек) должен произнести слово "перец". Сновидение показывает, что предприятие достигнет успешного завершения только тогда, когда произойдет объединение тела, души и духа. Перец олицетворяет горячую "субстанцию души", перечница—тело, конкретный контекст для реализации, а произнесение слова—спонтанный творческий акт духа.

2. ТРАНСФОРМАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

Тема трансформации, смерти и возрождения, составляющих динамическую реализацию развития, также связана с числом три. Три дня составляют символическую продолжительность ночного плавания по морю, например, Христа, Ионы. Христос был распят между двумя злодеями. Это было тройное распятие. Точно так же и Митра обычно изображается между двумя дадофорами или факельщиками, один из которых держит факел поднятым, а другой—опущенным. Тема "пути", в которой срединный путь возникает из диалектики противоположностей, также отражает символизм Троицы. В этой связи мне приходит на ум высказывание Лао Цзы: "Один порождает два, два порождает три, а три порождает все вещи" (Дао Дэ Цзин, 42).

Взаимосвязь между образом "пути" и символизмом Троицы иллюстрируется в очень интересном исследовании, опубликованном Адлером. Спустя три месяца после начала анализа пациентке приснился следующий сон: *"Я услышала голос, сказавший очень ясно: "Через три дня". Спустя три дня после этого сновидения пациентку посетила яркая динамичная фантазия, которую она описала следующим образом:*

"Я способна рассматривать свое бессознательное не как нечто чуждое, а как нечто, созданное из того же вещества, что и я; поэтому между мной, всеми живыми существами и им существует путь, неразрывная связь. Я способна почувствовать, каким образом это связано с моей невротической проблемой: у меня было непосредственное восприятие чего-то такого, что не имеет и не может иметь связи с остальными моими переживаниями; поэтому мир лишился смысла, и в нем буквально стало невозможно жить. Теперь мир вновь обрел смысл"

Спустя пять дней после этой фантазии пациентка увидела изображение "трех взаимопересекающихся кругов (увиденных в трех измерениях) с вертикальными и горизонтальными полосами, проходящими через точки пересечения".

Упомянутые три бессознательных образа, возникших на протяжении восьми дней, ясно указывают на существование связи между числом три и темой дороги или пути. Как отмечает Адлер, фраза "через три дня" относите" к ночному плаванию по морю. Это подтвердили дальнейшие события. Видение трех кругов подчеркивает особое значение числа три. Весьма интересным представляется описание фантазии о дороге. Здесь пациентка осознает связующее звено между собой, эго и не-эго. Я бы предпочел рассматривать дорогу, доставляющую ощущение единства и примирения, как олицетворение оси эго-Самость. Это открытие осуществляется с помощью процесса, включающего в себя три элемента—эго, не-эго и связующее звено между ними; отсюда вытекает особая роль числа три.

В сказках мы находим немало тройственных символов. Важные действия, которые приводят к трансформации или к достижению цели, нередко необходимо повторять три раза. Во многих случаях сказка дает понять, что действие номер один основано на одной стороне пары противоположностей, действие номер два основано на другой стороне пары противоположностей, а действие номер три олицетворяет синтез или примирение обеих противоположностей. В качестве примера нам достаточно упомянуть сказку братьев Гримм "Живая вода", в которой принцесса ожидает суженого, который должен подойти к ее калитке прямо по дорожке, выложенной золотыми плитками. Три брата стараются добраться до принцессы. Первый брат, не желая повредить золотое покрытие дорожки, скачет на коне справа от нее, и его отказываются принять. Второй брат, также не желая повредить золотое покрытие дорожки, скачет на коне слева от нее, и его также отказываются принять. Третий брат, поглощенный мыслями о том, как быстрее добраться к принцессе, даже не видит золотого покрытия и скачет на коне прямо по дорожке. Он получает разрешение предстать перед принцессой и женится на ней.

Приведенные примеры показывают, что в определенной части психической жизни всеобщность находит символическое выражение посредством Троицы, а не четверицы. Эту особенность отражает эволюционный, временной процесс реализации. Хотя цель и состоит из четырех элементов, процесс ее достижения включает в себя три стадии. Таким образом, тройка и четверка символизируют два различных аспекта жизни. Четверка отражает структурную целостность, завершенность, нечто статическое и вечное. С другой стороны, тройка олицетворяет всеобщность

цикла роста и динамического изменения—конфликт, его разрешение и возобновление конфликта. Итак, в соответствии с триединой формулой, тезис и антитезис четверки должны разрешиться в новом синтезе.

В своих исследованиях Юнг неоднократно возвращается к вопросу, который задавали алхимики: "Здесь имеет место тройка, но где находится четвертый элемент?" Это колебание между тройкой и четверкой нашло удовлетворительное объяснение в теории четырех функций и стремления к целостности. Тем не менее, антагонизм между тройкой и четверкой может иметь и иной смысл. Он может быть связан с необходимым конфликтом в человеке между завершенностью статической, вечной четверицы и динамической изменчивостью и жизнеспособностью Троицы. Символизм четверицы и мандалы, включающий в себя теменос и магический круг, определенно указывает на тему сдерживания. К этому следует прибавить, что четные числа по традиции считаются женскими, а нечетные—мужскими. Отсюда следует, что четверка преимущественно отражает материнский архетип или женский принцип с акцентом на статической опоре и сдерживании, тогда как Троица олицетворяет отцовский архетип или мужской принцип, который придает особое значение движению, активности, инициативе. Если это утверждение справедливо, тогда для объединения противоположностей тройки и четверки необходим иной образ всеобщности.

Если троица способна нести такую же, хотя и иную смысловую нагрузку, как четверица, тогда она должна появляться в эмпирических психологических материалах с такой же частотой и силой, как и четверица. Обратившись к коллекции мандал, опубликованных Юнгом, я с удивлением обнаружил, что на изображениях, предназначенных для демонстрации четверицы, весьма часто встречаются трехэлементные образы. В этом отношении представляет интерес мандата, репродукцию которой опубликовал Юнг под названием "Тибетское колесо жизни". Бог смерти Яма держит в лапах колесо, основу которого составляет трехэлементная схема. В центре колеса помещается изображение трех животных: петуха, змеи и свиньи. Колесо имеет шесть спиц и двенадцать внешних делений. Об этой мандале Юнг говорит следующее: *"Примечательно, что несовершенное состояние существования выражается с помощью трехэлементной системы, а совершенное (духовное) состояние—с помощью четырехэлементной системы. Поэтому отношение между совершенным и несовершенным состоянием соответствует пропорции 3:4"*. К этому я бы добавил, что совершенное состояние характеризуется статичностью, неизменностью и трансцендентальностью. (но соответствует образу Бога, который не принимает участия в конфликте и потоке истории и не претерпевает развития.

Приступив к исследованию материалов бессознательного с учетом Троицы, можно заметить, что они часто содержат триединые символы. Например, человеку, посещавшему психоаналитические консультации в течение многих лет по поводу постоянного уроборического сдерживания, приснился сон, в котором круглый предмет делился на треугольные части, подобно тому, как мы делим пирог на части. Две геометрические фигуры, круг и треугольник, по-видимому, занимали видное место в сновидении и произвели сильное впечатление на сновидца. Сновидение вызвало у сновидца ощущение значимости. Круг ассоциировался с юнговской концепцией мандалы, целостности, предмета желаний. Треугольник вызвал у сновидца ассоциацию с триединым образом Бога. Для исследования эго сновидения нам необходимо прибегнуть к некоторым из тех концептуальных обобщений, которые я стараюсь здесь охарактеризовать. В сновидении круг расчленяется на треугольники, после чего изображение круга противопоставляется изображению треугольника. По моему мнению, это сновидение соотносится с разрушением первоначального

состояния уроборической целостности, которую я назвал идентичностью эго и Самости, с помощью триединого динамического процесса, представленного треугольником. В сновидении совершенное, круглое состояние сопоставляется с трехэлементным, треугольным состоянием. Это означает, что установка, акцентирующая статическую завершенность, должна быть дополнена триединым динамическим принципом. Триединый временной процесс разрушает статическое, неизменное состояние и подчиняет его развитию событий во времени, которое предполагает повторение и разрешение конфликтов в соответствии с формулой "тезис, антитезис и синтез".

Другой пациентке приснился следующий сон: "Ей приснилось, что она в качестве ученицы находится в классе. Она уверена, что выучила свой урок. Когда ее попросили прочесть на память свое задание, она начинает читать по памяти таблицу умножения: четыре умножить на один, четыре умножить на два и тд. Учительница прерывает ее, говоря, что это не было задано. Задание состоит в умножении трехзначных чисел на четыре. Чувство уверенности покидает сновидицу, и тогда она понимает, что еще не умеет умножать трехзначные числа в уме, и в замешательстве садится на место". Число четыре вызвало у нее ассоциацию с четверицей психической целостности, с мандалой. По поводу трехзначности чисел она сказала, что они утроили трудность умножения и напомнили ей о христианской Троице. Это сновидение имеет непосредственное отношение к предмету нашего исследования. В домашнее задание не входило изучение простой одномерности четверицы. Триадная постановка проблемы существенно усложнила и затруднила решение проблемы четверицы. Качество четверицы или психической всеобщности должно быть актуализировано с помощью тройного процесса реализации во времени. Индивид должен подчиниться неприятным требованиям диалектики процесса психологического развития. Четверица должна быть дополнена Троицей.

Приведем еще один пример из ранее упомянутого исследования Адлера. Сновидение имело место за несколько лет до начала анализа и, как считалось, положило начало процессу индивидуации. Оно произвело сильное впечатление на сновидицу, и было записано в следующем виде:

"Я увидела немного заштрихованное пятно овальной формы, жезл, изготовленный из желтовато-белого металла на одном конце жезла находилась монограмма из чисел "1,2 и 4 (наложенных друг на друга)" Монограмма из чисел вызвала у сновидицы весьма знаменательные ассоциации. Жезл напомнил ей ключ или волшебную палочку, которая ассоциировалась со штандартом, который принято было носить перед римскими императорами. В частности, она вспомнила сон, который приснился Константину накануне битвы. Во сне он увидел крестное знамение на небе и услышал голос, сказавший: "In hoc signo vinces" ("Это знамение победы"). По поводу этого сновидения Адлер пишет следующее:

*"Что касается ряда чисел "1,2,4", то можно сказать, что он представляет развитие символа мандалы, психической всеобщности. Число 1 символизирует первоначальную, предсознательную всеобщность; число 2 отражает разделение этой предсознательной всеобщности на две полярности, создающее две противоположности... Дальнейшее подразделение, соответствующее синтезу, который возникает на основе тезиса и антитезиса, дает четыре части круга и вместе со своим центром символизирует мандалу: ©
® ©. Таким образом, последовательность трех чисел представляет естественный рост, формулу мандалы"*

Затем Адлер приводит высказывание Юнга:

"Этот невыразимый, вызванный двойственностью конфликт ...разрешается в четвертом принципе, который восстанавливает единство первого принципа в его полном развитии. Ритм строится из трех тактов, но в результате получается четверица".

В дальнейшем Адлер вносит путаницу в эту интерпретацию, сочтя необходимым объяснить то, что он называет "поразительное отсутствие числа 3". Он истолковывает отсутствие числа 3 как отражение компенсации идентификации пациентки с патриархальным миром. По моему мнению, второе толкование имеет сомнительный характер и, если оно справедливо, доказывает несостоятельность первого толкования. Число 3 уже присутствует в последовательности "1,2,4", если рассматривать его как совокупность, поскольку данная последовательность имеет три члена. Если рассматривать этот ряд как геометрическую последовательность, а не арифметическую, тогда отсутствие или исчезновение числа 3 вполне оправдано. Если я правильно понимаю символизм, подстановка последовательности "1,2,4" из сновидения вместо последовательности "1,2,3,4" уничтожает саму суть символического смысла, который, как мне кажется, состоит в объединении трехэтапного процесса с четырехэлементной целью.

Юнг дает нам еще один пример слияния образов четверицы и Троицы. Я имею в виду видение мандалы, описание которого приведено в "Психологии и алхимии"

"Сновидец видит вертикальный и горизонтальный круг с общим центром. Это мировые часы. Они стоят на черной птице. Вертикальный круг представляет собой синий диск с белым краем, разделенным на 32 части. На нем вращается стрелка. Горизонтальный круг имеет четыре цвета. На нем стоят четыре крошечных человечка с маятниками. Вокруг него выложено золотое кольцо. Часы имеют три ритма или хода:

- 1) Малый ход: вертикальная стрелка совершает один полный поворот.*
- 2) Средний ход: вертикальная стрелка совершает один полный оборот. В то же время горизонтальный круг перемещается на 1/32.*
- 3) Большой ход: 32 средних хода равны одному повороту золотого кольца".*

В этом видении содержится замечательное изображение мандалы с акцентом на четверице: четыре цвета, четыре крошечных человечка. В то же время здесь упоминаются три ритма или хода. В 1944 году впервые вышла в свет "Психология и алхимия", в которой Юнг обращает особое внимание на четырехэлементный состав образа, и лишь вскользь упоминает о трех ритмах:

"Я не знаю, с чем связаны три ритма. Но я совершенно уверен, что эта связь вполне оправдана... Мы не ошибемся, если предположим, что наша мандала стремится обеспечить максимальное объединение противоположностей, включая противоположность между мужской троицей и женской четверицей..."

В своем комментарии к упомянутому видению в "Психологии и религии", впервые опубликованной на английском языке в 1938 году, Юнг говорит о триедином ритме следующее:

"Если обратиться к древней пифагорейской идее, что душа представляет собой квадрат, тогда мандала выражает божество посредством триединого ритма, а душу посредством ее статической четверицы, т.е. круга, разделенного на четыре цвета. Таким образом, ее сокровенный смысл состоит в соединении души с Богом". Далее Юнг отмечает:

"...четверица составляет необходимое условие божественного рождения и, следовательно, внутренней жизни троицы. Поэтому круг и четверица, с одной стороны, и триединый ритм, с другой, настолько глубоко проникают друг в друга, что каждый из них содержится в другом". Из приведенных цитат явствует, что Юнг не считает четверицу вполне подходящим символом для выражения всеобщности. Предпочтение необходимо отдать объединению четверицы с троицей в более полном завершенном синтезе.

Если при встрече с тройкой будет уместным спросить, "где четверка", тогда при встрече с четверкой будет в равной мере уместным спросить "где тройка". Поглощенный мыслями о четверице человек нередко замечает в образах только четверку, тогда как образы в действительности объединяют в себе как четверку, так и тройку. Например, число двенадцать включает в себя тройку и четверку в качестве множителей. Точно так же число семь объединяет тройку и четверку, составляя их сумму.

Архетип Троицы, по-видимому, символизирует индивидуацию как процесс, тогда как четверица символизирует цель индивидуации или реализованное состояние. Но поскольку индивидуация никогда в действительности не завершается, каждое временное состояние завершенности или целостности должно вновь удовлетворять требованиям диалектики Троицы, чтобы жизнь продолжалась.

Символы цели

Человек имеет душу и ...здесь зарыто сокровище.

К.Г ЮНГ

•

ГЛАВА 8. Метафизика и бессознательное

Наши невзгоды свидетельствуют о существовании живой тайны.

К.Г.ЮНГ

1. ЭМПИРИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА

Процесс индивидуации нередко выражается в символических образах метафизического характера. Такие образы способны создавать проблемы для эмпирического психотерапевта, не склонного доверять грандиозным недоказуемым представлениям о жизни, особенно потому, что такие представления нередко связаны с проявлениями очевидной инфляции, например, при психозе. Кроме того, вызывает настороженность широко распространенное злоупотребление метафизическими образами на коллективном уровне. У психолога слово "метафизика" вызывает ассоциации с произвольными, основанными на вере утверждениями относительно конечной реальности. Оно напоминает о догматических установках, несовместимых с эмпирическим темпераментом. Для ученого метафизический догматизм указывает на "крайнее невежество человека в тех вопросах, в которых он наиболее уверен". Юнг также избегал употребления этого термина. По этому поводу он, в частности, писал следующее:

"Я рассматриваю психологические вопросы с научной точки зрения, а не с философской... Я ограничиваюсь наблюдением явлений и остерегаюсь метафизических или философских обсуждений". В другом месте он говорит следующее:

"Психология как наука о душе должна ограничиваться предметом своего исследования и не выходить за свои границы, используя метафизические объяснения происхождения этих образов (архетипов)... Ученый добросовестно работает, он не может брать штурмом небеса. Позволив себе такую экстравагантность, он станет пилить сук, на котором сидит"-3 Вне сомнения, эти предостережения представляются здесь вполне уместными. И, тем не менее, метафизику как предмет исследования необходимо отделить от личного отношения к ней индивидов. Человек может занимать догматическую, неэмпирическую позицию по отношению к физике и метафизике. Об этом свидетельствует, например, отказ смотреть в телескоп Галилея на том основании, что было "известно", что Юпитер не может иметь лун.

С начала писанной истории метафизика составляет достойный предмет человеческого интереса. Отношение человека к метафизической реальности складывалось так же, как и в других сферах его деятельности, направленных на адаптацию к иным сторонам реальности. И в том, и в другом случае деятельность человека начиналась с наивных, произвольных и конкретно мифологических воззрений. Но это отнюдь не дискредитирует сам предмет исследования.

Пауль Тиллих высказал проницательное замечание по поводу взаимоотношения между юнговскими открытиями и метафизикой. Отметив тревогу Юнга по поводу того, что он называет метафизикой, Тиллих говорит следующее:

"Это, как мне кажется, не согласуется с его актуальными открытиями, которые по многим пунктам глубоко проникают в сферу онтологии, т.е. теории бытия. Этот страх перед метафизикой, который он разделяет с Фрейдом и другими завоевателями духа XIX века, составляет наследие этого века... Включая биологическую и, как необходимое следствие, физическую сферу в генезис архетипов, он фактически вышел за онтологические пределы, "запечатленные на биологическом континууме". Такой выход был неизбежен, поскольку он наделял символы, в которых проявляются архетипы, способностью раскрывать тайну. Ибо, для того, чтобы раскрыть тайну, необходимо выразить то, что нуждается в раскрытии, а именно, тайну бытия".

Юнг, несомненно, не боялся метафизики. Он с величайшей отвагой исследовал эту область. Он боялся не метафизики, а метафизиков. Хотя числа не лгут, тем не менее, лжецы могут манипулировать числами. Точно так : и метафизическую реальность можно в определенной мере выявить с помощью методов психологического эмпиризма, несмотря на то, что открытия, сделанные в этой области, могут быть неправильно использованы теми, кто не смыслит в таких методах. Заблуждаясь относительно природы тревоги, которую испытывал Юнг, Тиллих все-таки обращает внимание на один важный момент, а именно: для того, чтобы обладать способностью раскрывать тайну, символические образы бессознательного "должны .граждать то, что нуждается в раскрытии, а именно, тайну бытия". В этом же se высказывается и Юнг в "Зоне":

"Между так называемыми метафизическими концепциями, которые утратили исконную связь со сферой естественного опыта, и живыми, всеобщими психическими процессами можно установить такую связь, что они вновь обретут свой истинный, первоначальный смысл. Таким образом осуществляется восстановление связи между эго и проецируемыми содержаниями, которые теперь формулируются в виде "метафизических идей".

Отметим строгую формулировку этого психологического утверждения К нему можно добавить, что при устранении проекции проецируемое метафизическое содержание нередко сохраняет свое метафизическое качество.

Известно, что в известной мере сновидения порой действительно раскрывают "тайну бытия". Поэтому будет вполне уместным называть такие раскрытия метафизическими, т.е. выходящими за пределы физически: или обычных представлений о жизни. Более того, эти сновидения индивидов, используя уникальные образы и передавая сновидцу индивидуальное откровение, в то же время стремятся отразить общую или обычную точку зрения, вечную философию бессознательного, которая имеет более или менее всеобщую значимость. Эту всеобщую значимость лучше всего рас сматривать с точки зрения универсальности влечения к индивидуации.

2. РЯД "МЕТАФИЗИЧЕСКИХ" СНОВИДЕНИЙ

Несколько лет тому назад я имел возможность исследовать ряд замечательных сновидений, содержавших немало метафизических образов. Сновидец стоял на грани смерти. Смерть, так сказать, стояла по обе стороны от него. Непосредственно перед началом этой серии сновидений он неожиданно совершил импульсивную попытку покончить жизнь самоубийством, проглотив все содержимое флакона с таблетками снотворного. В течение 36 часов он находился в коматозном

состоянии, пребывая на пороге смерти. Спустя два с половиной года он умер в возрасте около 60 лет от разрыва сосуда головного мозга.

На протяжении двух лет (с перерывами) этот человек приходил ко мне раз в неделю и обсуждал свои сновидения. Вряд ли наши встречи можно было назвать психоаналитическими консультациями. У пациента отсутствовала объективная самокритичная способность к ассимилированию любой интерпретации, которая привела бы к осознанию тени. Во время наших встреч мы вместе исследовали сновидения и старались обнаружить идеи, которые эти сновидения стремились выразить. У меня часто возникало впечатление, что бессознательное старается преподать пациенту урок метафизики, т.е. либо помочь ему понять смысл его соприкосновения со смертью, либо подготовить его к встрече со смертью в недалеком будущем. Следует отметить, что этот человек не прошел процесс индивидуации в том смысле, как мы его понимаем. Тем не менее, последние в его жизни сновидения содержали немало образов, связанных с целью этого процесса.

На протяжении двух лет пациент записал около 180 сновидений, из которых треть, несомненно, имела метафизический, или трансцендентальный подтекст. Некоторые из сновидений были представлены с точки зрения эго, причем в них ощущалась трагическая атмосфера обреченности. После пробуждения от таких снов у сновидца оставалось глубоко депрессивное настроение. Другие сновидения, по-видимому, отражали сверх-личностную точку зрения и доставляли сновидцу ощущение умиротворенности, радости и безопасности. В качестве примера таких сновидений я приведу описание сна, который приснился ему за полгода до его смерти:

"Я нахожусь дома, но я здесь прежде не бывая. Отправляюсь в кладовую взять немного продуктов. Полки уставлены банками со специями и приправами одного сорта, но здесь нет ничего съедобного. Чувствую, что в доме я не одинок. Начинается рассвет. А может быть, так ярко светит пуна? Включаю свет, но он загорается в другой комнате. Что-то поскрипывает. Я не одинок. Интересно, где моя собака? Нужен дополнительный свет. Мне нужно больше света и больше мужества. Я боюсь".

Это сновидение, вероятно, отражает чувство страха, которое испытывает эго в ожидании встречи с незванным гостем, смертью. Свет покинул эго теперь он находится в другой комнате. Это напоминает последние слова Гете: "Больше света".

Таких сновидений было сравнительно мало. Значительно больше было сновидений второй группы, которые содержали определенные сверх-личностные образы и, как мне кажется, стремились преподать сновидцу урок метафизики. Для обсуждения я выбрал из этой группы тринадцать сновидений. Я приведу описания их в хронологическом порядке. Сновидение 1:

"Мне необходимо научиться выполнять ритуал японского театра Но. Упражняясь в этих ритуалах, я приведу свое тело в физическое состояние, которое соответствует дзенскому коану".

Японская драма Но представляет собой высоко формализованную форму классического искусства. Актеры носят маски, и в других отношениях здесь существует немало общих черт с древнегреческой драмой. Драматические представления театра Но отражают всеобщие или архетипические реальности они всецело посвящены сверхличностному. Нэнси В. Росс описывает театр Но следующим образом:

"Тот, кто отдает себя во власть неподвластному времени наслаждению театром Но, никогда не забудет его, несмотря на абсолютную невозможность точно передать другим его своеобразное очарование. Театр Но исследует время и пространство, используя методы, неизвестные нашей западной эстетике... Внушающий суеверный страх человеческий голос, при котором нормальное дыхание искусственно подавляется, печаль протяжных, одиноких звуков флейты, периодичность внезапных реплик, похожее на кошачье завывание хора, неожиданные щелчки палочек, изменчивая тональность трех видов барабанов, скользкие, подобно призракам, танцоры ...неожиданное топанье ногами по звучной сцене, где любой "реквизит" абстрагирован до уровня "символа", экстравагантность и пышность костюмов, нереальная реальность деревянных масок на лицах участников и, что самое важное, искусное использование пустоты и тишины—все это лишь немногие из традиционных элементов, помогающих создать особое волшебство театра Но."

Таким образом, сновидение говорит, что пациент должен упражняться в установлении связи с архетипическими реальностями. Он должен отказаться от личных соображений и начать жить "под эгидой вечности". В результате этих упражнений его тело уподобится дзенскому коану. Коан представляет собой парадоксальный анекдот или высказывание, используемое учителями дзен в надежде, что он (коан) поможет ученику прорваться к новому уровню сознания (озарение, сатори). Судзуки приводит следующий пример: ученик спрашивает учителя, что такое дзен. Учитель отвечает: "Когда твой ум не пребывает в двойственности добра и зла, что представляет собой твое первоначальное лицо до твоего рождения?"

Такие диалоги направлены на прорыв через состояние, ориентированное на эго, к сверхличностной реальности или, по словам Юнга, самости. Пережив состояние сатори, один буддийский ученый сжег комментарии к "Алмазной сутре", которыми он прежде весьма дорожил, и воскликнул *"Сколь бы глубоким ни было знание премудрой философии, оно подобно крохотному волоску, летающему в безбрежности пространства; сколь бы основательными ни были знания о мирских вещах, они подобны капле воды, брошенной в неизмеримую бездну"*.

Именно такую психологическую установку, как мне кажется, стремится выразить сновидение, побуждая сновидца отказаться от своей личностной, эгоцентрической установки в процессе подготовки к уходу из этого мира. Сновидение 2:

"С несколькими спутниками я оказался в местности, которая напоминала пейзажи Цали, на которых предметы либо были лишены свободы, либо были абсолютно неуправляемы. Повсюду из земли выбивались языки пламени, намереваясь поглотить всю местность. Совместными усилиями нам удалось установить контроль над огнем и ограничить горение в пределах соответствующего места. Здесь же на скале, мы обнаружили женщину, лежавшую на спине. Передняя часть ее тела состояла из живой плоти, тогда как задняя часть го лобы и тела составляли продолжение живого камня, на котором они лежала. У нее была ослепительная, почти блаженная улыбка, которая, казалось, говорила о примирении с ужасным состоянием. Укрощение Огня, по-видимому вызвало какую-то метаморфозу. Камень начал отпускать спину женщины, так что, в конечном счете, мы смогли поднять ее с камня. Хотя женщина все еще оставалась частично каменной, она не показалась нам слишком тяжелой. Изменения продолжались. Мы знали, что она вновь станет целостной".

Это сновидение вызвало у пациента конкретную ассоциацию. Языки пламени напомнили ему об огне, в сопровождении которого Гадес вырвался из земли, чтобы похитить Персефону. Сновидец

однажды побывал в Элевсине, где ему показали место появления Гадеса. Кроме того, сновидение вызвало у него воспоминание о незаконченной статуе работы Микеланджело.

Появляющаяся из камня фигура напоминает нам о рождении Митры Из *petra genetrix*. Сновидение имеет еще одну аналогию с мифом о Митре. Одна из первых задач Митры состояла в укрощении дикого буйвола. Точно с же и в сновидении укрощение огня было каким-то образом связано с возникновением женщины из камня. Ограничение зоны распространения огня приводит к извлечению женщины из камня. Это соответствует освобождению Софии из объятий *Physis*, которое осуществляется посредством погашения пламени желаний. В более позднем сновидении вновь встречается женская персонификация Мудрости или Логоса. Этот образ также указывает на отделение души от материи или тела, что ассоциируется со смертью.

Аналогичный образ содержится в древнегреческом алхимическом трактате Зосимы: *"Пойди к водам Нила и найди камень, имеющий дух (πνευμα) Возьми этот камень, раздели его, всунь в него руку и вынь его сердце, ибо его душа (psyche) находится в его сердце"*.

В трактате также сказано, что эта операция соотносится с извлечением ртути. Алхимическая идея извлечения души или духа, заключенного в материи, соответствует извлечению смысла из конкретного переживания (камень преткновения, Первое Послание апостола Петра, 2:9). В контексте ситуации сновидца извлечению, вероятно, подлежал смысл его земной жизни.

Необходимо также учитывать и ассоциацию с Аидом (Гадесом), Персефоной и местом ее похищения в Элевсине. Эта ассоциация позволяет нам рассматривать сновидение как современный, индивидуальный вариант элевсинских мистерий. В Древней Греции считалось, что посвящение в мистерии имеет громадное значение для определения судьбы человека в загробном мире. В гомеровском "Гимне Деметре" мы читаем следующее "Счастлив среди людей тот, кто видел эти мистерии; но тот, кто не был посвящен и не участвовал в мистериях, никогда не обретет добрую участь после смерти, погрузившись в темноту и уныние". Эту же мысль мы находим у Платона:

"...Те, кто основал эти мистерии, вовсе не были непросвещенными; напротив, они видели в них тайный смысл, когда много лет назад сказали, что тот, кто отправится в мир непосвященным и несведущим, увязан в трясине, но тот, кто очистится и пройдет посвящение, будет пребывать там с богами".

Несмотря на ограниченность сведений о содержании элевсинских мистерий, можно предположить, что они предусматривали проведение обряда умирания и воскрешения, поскольку этой теме посвящен миф о Деметре-Коре. Вне сомнения, нисхождение Персефоны в подземный мир и последующий договор, по которому она проводит часть года на земле и часть года в подземном мире, относятся к духу зеленых растений, который умирает и возрождается каждый год. Таким образом, сновидение косвенно указывает на воскрешение. Освобождение женщины от камня соответствует возвращению Персефоны из подземного мира. Правильность этого толкования подтверждает следующее сновидение, в котором, в частности, изображается бог зеленых растений, символизирующий воскрешение.

3 ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАЧАЛУ

Сновидение 3:

"Странная картина открылась передо мной. По-видимому, это Африка. Я стою на краю бесконечного вельда (veldt), простирающегося, насколько хватает глаз. Из земли появляются или появились головы животных. Повсюду много пыли. Пока я озираюсь окрест, некоторые животные полностью освободились от земли. Одни животные совершенно ручные, а другие — дикие. Носорог вступил в поединок с зеброй, подняв тучу пыли. Я подумал, не сад ли это Едемский".

Это сновидение имеет некоторое сходство с предыдущим сновидением. Здесь также появляются из твердой земли живые существа. Сновидец отметил, что у него возникло такое ощущение, как будто ему позволили взглянуть на первоначальное творение. Это напоминает замечание, высказанное одним алхимиком:

"Пусть тебя не тревожит вопрос, есть ли у меня бесценное сокровище (философский камень). Вместо этого спроси меня, видел ли я, как создавался мир, известна ли мне природа тьмы египетской ...какой вид будут иметь прославленные тела при всеобщем воскресении". Этот автор демонстрирует знание того, что алхимическая тайна состоит в веществе, а в состоянии сознания, восприятия архетипического уровня реальности.

В конце жизни сновидцу было показано всеобщее зарождение жизни. Живые формы возникают из аморфной, неорганической земли. Подчеркивание особого значения пыли напоминает нам об использовании этого образа в Книге Бытия: *"И создал Господь Бог человека из праха земного"* (Бытие, 2:7). *"...Прах ты, и в прах возвратишься"* (Бытие, 3:19). Пыль представляет собой размолотую в порошок и высушенную землю. Пыль имеет сходство с прахом. Древнееврейское слово "арбар", переведенное на английский язык как "пыль", также обозначает "прах". Прах получается в результате алхимической кальцинации (caldnatis), на которую косвенно указывает огонь второго сновидения. Однако, согласно третьему сновидению, из праха сгоревшей дотла жизни возникает новая жизнь.

Вскоре после этого пациенту приснился еще один сон о вельде.

Сновидение 4:

"И вновь передо мной простирается вельд. Несколько акров пустынной местности. Повсюду разбросаны буханки хлеба различной формы. На вид они недвижны и долговечны, как камни". Здесь также фигурирует символ камня, впервые появившийся во втором сновидении. Во втором сновидении камень оказался вовсе не камнем, а женщиной. В настоящем сновидении камень является не камнем, а буханкой хлеба. В алхимии хорошо известен этот мотив камня, который не является камнем (lithos ou lithos). Это соотносится с философским камнем, который, согласно Руланду, *"является субстанцией, непоколебимой в своей действительности и добродетели, но не являющейся таковой по своей материальной природе"*. Это утверждение косвенно указывает на реальность психики.

В четвертой главе Евангелия от Матфея устанавливается связь между образами хлеба и камня. Во время искушения Иисуса в пустыне дьявол сказал ему: *"Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами"*. Он же сказал ему в ответ: *"Написано: не хлебом одним будет жить"*

человек но всяким словом, исходящим из уст Божиих" (Мат. 4:3,4). Там же, в Евангелии от Матфея (7:9), еще раз устанавливается связь между камнем и хлебом: "Есть ли между вами такой человек, который, когда сын попросит у него хлеба, подал бы ему камень?" Эти отрывки показывают, что человек нуждается в хлебе, камень не удовлетворяет потребности человека, и готовность превратить камень в хлеб (т.е. объединить эти противоположности) составляет прерогативу божества. Это сновидение позволяет заглянуть за метафизический барьер или, как называет это Юнг, эпистемологическую завесу, за которой находятся фигуры, олицетворяющие "невероятные объединения противоположностей, трансцендентальные формы бытия, все принимаемые только на основе противопоставлений".

Сновидение 5:

"Меня пригласили на прием в честь Адама и Евы. Они никогда не умирали. Они олицетворяли начало и конец. Я понял это и признал правомерность их неизменного существования. Оба они были огромными, как скульптуры Майя. У них был скульптурный, а не человеческий вид. Лицо Адама было закрыто покрывалом, и мне захотелось узнать, как он выглядит. Я осмелился открыть его лицо. Покрывало состояло из очень толстого слоя торфяных мхов или каких-то растений. Я немного отвел в сторону покрывало и заглянул за него. Его лицо было добрым, но пугающим. В нем было что-то от гориллы или гигантской обезьяны".

Очевидно, что местом проведения этого приема является сфера вечного архетипического. Фигуры никогда не умирают; они живут в вечном настоящем. "Царство небесное"—это место встречи человека с древними героями. В Евангелии от Матфея (8:11) сказано: "Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в царствии Небесном".

Фигуры сновидения, как отмечено, олицетворяют начало и конец. По традиции характеристика существа, заключающего в себе начало и конец, никогда не применялась к Адаму. Но она применялась к Христу, который был назван вторым Адамом. Как Логос, Он существовал изначально и был проводником творения (Евангелие от Иоанна, 1:1 -3). К рассматриваемому сновидению имеет непосредственное отношение следующий отрывок из Первого Послания апостола Павла к Коринфянам. Здесь речь идет о "воскрешении и втором Адаме:

"Первый человек Адам стал душою живою; а последний Адам есть дух животворящий... Первый человек—из земли, перстный; второй человек—Господь с неба... И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного... Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному—в бессмертие". Адам, как первый человек, служит образом Антропоса или, по теории гностиков, Первочеловека. В герметическом трактате гностиков "Poimandres" сказано, что вечный разум родил Антропоса, который затем попал в мир пространственно-временного существования, потому что его полюбила Природа":

"Природа взяла предмет своей любви и обвилась вокруг него так, что они полностью переплелись, потому что они любили друг друга И по этой причине из всех существ на земле только человек двойственен; из-за тела он смертен, но благодаря совершенному Человеку он бессмертен".

Антропос представляет пресущую форму человека, вечную идею Платона, божественную мысль, воплотившуюся благодаря объятиям... Таким образом, знакомство сновидца с Адамом означает,

что ему будет показано "первозданное лицо", предсуществующее рождению эго, и знаменует приближение процесса развоплощения. Сновидение 6:

"Я нахожусь в саду, на красивой пологой террасе. Это место называется "Мыслями Бога". Здесь верят, что двенадцать Слов Божьих завоюют мир. Стены напоминают гнездо, увитое плющом и чем-то похожим на пух или мех. Вместе с другими прогуливаюсь в огражденном месте. Слова звучат с силой, равной силе взрыва или землетрясения,

которое сбивает нас с ног. Мягкие, как подушки, стены предотвращают травмы. В этой огражденном месте принято прогуливаться по кругу, держась поближе к стенам. Необходимо совершать круг либо по часовой стрелке, либо против часовой стрелки. Во время прогулки площадь уменьшается, становится более интимной, мягкой и похожей на гнездо. Сама прогулка имеет что-то общее с процессом учебы".

В этом сновидении развиваются темы, на которые косвенно указывали предыдущие сновидения. Сновидец вновь доставляется к пресущему началу, истоку Логоса. Я не знаю, к чему относятся двенадцать слов Божьих, однако в Каббале иногда говорится, что божественное имя состоит из двенадцати букв.¹⁹ Большее распространение имеет точка зрения, согласно которой божественное имя состоит из четырех букв, составляя тетраграмматон йод (Yod), хе (He), вав (Vau), хе (He).

По мнению Мазерса, тетраграмматон "допускает двенадцать перестановок, которые все имеют смысл "быть"; это единственное слово способно выдерживать так много перестановок, не изменяя свой смысл. Они называются "двенадцатью знаменами могучего имени"; некоторые говорят, что они управляют двенадцатью знаками зодиака".

Из сновидения явствует, что сад мыслей Божьих представляет собой круг, из которого эмануруют двенадцать слов. Таким образом, сад аналогичен знакам зодиака, которые составляют двенадцатиричное деление годового цикла. К числу других аналогий относятся двенадцать сыновей Иакова и двенадцать учеников Христа. Пантеоны многих народов состоят из двенадцати богов. Согласно Геродоту, египтяне первыми назвали двенадцать богов.

Необычность сновидения состоит в том, что двенадцать слов Божьих завоюют мир. Характерно, что предназначение Логоса состоит в созидании мира, а не в его завоевании. Быть может, здесь имеется в виду приближение гибели сознательного эго (мир = эго). Эта же идея заложена и в круглом гнезде, которое в процессе кругового хождения по нему принимает все большее сходство с мягким чревом (матери). Символ гнезда подчеркивает особое значение материнской, защитной, сдерживающей стороны возвращения к метафизическим истокам и поэтому, несомненно, оказывает умиротворяющее воздействие на эго, обеспокоенное приближением смерти. Кроме того, гнездо, в котором откладываются и высиживаются яйца, символизирует возрождение. Например, в Египте новогодний праздник назывался "днем ребенка в гнезде. Гнездо устлано плющом. Согласно Фрезеру, плющ был священным растением Аттиса и Озириса. Жрецы Аттиса носили татуировки в виде листьев из плюща. Поскольку плющ является вечнозеленым растением, Фрезер предположил, что он символизировал "печать божественной жизни, нечто свободное от печальной изменчивости времен года, нечто постоянное и вечное, как небо..."

Более определенная связь существует между вечнозеленым плющом и Озирисом как бессмертным духом произрастания. Этот образ получил более полное отображение в сновидении

4. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Сновидение 7:

"Два боксера-профессионала участвуют в ритуальном поединке. Их поединок прекрасен. Во сне они выглядят не столько противниками, сколько сотрудниками, работающими над выполнением сложного плана. Они ведут бой спокойно, безмятежно и сосредоточенно. В конце каждого раунда они удаляются в раздевалку. В раздевалке они наносят на лицо 'грим'. Я вижу, как один из них, смочив палец в какой-то крови, наносит ее на свое лицо и лицо противника. Они возвращаются на ринг и возобновляют стремительный, яростный и в то же время контролируемый поединок".

Это сновидение вызывает суеверный страх, поскольку показывает человеческую жизнь как бы из-за покрывала Майи. Борьба между противоположностями находит примирение, когда рассматривается как часть более масштабного плана. Идет поединок, в котором, однако, никто не страдает, то замечательное драматическое представление. В нем есть кровь, но это лишь "грим", относящийся к миру видимости и иллюзии. Идея сновидения имеет несомненное сходство с тем уроком, который был преподан Кришной Арджуне в "Бхагавадгите", где также содержится описание поединка, войны, в которой не желает участвовать Арджуна:

"О, могущественнейший среди людей! Достичь бессмертия способен лишь тот, кто не только безмятежен и неподвластен этим ощущениям, но и сохраняет невозмутимость в радостях и горе. Не существует бытия для нереального и реальное не может стать несуществующим. Провидцы Истины знают природу и конечные цели и реального, и нереального. Познай неуничтожимость, которой все проникнуто. Никто не в силах уничтожить Неизменное. Эти тела смертны, но их обитатели вечны, неуничтожимы и непостижимы. Поэтому сражайся, о потомок Бхараты! Не ведает Истину ни тот, кто считает это (Самость) убийцей, ни тот, кто считает, что это (Самость) можно убить. Ибо Оно не убивает и не может быть убито. Оно (Самость) не рождается, не умирает, и после проявления в бытии не возвращается в небытие. Оно (Самость) нерожденное, вечное, неизменное, древнее".

Сновидение 8:

"Передо мной три квадрата, нагревательных прибора, изготовленных из металлического змеевика или неоновой трубки. Они символизируют мои сексуальные проблемы. Приборы были отключены и в настоящее время находятся в чистке. В мире существует новое представление о Боге, расширяется сознание безграничности мироздания. На фоне вечности представляется малозначительной столь преходящая вещь, как сексуальная проблема. Мытье имеет значение ритуального омовения, чистки трех квадратов, чтобы они заняли свое естественное место в огромном всеобщем.

В сновидении мой ум занят визуальным образом трех квадратов. Было естественным взять и нарисовать круг сначала внутри каждого из них, а затем снаружи".

В сновидении ясно очерчена связь с вечной божественной сферой, противопоставленной временной, личностной сфере. Очевидно, что три квадрата символизируют личностное партикуляризированное существование индивида в пространстве и времени. Квадраты ассоциируются с сексуальностью, источником тепла или энергии. Наличие трех квадратов соотносится с символическим значением триады, упомянутой в главе VII. Тройственность относится к динамическому существованию в исторической реальности. Она отражает мучительную диалектику процесса развития, которое протекает в соответствии с гегелевской формулой: тезис, антитезис и синтез.

С другой стороны, квадрат составляет четырехэлементный образ, который отражает всеобщность, выделяя статичные, структурные, сдерживающие аспекты. В восточном символизме квадрат символизирует землю как противоположность неба. Согласно представлениям древних, человеческая душа выглядит как квадрат. В отличие от квадрата, круг нередко символизирует и Бога, и вечность. Таким образом, когда сновидец рисует один круг внутри квадрата, а другой снаружи, он объединяет индивидуальное и личностное с вечным и сверхличностным. Эту же идею выражает сновидение и в утверждении, что квадраты "занимают свое, естественное место в огромном всеобщем".

Изображение квадрата, содержащего круг и заключенного в круг, у имеет аналогии в алхимии. При переходе от внутреннего к внешнему внутренний круг будет соответствовать первичной материи, первозданному, безграничному хаосу. В таком случае квадрат будет символизировать разделение первичной материи на четыре элемента, т.е. различие, извлекаемое сознательным эго из первоначального недифференцированного целого.

То, как отмечал Юнг, квадрат несовершенен по форме, так как "в квадрате элементы существуют раздельно и не испытывают дружелюбных чувств по отношению друг к другу".²⁶ Поэтому они должны вновь объединиться в высшем единстве, в пятом, последнем элементе, который соответствовал бы внешнему кругу, охватывающему квадрат. Согласно сновидению, это новое объединение квадрата состоит в нахождении его "естественного места в огромной всеобщности".

Психологическое состояние первого круга, предшествующее возникновению квадрата, замечательно описал Черный Лось, святой из племени Сиу. Высказывая сожаление по поводу того, что теперь индейцы живут в квадратных домах, он говорит следующее:

"...Мы построили из бревен маленькие серые дома, которые вы видите, они квадратны. В них плохо жить, потому что в квадрате нет силы. Вы заметили, что индеец все делает в круге, это потому, что Сила Мира всегда действует в кругах, и все стремится стать круглым. В старое время, когда мы были сильным и счастливым народом, вся наша сила приходила к нам от священного кольца нации, и народ процветал, пока кольцо оставалось целым. Цветущее дерево составляло живой центр кольца, и круг четырех сторон света питал его. Восток дарил умиротворение и свет, юг—тепло, запад—дождь, а север приносил своим холодным могучим ветром силу и стойкость. Это знание пришло к нам из внешнего мира вместе с нашей религией. Все, что ни делает Сила Мира, она делает это в круге. Небо круглое, и я слышал, что и земля круглая, как мяч. Звезды тоже круглые. Могучий ветер движется по кругу. Птицы делают гнезда круглыми, ибо у них та же религия, что и у нас. Солнце восходит и заходит, совершая круг. То же делает и луна. Они оба круглые. Даже времена года составляют круг в своей изменчивости и возвращаются к исходной точке. Жизнь человека составляет круг в движении от детства к детству. Так дело обстоит везде, где движется сила. Наши вигвамы были круглыми, как гнезда птиц, и всегда располагались в

круге, кольце нации, гнезде, состоявшем из множества гнезд, в которых Великий Дух велел нам высиживать своих детей. Но белые люди поселили нас в эти квадратные коробки. Наша сила исчезла, и мы умерли, ибо сила уже не пребывает в нас".

Сновидение 9:

"Я нахожусь в одиночестве в английском саду. Такие сады встречаются в Европе. Газон покрыт необычной разновидностью многовекового дерна. Высокая изгородь изготовлена из самшитового дерева. Кругом царит идеальный порядок. В конце сада я замечаю какое-то движение. Вначале мне показалось, что там находится огромная лягушка, сделанная из травы. Приблизившись к ней, я вижу, что в действительности – это зеленый человек, созданный из травы. Он танцует какой-то танец. Это очень красиво, и я вспоминаю роман Хадсона "Зеленые особняки". Мною овладевает чувство умиротворения, хотя я и не понимаю, что именно я созерцаю".

В этом сновидении содержится замечательное описание духа растительности, который играл важную роль в древней мифологии и был подробно рассмотрен в "Золотой ветви" Фрезера. С наибольшей глубиной этот образ раскрыт в лице Озириса как духа злаков, духа деревьев и бога плодородия. Смерть и возрождение растительности составляют эпизоды его драмы: "Его священным растением был плющ, потому что он всегда остается зеленым".

О символике зеленого цвета Юнг говорит следующее: "В христианской психологии зеленый цвет обладает свойствами, связанными со спермой и деторождением. По этой причине этот цвет приписывался Святому Духу как творческому принципу" И далее: "Зеленый цвет—это цвет Святого Духа, жизни, размножения и воскрешения". О зеленом цвете Святого Духа упоминает Хильдегард Бингенский в "Гимне Святому Духу": "Благодаря Тебе облака проливаются дождем, воды рожают потоки и земля выделяет зелень с влагой". Это место имеет аналогию в древнеегипетском гимне Озирису, в котором говорится, что "благодаря ему мир покрывается зеленью". Еще одну связь между зеленым цветом и возрождающейся жизнью можно найти в трактате, обнаруженном в египетской пирамиде. В этом фрагменте содержится обращение к Хепреру (Хопреру, Хопри . "становящемуся")-богу-скарабею, символизируемому восходящим солнцем: "Приветствую тебя, бог ...который движется по кругу, Хепрер... Приветствую тебя, Зеленый...

В алхимии зеленый цвет относится к числу важных образов. В некоторых трактатах он называется *benedicta viriditas*, благословенная зелень. Согласно Милию, Душа Мира, Анима Мунди, имеет зеленый цвет:

"Бог вдохнул в созданные вещи ...способность к росту или зелень, с помощью которой все вещи должны размножаться ...они называли все вещи зелеными, ибо зелень означает рост ...поэтому это достоинство размножения и сохранения вещей можно называть Душой Мира". В другом алхимическом трактате женская персонификация темной отвергнутой первичной материи говорит:

"Я пребываю в одиночестве среди потаенного и, тем не менее, радуюсь в сердце своем, поскольку могу жить тайной жизнью и восстанавливать в себе свои силы ...под покровом моей темноты таится свежая зелень".

Юнг интерпретирует это место следующим образом:

"Состояние несовершенной трансформации, на которую возлагаются надежды и ожидания, вызывает не только мучительные чувства, но и позитивные, если в этом состоянии таится счастье. В таком состоянии пребывает тот, кто в своих странствиях среди образов своей психической трансформации наталкивается на тайное счастье, которое примиряет его с несомненным чувством одиночества. В беседе с самим собой он находит не смертную скуку и меланхолию, а внутреннего собеседника. Более того, здесь он вступает в такие взаимоотношения, которые можно сравнить со счастьем тайной любви или с ранней весенней порой, когда семя дает зеленые побеги из бесплодной земли, обещая будущий урожай. Здесь имеется в виду *benedicta viriditas* алхимиков, благословенная зелень, которая, с одной стороны, свидетельствует о "порче продуктов из муки" (*verdigris*), а с другой, указывает на незримое присутствие божественного духа жизни во всех вещах".

То, что Юнг называет тайным счастьем, сопровождающим открытие и лени, по-видимому, соответствует ощущению умиротворенности, упомянутой сновидцем. Человеку, которому вскоре предстоит умереть, бессознательно рисует в ярких и красивых красках картину вечной жизни, чьи проявления непрестанно исчезают, вновь возрождаясь в новых формах. Сновидение отражает идею, которую выразил апостол Павел, говоря о воскресении из мертвых:

"...Поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?" (Первое послание к Коринфянам, 15:54-55).

5 ЗАВЕРШЕНИЕ ОПУСА

Сновидение 10:

"Как и в "Еврейских легендах" Гинзберга, где Бог вступает в личные отношения с различными людьми, Он поставил передо мной задачу, неприятную во всех отношениях, для выполнения которой я не был готов ни в техническом, ни в эмоциональном отношении. Вначале я должен отправиться на поиски человека, который ожидал моего появления. Затем мы вместе должны были точно выполнить все указания. В результате выполнения указаний мы должны были получить абстрактный, совершенно непонятный нам символ, в котором был заложен религиозный, священный или запретный смысл. В соответствии с поставленной задачей необходимо было отделить руки человека возле запястий, привести их в порядок объединить их, придав форму шестигранника. От каждой руки необходимо было отделить по одному прямоугольнику, оставив нечто вроде окон. Сами прямоугольники имеют, огромное символическое значение. Затем их необходимо было мумифицировать, высушить и окрасить в черный цвет. На выполнение этих непростых и трудных операций понадобилось немало времени. Мой партнер стойчески перенес тяготы нашей общей судьбы, и конечный, результат наших трудов, как мы полагали, удовлетворительно отвечал поставленным требованиям. Взглянув на символ, полученный в результате наших трудов, мы увидели, что его окружает аура непостижимой тайны. Тяжелое испытание привело нас в изнеможение". Сновидец пролистал "Еврейские легенды" Гинзберга в доме своего друга. Более основательно с этой книгой он не ознакомился. Кроме того, его знание Ветхого Завета было весьма ограниченным. Сновидение напоминает о задачах, которые Иегова возлагал на отдельных людей, например, на Иону и Осию. Если жизнь человека определяется ощущением божественного пред назначения, в психологическом отношении это означает, что эго освободилось от своих эгоцентрических забот и подчинилось Самости. В какой-то мере на эту идею указывает характер задачи, возложенной на

сновидца. Не обходимо ампутировать человеческие руки. Этот довольно неприятный, первобытный образ отражает психологический процесс. В алхимии этот образ встречается в виде льва с отсеченными лапами. В более крайней форме—в виде расчлененного человека—этот образ можно найти в трактате "Splendor solis". Руки служат орудием сознательной воли. Поэтому отсечение рук соответствует чувству бессилия, которое испытывает эго. Как сказал Юнг, "восприятие Самости неизменно означает поражение эго". В сновидении следующий этап выполнения поставленной задачи состоит в объединении отсеченных рук в форме шестигранника. Здесь содержится указание на объединение противоположностей, правого и левого, сознательного и бессознательного, хорошего и плохого. В результате объединения получается фигура, состоящая из шести частей.

К числу известных символов, составленных из шести частей посредством объединения двух похожих, но противопоставляемых друг другу элементов, относится так называемая звезда Соломона. Она состоит из двух треугольников, один из которых повернут вершиной вверх, а другой—вершиной вниз. Для алхимиков звезда Соломона символизировала союз огня (A) и воды (V). Для других она символизировала взаимопроникновение триединства духа (треугольник, повернутый вершиной вверх) и триединства материи (треугольник, повернутый вершиной вниз), а следовательно, и процесс установления взаимосвязи между ними. Число шесть связано с выполнением творческой задачи. В Книге Пития мир был создан за шесть дней, причем последний акт—создание Адама—пришелся на шестой день. Иисус был распят на кресте в шестой день недели. Юнг приводит цитату из книги ДжЛиндус, по мнению которой: *"Число 6 весьма искусно в порождении, ибо оно четно и нечетно, будучи причастным активной природе по причине нечетности и материальной природе по причине четности, отчего древние называли его браком и гармонией... И еще они говорят, что оно женское и мужское... А другие говорят, что число шесть порождает душу, поскольку размножается в мировой сфере, и поскольку в нем объединяются противоположности"*. Исходя из приведенных разъяснений, можно утверждать, что сон требует выполнения задания, которое приводит к разделению сил индивидуального эго (на благо и во зло) или к выводу их из состояния единства с эго с последующим их объединением в абстрактном или сверхличностном образе. Добавление двух прямоугольных окон производит неприятное впечатление, вызывая в памяти первобытную маску. В результате получается геометрическое изображение, которое, осмелюсь предположить, символизирует лицо Бога.

Сновидение 11:

"Вокруг тьма, но в ней содержится неопиcуемый свет. Тьма каким-то образом светится. Во тьме стоит прекрасная, золотистая женщина с лицом почти как у Моны Лизы. Теперь я замечаю, что свет исходит от ожерелья на шее этой женщины. Ожерелье отличается большим изяществом: небольшие камешки неограненной бирюзы заключены в оправу из красноватого золота. Ожерелье имеет для меня огромное значение. Если бы мне удалось проникнуть за его иллюзорный покров, я бы добрался до смысла, заключенного в этом совершенном образе".

Сновидец, не располагая сведениями о философии и религии, не знал вступительных строк Евангелия от Иоанна, в которых речь идет о Логосе. Эти строки имеют непосредственное отношение к сновидению:

"В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма не объяла его" (Иоан.,1:1-5).

В концепции Логоса евангелиста Иоанна к Христу применяется теория Логоса древнегреческой философии. Христос становится творческим Словом или Мыслью Бога, и Слово изначально было у Него. В гностических кругах Логос отождествлялся с Софией, женской персонификацией Мудрости. Этот же образ существовал и в древнееврейской литературе, посвященной мудрости. Например, он упоминается в следующей молитве Богу: "С тобой пребывает Мудрость, которая знает твои деяния и присутствовала при создании тобой мира; она знает, что приятно твоим глазам и соответствует твоим заповедям" (Мудрость, 9- 9, Иерусалим). В своей книге "Aurora Consurgens" М.-Л. фон Франц подробно остановилась на образе Софии или Sapientia Dei. По этому поводу она пишет следующее:

"В патристической литературе ее обычно рассматривали как Христа, пресущий Логос, или как сумму rationes aeternae (вечных форм) самопознающих первичных причин, образцов, идей и прототипов в уме Бога. Кроме того, ее рассматривали как archetypus mundus, "архетипический мир, по подобию которого был создан воспринимаемый органами чувств мир" и посредством которого Бог осознал себя. Таким образом, Sapientia Dei составляет сумму архетипических образов в уме Бога" Эту же мысль выражает и Фома Аквинский:

"...Божественная мудрость придумала устройство мироздания, заключающееся в своеобразии вещей, и поэтому необходимо сказать, что в божественной мудрости содержатся модели всех вещей, которые называются идеями, т.е. образцовыми формами, существующими в божественном уме".

Таким образом, упомянутая в сновидении золотистая женщина с лицом Моны Лизы олицетворяет Софию, или Божественную Мудрость. Ее светящееся ожерелье из бирюзы и золота символизирует небесные четки, которые объединяют на едином кольце нити различные формы и виды бытия, подобно тому, как годовой круг объединяет знаки зодиака, составляя "сумму архетипических образов в уме Бога".

Сновидение 12:

"Передо мной поставлена почти непосильная задача. В лесу зарыто бревно из тяжелой твердой древесины. Я должен отрыть его, отпилить или отрубить круглый кусок, а затем вырезать на нем рисунок. Полученное изделие необходимо сохранить любой ценой, поскольку оно представляет собой нечто неповторимое и может быть утрачено. В то же время необходимо подробно записать на магнитофонную ленту, что это изделие собой представляет, что оно символизирует и какой смысл заключает в себе. В заключение само изделие и магнитофонную ленту необходимо передать в публичную библиотеку. Кто-то говорит, что только библиотека знает, как можно сохранить ленту в целости и сохранности в течение пяти лет".

Здесь мы вновь встречаемся с темой постановки трудной задачи, аналогичной алхимическому опусу. Зарытое в лесу бревно представляет собой скрытый, первичный материал, который необходимо открыть или выявить, чтобы затем придать ему специальную форму, обладающую какой-то уникальностью, поскольку ее невозможно воспроизвести. Резной узор имеет пять частей. Число пять вновь встречается в упоминании об опасности в течение пяти лет. Символизм числа

пять связан с квинтэссенцией алхимиков. Квинтэссенция является пятой разновидностью и высшим единством четырех элементов и поэтому составляет конечную цель процесса. Руланд говорит, что квинтэссенция составляет *"саму суть, качество субстанций, которое с помощью искусства отделяется от тела"* По мнению Юнга, число пять указывает на доминирование физической личности". Здесь существует аналогия с тем, что упомянутое в сновидении изображение имеет сходство с абстрактной человеческой фигурой с пятью выпуклостями—четырьмя конечностями и головой. Отсюда можно заключить, что это изображение символизирует цель и завершение физического существования.

Сдача в библиотеку на хранение изделия и магнитофонной ленты с записью описания его сути затрагивает несколько весьма интересных моментов. В некоторых отношениях изделие и магнитофонная запись могут считаться синонимами, поскольку схематическое изображение изделия) много напоминает катушку магнитофонной ленты. В соответствии : этим направлением ассоциаций можно предположить, что поставленная перед сновидцем задача состоит в превращении Древа в Слово, т.е. материи в дух. Быть может, это сновидение служило предзнаменованием будущей публикации серии сновидений упомянутого сновидца. В таком случае задача заключалась в записи на магнитофонную ленту описания его сновидений и в помещении на хранение у меня магнитофонных записей. Тем не менее, эта простая, персоналистическая интерпретация противоречит существующим данным, особенно в контексте других сновидений. Значительно более правдоподобным является предположение, что поставленная перед сновидцем задача относится к психологической задаче его жизни, результаты которой должны поступить на хранение и обогатить коллективную или сверхличностную библиотеку, т.е. словесную или духовную сокровищницу.

В алхимии идея сокровищницы существует как синоним философского камня.⁴⁵ Пятая притча Aurora Consurgens имеет название "О сокровищнице, которую Мудрость построила на камне". По этому поводу Алфидий говорит следующее: "В этой сокровищнице хранятся все возвышенные достижения науки или мудрости или прекрасные вещи, которыми невозможно обладать".⁴⁶ В трактате Алфидия сокровищница характеризуется как сооружение, состоящее из четырех частей. Отсюда явствует, что сокровищница символизирует Самость.

Аналогичное изображение "сокровищницы" встречается и в католической теологии, когда речь идет о "сокровищнице заслуг", накопленных Христом и святыми.⁴⁷ Несмотря на конкретистское злоупотребление этим образом в церкви с целью оправдания продажи индульгенций, он включает в себе архетипическую идею, которая отражает определенный аспект объективной психики.

В приведенных примерах сокровищница приносит прибыль тому, кто находит ее. В нашем сновидении, однако, сновидец не извлекает из находки никакой выгоды лично для себя, напротив, он делает вклад в общественную сокровищницу. Вспомним слова Иисуса: "Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить" (Матф., 20:28). Сновидение, по-видимому, означает, что психологические достижения индивида оставляют после себя духовное наследство, которое обогащает совокупную, коллективную сокровищницу, своего рода положительную коллективную карму. В таком случае слова Мильтона о хорошей книге в равной мере применимы и к результатам выполнения внутренней, психологической задачи индивидуации. Остается постоянное духовное наследство, которое "составляет источник энергии

главного духа, который сохраняется от забвения и хранится как сокровище для жизни после жизни".⁴⁸

В сновидении упоминается о необходимости предотвратить порчу изделия и магнитофонной записи. Для этого необходимо применить какой-нибудь метод консервации или бальзамирования. Сновидение 12 затрагивает эту же тему, когда речь идет о мумификации отсеченных рук. Быть может, смысл этих упоминаний необходимо искать в архетипическом символизме, который лежит в основе сложных методов бальзамирования, применявшихся в древнем Египте. Эта идея выглядит соблазнительной, хотя в данный момент я не могу остановиться на ней более подробно.

Сновидение 13:

"Я смотрел на удивительно прекрасный сад. Он представлял собой большой квадрат с каменным полом. На расстоянии двух футов установлены друг от друга латунные предметы. Они стоят вертикально и имеют большое сходство с "Птицей в пространстве" Бранкузи. Я долгое время стоял неподвижно. Сад имел положительный смысл, но в чем он заключался, я не мог понять".

"Птица в пространстве" работы Бранкузи представляет собой изящный, немного изогнутый вертикальный столб из полированного металла с утолщением в средней части и с сужением к вершине (рис.47). Здесь затронута проблема символики столба или колонны. В упрощенном виде Столб олицетворяет фаллическую, вертикальную устремленность к верхней, духовной сфере. В то же время он нередко символизирует axis mundi. (ось мира), которая связывает между собой человеческий мир и сверхличностный, божественный мир. На такой космический столп нисходят боги, чтобы проявиться, на него восходят первобытные шаманы в поисках экстатических видений. Древнеегипетский религиозный ритуал дает нам иные символические значения вертикального столпа или колонны. В ритуалах, посвященных смерти и воскрешению Озириса, церемониальные действия достигали апогея, когда верховный жрец устанавливал вертикально так называемую колонну Джед (Djed). Об этой колонне РТ. Рандл Кларк говорит следующее:

"Идея колонны Джед состоит в том, что она занимает прочное вертикальное положение, ибо вертикальное положение символизирует жизнь, преодоление инертных сил смерти и распада. Вертикальное положение-колонны Джед означает, что жизнь в мире будет продолжаться". В "Pistis Sophia" рассматривается Сокровищница Света, в которой собираются частицы света, освободившиеся от власти тьмы материальной. Эта сокровищница представляет собой промежуточный накопительный пункт, который передает накопленный свет в высшую сферу, Мир Света, посредством светового потока, который называется Столпом Славы. Согласно манихейской теории, разбросанные частицы света собирают избранные. Возродившись с помощью гнозиса, избранные становятся орудиями собирания и сосредоточения частиц света, рассеянных в материи. Во время смерти каждый уносит из материального мира свой пучок накопленного света и доставляет его в вечную сферу света. Устремленную ввысь скульптуру Бранкузи можно сравнить со Столпом Славы, через который устремляются в вечную сферу накопленные частицы освобожденного света. Аналогичный образ существует и в манихейской эсхатологии. В конце времен появляется последняя "статуя":

"Весь свет, который еще можно спасти, объединяется в "Великой Идее" ...принимая форму "последней статуи", которая возносится к небу, тогда как проклятые, демоны и материи с ее

похотью и бисексуальностью низвергаются в яму, запечатанную огромным камнем". Упомянув манихейскую "статую", Юнг связывает ее с алхимическим трактатом. По этому поводу он пишет следующее:

"Очевидно ...что статуя или колонна символизирует либо совершенного Первого Человека ...либо, по меньшей мере, его тело, как в начале творения, так и в конце времен".

Сновидение, в котором каменный квадрат сочетается со столпами, имеет аналогию в древнесемитских святилищах, описанных Фрезером. По этому поводу он пишет следующее:

"Известно, что во всех древнеханаанских святилищах, в том числе и в святилищах Иеговы, существовавших вплоть до реформации Езекии и Иосии, обычно находились два предмета поклонения—священное дерево и священный камень. В этих святилищах жрецы (kedeshim) и жрицы (kedeshoth) устраивали распутные обряды".

Ирмия упоминает священное дерево и священный камень, когда критикует израильтян за то, что они "говорят дереву: "ты мой отец", и камню "ты родил меня"" (Книга Пророка Иеремии, 2:27). Таким образом, камень и столп символизируют соответственно женское и мужское божество. С психологической точки зрения, в сновидении показано объединение мужского и женского принципов. Я не знаю, почему на одном каменном квадрате должно размещаться множество мужских столпов. Быть может, это связано с множеством жемчужин в ожерелье Софии. И, тем не менее, мы имеем здесь образ совершенства, олицетворяющий всеобщность и объединение противоположностей. Это сновидение было последним из предоставленных в мое распоряжение пациентом. Спустя три месяца он скончался.

Мы рассмотрели ряд сновидений, которые показывают, что при определенных обстоятельствах бессознательное ставит на обсуждение вопросы, которые можно назвать метафизическими. Хотя сновидец и не прошел процесс индивидуации в обычном понимании этого термина, можно предположить, что воздействие приближающейся смерти способствовало приближению этого процесса. Вне сомнения, рассмотренные сновидения свидетельствуют о стремлении бессознательного передать сновидцу знания о метафизической реальности, как будто без них невозможно обойтись перед наступлением физической смерти.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, какое впечатление произвели на сновидца упомянутые сновидения. На этот вопрос трудно дать однозначный ответ; практически все сновидения оказали на сновидца сильное эмоциональное воздействие, которое, однако, он воспринимал только тогда, когда рассказывал сновидения на аналитических консультациях, не ранее того. Так или иначе, для того, чтобы дать выход нуминозности образов сновидений, понадобилось присутствие аналитика. В целом сновидения отобразили ряд незначительных религиозных переживаний, которые постепенно привели к определенным изменениям в отношении сновидца к жизни. Этот далекий от религии и философии человек получил метафизическое посвящение. В результате он, по меньшей мере, отчасти освободился от озабоченности своими личными огорчениями, и его личность приобрела глубину и достоинство. Когда его вырывали из лап смерти, он несколько раз задавал вопрос: "Почему продолжается моя жизнь?" Быть может, сновидения содержат ответ на этот вопрос.

Теология без алхимии подобна благородному телу без правой руки.

В целом наше искусство, его теория и практика, есть дар Бога, который вручает его избранным, когда сочтет нужным. Получение этого дара зависит только от милости Божьей, а не от желания или нежелания человека."

1. ВВЕДЕНИЕ

В этой главе рассматривается древний архетипический образ, заключающий в себе священную мудрость тысячелетий. Такой образ обладает огромной силой, которую можно использовать во благо или во вред, и поэтому с ним необходимо обращаться с величайшей осторожностью. Когда он находится в защитной оболочке ортодоксальности, его исследование не представляет опасности. Но эмпирический метод аналитической психологии требует, чтобы мы сняли защитную оболочку традиции для исследования живого символа как такового и его спонтанных проявлений в индивидуальной психике. Такое исследование можно сравнить с посещением могучих диких животных в естественной среде их обитания. Оно не имеет ничего общего с посещением зоопарка, где посетители рассматривают животных, посаженных в клетки. Хотя этот метод и необходим, тем не менее, мы должны учитывать его опасность. Если уж мы вынуждены работать с взрывчатыми веществами в нашей лаборатории, давайте относиться к ним уважительно. В результате беспечного отношения к такому образу наивное эго может впасть в высокомерие и подвергнуться уничтожению под неизбежным ударом возмездия. Исходя из этих соображений, я решил предварить настоящую главу двумя эпиграфами, воспользовавшись цитатами из трактатов по алхимии. В первом эпиграфе говорится следующее: "Теология без алхимии подобна благородному телу без правой руки". Но для защиты от гордыни человеческой воли предназначен второй эпиграф: "В целом наше искусство, его теория и практика, есть дар Бога, который вручает его избранным, когда сочтет нужным. Получение этого дара зависит только от милости Божьей, а не от желания или нежелания человека".

Юнг показал, что образ Христа символизирует Самость. Это открытие позволило нам существенно продвинуться в области исследования взаимосвязей между традиционной христианской мифологией и современной глубинной психологией. Символизм Христа тесно связан с образом крови Христовой. Эта тема впервые привлекла мое внимание, когда мне встретились современные сновидения, связанные с кровью Христа. Такие сновидения свидетельствуют о том, что кровь Христа является живым символом, который до сих пор действует в современной психике. Поэтому я предлагаю исследовать этот символ и некоторые из его значений в свете юнгианской психологии.

Для того чтобы показать, что этот символ вместе со своими ассоциативными связями составляет живой организм, а не теоретическое построение, необходимо использовать эмпирический, дескриптивный, феноменологический подходы. Но такие подходы предъявляют к читателю

довольно строгие требования. Читателя подстерегает опасность запутаться в сложном переплетении взаимосвязей, которые устанавливаются между различными параллелями и аналогиями. Я не знаю, как можно обойти стороной эту проблему, сохранив при этом верность эмпирическому методу. Несмотря на неправильное понимание критиков, юнгианская психология является истинной наукой, а не философией или теологией. Во избежание путаницы в этом вопросе мы обязаны воспользоваться громоздким эмпирическим дескриптивным методом, который неизменно учитывает реальные проявления психического, несмотря на их путаницу и сложность. Для обеспечения общей ориентации я включил в эту главу схему, на которой показаны взаимосвязи различных образов с символом крови Христа.

2. СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРОВИ

Символ крови Христа имеет немало связей с древней философией и обрядами. Начиная с первобытных времен, кровь имела нуминозное значение. Кровь считалась местом пребывания жизни или души. Поскольку печень рассматривалась как масса запекшейся крови, душа располагалась в этом органе. Отождествление крови и жизни осуществляется естественно и неизбежно, поскольку жизнь покидает человека, когда он истекает кровью до смерти. Если в подземном царстве дать теням мертвых выпить крови, они на короткое время приобретают облик живых людей. Классический пример такого ритуала описан в рассказе о посещении Одиссеем подземного царства (Одиссея, книга XI). Кровь как субстанция самой жизни составляет самое ценное из того, что мог представить в своем воображении человек.

Кровь имела сверхличностное значение и, как считалось, должна была при надлежать только Богу. Поэтому в древности евреям запрещалось употреблять в пищу кровь. Во "Второзаконии" Иегова говорит: *"...кровь есть жизнь, поэтому не ешь жизнь вместе с мясом" (12:23). "...Кровь других жертв твоих должна быть проливаема у жертвенника Господа, Бога твоего..." (12:27).* Согласно Павсанию, жрицы Аполлона один раз в месяц ночью приносили ягненка в жертву и вкушали кровь для общения с Богом и для пророчеств? Поскольку кровь имела такие значения, она была наиболее подходящим даром для Бога. Этим объясняется широкое распространение кровавых жертвоприношений.

Кровь была божественной жидкостью, и поэтому считалось преступлением проливать кровь, кроме как во время жертвоприношений богам. Таким образом, кровь ассоциировалась с убийством и с наступающим после него чувством вины и ожиданием возмездия. Кровь рассматривалась как независимая сущность, которая требует отмщения подобно тому как кровь Авеля вопиет от земли (Бытие, 4:10). С точки зрения первобытного (т.е. бессознательного) мышления, суть состоит не в моральной предосудительности лишения жизни другого существа, а в чрезвычайной опасности вторжения в сферу такой мощной субстанции, как кровь. Она мстит за себя, подобно тому, как провод под высоким напряжением мстит за себя человеку, который по неосторожности или по незнанию схватит его рукой.

Итак, с психологической точки зрения, кровь олицетворяет жизнь души, сверхличностного источника, который имеет большую ценность и силу. К крови необходимо относиться с таким же благоговением, как и к Богу; поэтому любая попытка эго манипулировать кровью, присваивать ее себе или уничтожать ее для достижения личных целей приводит к возмездию или воздаянию. Пролитая кровь требует большего кровопролития для уплаты долга. Такое мышление служит иллюстрацией к закону сохранения психической энергии. Необходимо прожить определенную

психическую жизнь. Отказ в реализации психической жизни в одной области должен компенсироваться в другой сфере. Кровь должна быть пролита за кровь. Вытеснение, которое, в сущности, является внутренним убийством, невозможно утаить. Оно составляет преступление против жизни, за которое должна наступить расплата. По этому поводу Юнг говорит следующее:

"...Природа, по-видимому, таит недобрые чувства к нам... когда мы скрываем наши эмоции от наших близких... Соккрытие тайн и эмоций составляет психическое преступление, за которое природа, в конечном счете, насылает на нас болезнь".

Другая особенность древней символики крови состоит в концепции установления связи или заключения договора между божественными и демоническими силами и человеком. Соглашения с дьяволом подписываются кровью. Для того чтобы скрепить договор между Богом и человеком, должна пролиться кровь. "Кровь завета" упоминается в обряде, с помощью которого Иегова берет на себя обязательства по отношению к израильтянам:

"И написал Моисей все слова Господни и, встав рано поутру, поставил под горою жертвенник и двенадцать камней, по числу двенадцати колен Израилевых И послал юношей из сынов Израилевых, и принесли они всесожжения, и заклали тельцов в мирную жертву Господу. Моисей, взяв половину крови, влил в чаши, а другою половиною окропил жертвенник. И взял книгу завета, и прочитал вслух народу, и сказали они: все, что сказал Господь, сделаем, и будем послушны. И взял Моисей крови, и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих". (Исход, 24:4-8).

Здесь кровь служит своего рода клеем или связующим веществом. Половина крови используется для окропления Иеговы, символизируемого жертвенником, а другою половиною окропляется народ. Таким образом народ объединяется с Богом "в единой крови". Бог и народ приняли участие в совместном крещении, или *solutio*, которое объединяет их в некую общность.

Идея "крови завета" вновь возникает в "Новом Завете" и распространяется на кровь Христа. Точно так же, как и кровь жертвенных животных, проливаемая Моисеем, скрепляет старый завет между Богом и Израилем, так и кровь Христа, добровольно проливаемая Им Самим, скрепляет Новый Завет между Богом и человеком. Эта аналогия достаточно ясно выражена в девятой главе "Послания к евреям":

"И потому Он (Христос) есть ходатай нового завета, дабы призванные к вечному наследию получили обетование ...даже первый завет был утвержден не без крови. Ибо Моисей, произнеши все заповеди по закону пред всем народом, взял кровь тельцов и козлов с водою и шерстью червленою и иссопом, и окропил как саму книгу, так и весь народ, говоря: "это кровь завета, который заповедал вам Бог". Также окропил кровью и скинию, и все сосуды Богослужебные. Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения. И так образы небесного должны были очищаться сами, самое же небесное лучшими сих жертвами. Ибо Христос вошел не в рукотворное святилище, по образу истинного устройства, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие, и не для того, чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище каждодогдно с чужою кровью; иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира. Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею". (Евр., 9:15-26).

Этот отрывок показывает, каким образом происходит объединение древнееврейского мифа и ритуала платонической мыслью в процессе развития христианской символики крови Христа. Древнееврейская "кровь завета" считается "копией" подлинника и используется для окропления скинии Иеговы, которая является копией вечного неба. С психологической точки зрения, эта идея в сочетании с утверждением, что кровь Христа была пролита раз и на все времена, означает, что на архетипическом уровне коллективной психики произошла трансформация. Сам Бог претерпевает изменение, чтобы по инициативе Самости или Христа постоянно поддерживался скрепляющий, возрождающий поток, который соединяет человека с Богом, т.е. эго с Самостью.

В "Новом Завете" "кровь завета" становится кровью причастия. Эта связь устанавливается в рассказе о последней вечере: "И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов" (Матф., 26:27-28. См. также: Марк, 14:23-24 и Первое послание к Коринфянам, 11:25). Таким образом, ветхозаветный запрет пить кровь был отменен, по меньшей мере, для выполнения символических и ритуальных задач. Выпивание крови Христа становится средством укрепления связи между Богом и человеком.

У. Робертсон Смит сообщает важные сведения о крови как веществе, скрепляющем договор. По этому поводу он пишет следующее:

"Среди первобытных народов в различных формах встречается представление о том, что человек поглощает природу или жизнь другого живого существа, поедая его мясо или выпивая его кровь... Хорошо известно применение этой идеи в ритуале побратимства, который встречается во всех странах мира. В простейшем виде этот ритуал предполагает, что два человека станут братьями, когда вскроют свои вены и отведают кровь друг у друга. С этого момента их жизни составляют не две жизни, а одну... В древнеарабской литературе существует немало упоминаний о кровном договоре, где вместо человеческой крови используется кровь жертвы, умерщвленной в святилище.

...В более позднее время встречается представление о том, что для установления священного единства жизни между двумя людьми им достаточно отведать любую пищу, поскольку при совместной трапезе в их плоть и кровь входит одно и то же вещество; однако в древние времена это значение всегда приписывалось вкушению мяса священной жертвы, и возвышенная тайна ее смерти оправдывалась тем соображением, что только таким путем можно получить священное связующее вещество, с помощью которого создается и поддерживается живая связь между верующими и их Богом. Это вещество есть не что иное, как реальная жизнь священного животного данного клана, которая, как полагают, пребывает в его мясе и особенно в его крови; поэтому при ритуальной трапезе реальная жизнь священного животного фактически распределяется между всеми участниками трапезы, каждый из которых включает ее частицу в свою индивидуальную жизнь"

С психологической точки зрения, совместное причащение к либидо рождает чувство братства. Братьями по крови ощущают себя те, кто делают одно дело, преследуют одни цели, проходят сквозь одни и те же тяжелые испытания и придерживаются одних и тех же ценностей. Точно так же обстоит дело и во внутренней жизни индивида, когда в результате сознательного восприятия сильных аффектов эго обнаруживает существование Самости и устанавливает с ней связь. Либидонозная напряженность, символизируемая кровью, необходима для установления связи между одним человеком и другим и между человеком и Богом.

С учетом вышеприведенных соображений выпивание крови Христа при проведении католической мессы можно рассматривать как символическое отображение двойственного процесса установления прочной связи. Во-первых, каждый причастник устанавливает личную связь с Богом. Во-вторых, он психологически отождествляет себя с остальными причастниками в качестве части мистического тела Христа. Действие, при котором Христос (подобно пеликану) предлагает свою кровь в качестве питательного напитка, отображает положительный, материнский архетип, или скорее соответствующий элемент Самости. Это же значение необходимо приписать и символике чаши или потира, сгруппировавшейся вокруг крови Христа. В этой связи можно упомянуть интересный и необычный образ, использованный в апокрифических "Одах Соломона". В первых четырех стихах Оды 19 говорится следующее:

"Мне была предложена чаша молока, и я выпил ее, вкушая сладость восхищения Господом. Сын есть чаша, а тот, кто дал молоко, есть Отец. Святой Дух доил Его, потому что Его грудь была полна и Ему было необходимо освободиться от Своего молока. Тогда Святой Дух открыл Его грудь, смешал молоко из двух грудей Отца и дал эту смесь миру без ведома людей". Феноменологический факт, что Самость объединяет в себе как мужской, так и женский принцип, обычно теряет ясные очертания в каноническом материале из-за патриархальной необъективности большинства теологов. Поэтому необычность приведенного фрагмента состоит в том, что божеству приписываются чисто женские атрибуты. В эмпирическом психологическом материале, однако, Самость, как правило, находит выражение в амбивалентных или андрогинных образах.

В упомянутом тексте содержится замечательное изображение Троицы. С точки зрения символики причастия, молоко отождествляется с кровью Христа, которая есть кровь или молоко Отца, т.е. составляет отличительную или трансцендентную, недоступную для сознательного эго особенность Самости. Сын есть чаша, т.е. человеческое воплощение в личностной, временной жизни есть сосуд, который содержит и передает энергию архетипической жизни. Для реализации этой жизненной жидкости в ее существенной природе необходимо опорожнить чашу, ее личностный сосуд. Другими словами, из частных проявлений в конкретной, личной жизни индивида необходимо извлечь смысл архетипической жизни, которая обеспечивает связь между индивидом и его сверхличностным источником. В тексте сказано, что Святой Дух есть тот, кто осуществляет доение. Кроме того, его можно рассматривать и как само молоко. Это утверждение согласуется с другими описаниями Святого Духа и с заключением, к которому я в дальнейшем пришел: кровь Христа есть синоним Святого Духа.

Климент Александрийский использует аналогичный образ и отождествляет молоко Отца с Логосом:

"О, изумительная тайна! Нам велено отказаться от старой, плотской скверны, а также от старой пищи и перейти к новому, иному питанию, питанию Христа... Пища есть молоко Отца, которым только дети вскармливаются. Возлюбленный, тот, кто дает нам питание, Логос пролил свою кровь ради нас и спас человеческую природу. Веря в Бога, через него мы находим утешение и умиротворение на "заботливой груди" (Илиада, XXII, 83) Отца, который есть Логос. Он один, как это ему и подобает, кормит нас молоком любви (агапе), и блаженны лишь те, кто сосут эту грудь"ё

Следующие стихи Оды 19 свидетельствуют о том, что Логос есть не только молоко, но и семя:

"И те, кто восприняли (его) (молоко Отца), пребывают в полноте правой руки. Чрево богородицы восприняло (его), она зачала и родила: богородица стала великой, милосердной матерью".

С точки зрения древней психологии, женское начало способно превращать кровь в молоко, тогда как мужское начало способно превращать его в семя. Кровь, молоко и семя составляют разновидности одного, первичного вещества. Таким образом, мы приходим к концепции стоиков, согласно которой Логос сперматикос, творческое, оплодотворяющее Слово, соответствует творческой функции Слова, упомянутой в Евангелии от Иоанна (1:3): "Все чрез Него начало быть, и без Него ничего не начало быть".

Другим ветхозаветным прототипом крови Христа служит кровь пасхального агнца. В ту ночь, когда все первенцы в земле Египетской должны быть поражены ангелом мщения Иеговы, израильтяне получают повеление заколоть агнца без порока, взять от крови его и помазать на косяках и перекладинах дверей в своих домах. Далее Иегова говорит: "И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь, и я увижу кровь, и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую" (Исход, 12:13). В видении пророка Иезекииля упоминается использование Богом знаков, чтобы пометить тех, на кого не падет его гнев. Бог говорит человеку, одетому в льняную одежду, у которого при поясе прибор писца: "Пройди посреди города, посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих, вздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него, сделай знак" (Книга пророка Иезекииля, 9:4). Бог повелевает поразить всех, кто не имеет знака на челе.

Я привел это место из "Книги пророка Иезекииля" еще и потому, что фигура человека, одетого в льняную одежду, у которого при поясе прибор писца, очень уж напоминает фигуру, упомянутую в сновидении, описание которого будет в дальнейшем приведено. В этом сновидении "чернила" символизируют кровь Христа. Кровавая отметка на дверном косяке и отметка на челе в видении пророка Иезекииля суть отметки избранных Богом. Они защищены от кровавого гнева Божьего и от погружения в Красное море, что в символическом отношении одно и то же. В "Откровении Иоанна Богослова" (7:2-3 и 9:4) упоминается третий вариант этой темы: ангелы ставят печать на чело рабов Божьих числом 144000, чтобы отметить тех, кто спасется при всеобщем уничтожении.

Кровавое принесение в жертву Христа имеет немало аналогий с принесением в жертву пасхального агнца, чья кровь защищает израильтян от гнева Иеговы. Эти аналогии позволяют пролить свет на психологическое значение спасительной силы Христа. В "Исходе" сказано о том, что каждая семья египтян вынуждена принести в жертву первенца. Израильтяне были освобождены от этой обязанности только при условии принесения добровольной жертвы, чья кровь затем была продемонстрирована. Эта ситуация была вызвана жестокосердием фараона. Наступило нравственное оцепенение. Для того чтобы исправить существующее положение, должна пролиться кровь. Вещество, из которого состоит душа, необходимо привести в жидкое состояние, освободить от бесплодной окаменелости, чтобы жизнь и либидо вновь смогли свободно изливаться. Такая постановка вопроса тотчас позволяет заметить, что эти образы имеют непосредственное отношение к внутренней жизни индивида. Влечение к индивидуации, символизируемое Иеговой, требует трансформации, освобождения поработанных и вытесненных способностей. Наше египетское сердце должно уступить, иначе кровь будет извлечена силой. В той мере, в какой либидо, благо, даря жертвенной установке, добровольно переносится на выполнение сверхличностных задач, индивид избегает деструктивных

воздействий на личность, которые возникают, когда это противопоставляет свою волю требованиям всеобщности, Самости.

Христос, отождествляемый с пасхальным агнцем, был назван Агнцем Божиим (Agnus Dei). Кроме того, согласно объективной оценке символизма, Христос как первородный сын Божий отождествляется с принесением в жертву первенцев в земле Египетской. Насколько мне известно, в экзегетике отсутствует это заключение, хотя оно необходимо для полного осмысления мифа. Спасительная жертва всегда приносится при смешении настроений—смиренности, как у агнца, и непреклонности, как у фараона. В лучшем случае эго, подобно Христу в саду, согласно, хотя и неохотно, пойти на жертву.

О символике принесения в жертву агнца можно говорить бесконечно. Поскольку агнец символизирует невинность, смиренность и чистоту, он олицетворяет нечто такое, что мы меньше всего хотели бы убить. Эта тема нередко возникает в сновидениях. Например, у меня была пациентка с так называемым комплексом Иова или Ахава, который проявлялся в неиссякаемой обиде на Бога за то, что он позволил страдать юным и невинным. Однажды ей приснилось, что должны принести в жертву агнца. Она не могла вынести этого зрелища. В таком случае необходимо принести в жертву кроткую невинность детства, а именно, ожидание, что действительность подчиняется или должна подчиняться вселюбящему отцу. "Кровь агнца" должна быть извлечена из этой незрелой установки, чтобы дух благожелательности действительно воцарился в реальной жизни, но не в качестве пассивного требования инфантильного эго, а в качестве активной силы, мотивирующей сознательную личность. Принесение в жертву непорочной чистоты также предполагает осознание существования тени, которое освобождает индивида от идентификации с ролью невинной жертвы и от склонности проецировать злого палача на Бога или на соседа.

3. ХРИСТОС И ДИОНИС

Существует еще одно направление символических взаимосвязей, при которых кровь Христа сопоставляется с виноградом и вином Диониса. Первоначальное упоминание об этом содержится в Евангелии от Иоанна, где Христос говорит о себе: "Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой— Виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода... Я есмь Лоза, а вы ветви" (15:1 -5). Остается сделать лишь небольшой шаг, чтобы придти отсюда к отождествлению Христа с виноградом, который давят, чтобы получить вино. Поэт XVII века Генри Воон отобразил эту взаимосвязь в своих стихах, посвященных Страстям:

Благословенна виноградная Лоза!

Чей сладостный сок

Я ощущаю как Вино,

Но твои прекрасные ветви

Как бы расцвели от гордости,

Что доставили мне наслаждение.

Чудо в Кане Галилейской, когда вода превратилась в вино, позволило присвоить Христу эпитет "виноградаря" (Иоан., 2:1) и провести аналогию между вином и обитающим в нем духом и "живой водой", которую Христос предложил самарянке (Иоан., 4:10). Термин "вода жизни" или "эликсир жизни" (elixir vitae) впоследствии употреблялся алхимиками. В галерее музея Метрополитен хранится чаша Антиоха, которая датируется приблизительно IV веком новой эры. На ней изображен Христос в окружении гроздьев винограда (рис. 48 и 49). По этому поводу Юнг говорит следующее:

"Чудо превращения воды в вино в Кане имеет аналогию с чудом в храме Диониса. Знаменательно, что на дамасской чаше Христос изображен восседающим на троне, увитом побегами виноградных лоз, подобно Дионису".

Дионис и вино составляют неоднозначный символ. Как писал персидский поэт Омар Хайям, Дионис способен вызывать вдохновение, экстаз и благодатное преображение сознания:

Вино способно с абсолютной логикой

Опровергнуть противоположные мнения 72 сект.

Независимый алхимик способен в мгновение ока

Превратить свинец в золото. Платон описывает в "Республике" (II, 363 C) бытовавшее в его время представление о том, что в загробной жизни для праведных уготовано место в раю. Боги "ведут их в дом Гадеса ...и устраивают пир для святых. Увенчанные венками, они возлежат на диванах и проводят время, наслаждаясь вином, как будто высшая награда за добродетель состоит в постоянном опьянении".

В "Вакханках" Еврипида приводится замечательное изображение чудодейственного потока флюидов жизни, возникающих во время празднеств, устраиваемых жрицами Вакха:

Одна из них поднимала жезл и ударяла в скалу,

И тотчас появлялась резвая струя сверкающей воды.

Другая погружала свой тирс в земную грудь,

И появлялся фонтан красного вина, посланного ей Богом.

Они нажимали кончиками пальцев дерн, и из земли появлялись

Родники молока, и с тростниковых жезлов, увенчанных плющом,

Стекал по каплям сладкий мед.

Но дионисийские оргии могли принимать и необузданный, ужасающий характер, когда безумные менады разрывали на части все живое, встречавшееся на их пути. Такова была участь Орфея и Пентея. Вызывают чувство ужаса чудовищные преступления, которые совершаются, когда эго не поддается инфляции в результате идентификации с властью коллективного бессознательного. Вспомните, например, средневековые аутодафе, которые устраивались опьяненными кровью Христа священнослужителями, которые непоколебимо верили в свою праведность.

Страшный аспект символизма вина получает дальнейшее развитие в изображении гроздьев гнева Бога. В "Откровении Иоанна Богослова" мы читаем:

"Пусти острый серп твой и обрежь грозди винограда на земле, потому что созрели на нем ягоды. И поверг Ангел серп свой на землю, и бросил в великое точило гнева Божия. И истоптаны ягоды в точиле за городом, и потекла кровь из точила..." *"Ма Гнев Божий есть точило, которое извлекает вино из винограда, но это вино, как свидетельствует Иоанн Богослов, может быть "...вином ярости гнева Его (Бога)" (16:19).*

Аналогичное изображение ярости встречается и в Книге пророка Исайи

(63:1-3):

"Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора, столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей?... Отчего же одеяние Твое красно, и ризы у Тебя—как у топтавшего в точиле?" *Иегова отвечает: "Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моем и попирал их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Свое".*

Отцы Церкви считали, что здесь речь идет о страдающем Мессии.¹⁴ По их мнению, *"тот, кто появляется "красным" из "точила", есть не кто иной, как Наш Господь Иисус Христос, ибо ...этот вопрос задали Ему ангелы в день Его триумфального вознесения"*.

В "Книге пророка Исайи" сказано, что фигура в кровавых ризах есть Иегова, запятнанный кровью своих врагов. Любившие аналогии Отцы Церкви отождествляли фигуру в кровавых ризах с Христом, запятнанным своей кровью. Для Иеговы кровь его врагов становится его собственной кровью.

Древнеегипетские жрецы отождествляли вино с кровью врагов Бога.

Согласно Плутарху:

*"...они не пили вино и не употребляли его в возлияниях, как нечто приятное богам, ибо считали его кровью тех, кто некогда сражался против богов. Они верили, что из падших и смешавшихся с землей врагов произросли виноградные лозы. Опьянение лишает разума людей, поскольку они тогда наполняются кровью своих предков".*¹⁶ В психологическом отношении эта идея интересна как описание воздействий коллективного бессознательного: человек наполняется кровью своих предков. В этом же духе Юнг описывал свое восприятие бессознательного. По поводу непреодолимого желания понять психическое он говорит следующее: *"Быть может, этот вопрос занимал мысли моих предков, и они не могли найти ответ на него... А может быть, это непоседливый Вотан-Гермес моих германских и франкских предков задает нам столь сложные загадки?"*

В Ветхом Завете есть еще одно место, которое имеет непосредственное отношение к Христу (Бытие, 49:10-12):

"Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель ...он моет в вине одежду свою, и в крови гроздов одеяние свое. Красны очи его от вина, и белы

зубы от молока". Согласно иудейско-христианской традиции, "Примиритель" указывает на Мессию.

В приведенном фрагменте из Ветхого Завета изображен насытившийся вином правитель с красным лицом, некий источник, наполненный до краев жизненными соками. Красные очи и белые зубы указывают на объединение противоположностей, которое позднее было использовано в алхимии в виде объединения красного мужчины и белой женщины. Связь этого фрагмента с Христом предполагает существование и другой связи - между ним и Дионисом. "Красные от вина" очи - это глаза Диониса, опьяненного от избытка крови или жизненной энергии. Здесь ярко изображен сангвинический или полнокровный темперамент. Такое изображение появляется в сновидении пациента перед повышением уровня психической энергии. Пациенту приснился следующий сон:

"Там находилась женщина, у которой кровь была настолько красной, что ее можно было увидеть под кожей. Она прожила полнокровную жизнь, используя каждую возможность для наслаждения". Представленную в сновидении фигуру можно рассматривать как уменьшенный вариант красноглазого правителя, который моет свое одеяние в воде жизни.

Алхимики использовали символику винограда и вина для изображения сущности жизни, составлявшей цель алхимического процесса. Алхимическую деятельность ("опус") называли "сбором винограда". В одном из трактатов сказано: "Дави виноград". В другом: "Наш огонь составляют кровь человеческая и красный сок винограда". Вино служит синонимом aqua regumens. Гермес, главный бог алхимиков, назван "сборщиком винограда", а вода мудрецов—"виноградными гроздьями Гермеса", Uvae Hermetis.

Вообще говоря, изображение вин в сновидениях придает аналогичное значение использованию этого символа в алхимии. Кроме того, он нередко ассоциируется с кровью Христа. Например, молодому человеку, обнаружившему в себе склонность к непродуктивному или расточительному использованию своей индивидуальной сущности, приснилось, что он налил себе немного вина. Знакомый (теневая фигура) взял вино и вылил в водопроводную раковину. Возмущенный сновидец сказал знакомому, что тот перестарался, и больше не осталось вина. С помощью этого сновидения была установлена связь с кровью Христа, которая ассоциировалась у сновидца с мыслью о том, что нельзя выливать в раковину освященное вино, которое остается после причастия.

4. ИЗВЛЕЧЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Христа иногда изображают в виде винограда, который подвергается давлению в давальном прессе. Например, на гравюре по дереву XV века изображен Христос в давальном прессе. Кровь стекает из его груди в чашу, откуда направляется в виде нескольких потоков в различные сферы человеческой деятельности. На этом изображении божественная жертва освобождает энергию для поддержания повседневной жизни человека. Самость поддерживает существование эго. Эта идея диаметрально противоположна древней концепции, согласно которой человек должен совершать жертвоприношения, чтобы кормить богов, т.е. эго должно поддерживать существование Самости. Замечательной иллюстрацией к последней мысли служит ацтекская картина, на которой показано, как поток крови льется из жертвы в рот бога солнца.

С психологической точки зрения, оба процесса действуют в различные периоды психической жизни индивида. В одни периоды сверхличностная всеобщность должна питаться жертвенной кровью эго. В другие периоды эго не способно выжить без жертвенной крови Самости. Двойственная природа процесса обеспечения психической жизни нашла отражение в христианском символизме. В мифе сказано, что Христос есть и Бог, и человек, т.е. и Самость, и эго. С точки зрения ритуала жертвоприношения, он является одновременно и жрецом, осуществляющим жертвоприношение, и жертвой. Эта мысль подчеркнута в другом отрывке из Послания к Евреям: "Но Христос, Первосвященник будущих благ, пришед с большею и совершеннейшею скинею, нерукотворенною то есть, не такового устройства, и не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление. Ибо, если кровь тельцов и козлов и пепел телицы чрез окропление освящает оскверненных, дабы чистое было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочному Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!" (9:11-14). В этом отрывке Христос одновременно выступает и в роли жреца, приносящего жертву, и в роли жертвы. Он есть та сила, которая извлекает из него спасительную кровь. Аналогичное изображение встречается и в "Видениях Зосимы":

"Я есть Ион, жрец внутренних святилищ. Я обрекаю себя на невыносимые страдания... пока не замечу благодаря преобразению тела, что я превратился в дух..." и даже когда он так говорил, а я силой удерживал его, чтобы он поговорил со мной, его глаза стали как кровь".

Далее сказано следующее:

"Это жрец внутренних святилищ. Он превращает тела в кровь, делает глаза ясновидящими и воскрешает мертвых".

Об этом видении Юнг говорит следующее:

"Это видение показывает, что основная цель процесса трансформации состоит в одухотворении жреца, осуществляющего жертвоприношение: он должен превратиться в дух (пнеума)..."

Все видения указывают на тождественность жреца и жертвы. Вся алхимия, от начала и до конца, проникнута идеей единства первичной (prima) и конечной (ultima) материи (materia), того, что спасает, и того, что спасается".

Мысль о том, что Христос приносит себя в жертву ради извлечения или выявления своей духовной сущности, нашла отражение в тех местах Священного Писания, где речь идет о приходе Параклета. В "Евангелии от Иоанна" (16:7) Христос говорит своим ученикам: "Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель (Параклет) не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам". В главе ХТV "Евангелия от Иоанна" о Параклете сказано следующее: "Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя (Параклета), да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет" (Иоан., 14:16,17). Далее о нем сказано следующее "Сие сказал Я вам, находясь с вами, Утешитель же (Параклет), Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему..." (Иоан., 14:25,26).

В определенном смысле Параклет синонимичен крови Христа. Каждый из них представляет результат жертвы Христовой. Каждый из них составляет лишенную телесной оболочки реальную

сущность, которая проявляется только при условии утраты конкретной, определенной формы Христа. Из описания Параклета в Евангелии от Иоанна явствует, что его можно рассматривать как индивидуального, внутреннего руководителя, который придет на смену историческому, догматическому Христу. Он олицетворяет "внутреннего Христа" Мейстера Экхарта или, если употребить психологическую терминологию, путь индивидуации.

Ожесточенные средневековые споры показали, что связь между Христом и Его кровью ставит ряд важных вопросов. Между доминиканцами и миноритами состоялся теологический диспут по поводу крови Христа, пролитой во время Страстей Господних. Минориты утверждали, что кровь Христа утратила связь с Его божественной природой, тогда как с точки зрения доминиканцев, эта связь не прервалась. В конечном счете, папа Пий II запретил обеим сторонам продолжать обсуждение этого вопроса.

При психологическом подходе к рассмотрению таких, на первый взгляд, бесплодных интеллектуальных споров в них можно обнаружить богатый символический смысл. В данном случае проблема, по-видимому, состоит в том, возможно или невозможно извлечь полный архетипический смысл из его конкретного воплощения в мифе о Христе и в церкви, основанной на этом мифе. Другими словами, возможно ли исследовать с чисто психологических позиций нуминозные энергии психического, не отдавая предпочтения определенной религии или вероисповеданию. Для нас ответ очевиден; но в средние века постановка на сознательном уровне этого вопроса выглядела бы революционной.

Процесс жертвоприношения составляет тот способ, с помощью которого извлекается кровь Христа. Психологические значения жертвоприношения довольно сложны. Более подробно они рассмотрены Юнгом в эссе "Символизм трансформации в мессе". Для непосредственных целей нашего исследования я хотел бы отметить, что ситуация жертвоприношения включает в себе, по меньшей мере, четыре варианта развития, в зависимости от того, кто совершает жертвоприношение, что приносится в жертву и ради кого приносится жертва. Эти четыре варианта можно представить в следующем виде:

Извлечение с помощью жертвоприношения

Жрец		Жертва	Ради блага
1. Бог	приносит в жертву	человека	Бога
2. Бог	приносит в жертву	Бога	Человека
3. Человек	приносит в жертву	Бога	Человека
4. Человек	приносит в жертву	человека	Человека и бога

1. Бог приносит в жертву человека. Этот вариант соответствует всем формам жертвоприношения в древности. От имени Бога жрец приносит в жертву животное (первоначально человека), символизирующее человека. Движение идет от человеческого к божественному, т.е. за счет

человеческой сферы расширяется божественная сфера. Это означает, что эго переполнено, а сверхличностный мир незаполнен. Равновесие восстанавливается посредством принесения в жертву эго ради Самости.

2. Бог приносит в жертву Бога. Этот вариант соответствует всем тотемистическим трапезам в той мере, в какой они проводятся в качестве священного ритуала и, следовательно, при содействии Бога. Замечательным примером служит католическая месса, во время которой священник олицетворяет Бога как субъекта жертвоприношения, а хлеб и вино—Бога как объекта жертвоприношения. В этом случае движение направлено от божественного к человеческому, указывая на относительную незаполненность эго (нищету духа), которая требует постоянной подпитки из сферы сверхличностного коллективного бессознательного.

3. Человек приносит в жертву Бога. Этот вариант не имеет конкретного религиозного отображения, поскольку, в сущности, носит светский или личностный характер. Он соответствует оттоку энергии и ценностей из сферы сверхличностных категорий для удовлетворения потребностей сознательного эго. К числу мифологических примеров относятся похищение огня Прометеем и первородный грех Адама и Евы. Строго говоря, слово "жертвоприношение" неприменимо в данном случае, так как здесь речь идет не столько о сакрализации, сколько о десакрализации. Тем не менее, во время эмпирических перипетий психологического развития, когда такой шаг необходим, опыт оправдывает употребление слова "жертвоприношение" для описания неохотного расставания со старыми формами бытия. В действительности здесь имеет место величайшая из всех жертв, которая, согласно мифам, обходится весьма дорогой ценой. В истории культуры эта Стадия представлена атеистическим материализмом. Движение энергии направлено от божественного к человеческому и таким образом относится к психологическому состоянию, которое требует увеличения сознательной автономии.

4. Человек приносит в жертву человека. Четвертый тип жертвоприношения составляет гипотетический идеал и только начал обозначаться как возможность для человеческого понимания. Эго приносит в жертву эго для достижения двойной цели—развития самого эго и осуществления его сверхличностного предназначения. Поскольку человек одновременно выступает в роли посредника и пациента, сознательная процедура мотивируется не бессознательным архетипическим влечением, а сознательным взаимодействием с влечением к индивидуации. На сознательном человеческом уровне разыгрывается то, что служило прообразом на божественном, архетипическом уровне в самопожертвовании Христа. Согласно Хризостому, Христос первым отведал своей плоти и крови. Затем это деяние стало моделью для эго, достигшего достаточно высокого уровня сознательности, чтобы понять его значение. Юнг описывает это значение следующим образом:

"Для устранения проецируемого конфликта эго необходимо вернуть в сферу психического индивида, в которой находятся его бессознательные истоки. Он должен отслужить тайную вечерю наедине с собой и отведать своей плоти и крови. Это означает, что он должен распознать и признать существование другого в себе... Ибо если вы должны терпимо относиться к себе, тогда как вы сможете терзать других?" Нойманн описывает следующим образом результаты воздействия индивидуальной ассимиляции на коллектив:

"...Предварительная ассимиляция, которую ...(индивид) осуществляет в процессе ассимиляции своей тени, одновременно превращает индивида в орудие иммунизации коллектива. Тень

индивида неизменно связана с коллективной тенью и поэтому при ассимилировании индивидом своего зла происходит ассимилирование частицы коллективного зла".

Аналогичным образом описывается алхимический процесс циркуляции (circulatio), который происходит в колбе (пеликан или флегма). По этому поводу Юнг говорит следующее:

"В древнем образе уробороса содержится идея самопожирания и превращения себя в циркуляционный процесс... В то же время этот процесс "обратной связи" служит символом бессмертия... (Он) символизирует Единое, которое возникает из столкновения противоположностей. (Эти алхимические символы хранились втайне) его внутренняя связь с тайной веры сознавалась адептами, для которых обе тайны были тождественны".

5. АТТРИБУТЫ КРОВИ ХРИСТА

В Священном Писании упоминаются совершенно определенные характеристики крови. Мы уже отмечали ее связующие и укрепляющие свойства, с помощью которых человек устанавливает и укрепляет связь с Богом. Кроме того, кровь Христа "омывает от грехов" (Первое послание Иоанна, 1:7 и Откровение Иоанна Богослова, 1:5), т.е. освобождает индивида от бессознательного чувства вины. Кровь Христа также освящает (Послание к Евреям, 13:12), что, с психологической точки зрения, предполагает внедрение священного или архетипического в сферу личностного сознания. Она называется драгоценной (Первое послание апостола Петра, 1:19), т.е. включает и себе высшую ценность. В католическом календаре дата 1 июля помечена как "Праздник Драгоценной Крови нашего Господа Иисуса Христа".

Основное свойство крови Христа заключается в ее способности искупать грехи и спасать души. Об этом свидетельствуют следующие фрагменты из Священного Писания:

"В Нем мы имеем искупление Кровию Его..." (Ефес, 1:7) "...в Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов" (Послание к Колоссянам, 1:13-14). "...Ты был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу..." (Откровение Иоанна Богослова, 5:9).

В популярных молитвенниках и служебниках эта тема получила широкое распространение. Например, в известном католическом молитвеннике, наряду с иллюстрациями к некоторым христианским догматам, содержится интересная репродукция картины, на которой изображена искупительная сила крови Христа (рис.52).

В верхней части картины изображен Христос на кресте в окружении концентрических кругов радиального распространения света. Слева атрибуты крови Христа. Кровь Христа спасает души из чистилища. Слева от него расположена луна, а справа—солнце. Ангел держит в руке чашу, в которой собирается струя крови, вытекающая из его (Христа) левого бока. В нижней части картины изображены души, подвергающиеся мукам в чистилище. При попадании крови Христа на мучеников они испытывают облегчение и освобождаются от пламени. С психологической точки зрения чистилище символизирует состояние идентифицированности с вожделениями и яростью, которая вспыхивает, подобно огню, когда желание не находит удовлетворения. Спасительную кровь Христа можно рассматривать как носителя сознания, который, проистекая из Самости, позволяет индивиду шире взглянуть на вещи, понять архетипический смысл существования и освободиться от узко-персоналистической ограниченности это. Другими словами, на картине показаны два вида страдания: в верхней части—крестное страдание, а в нижней части—

бессмысленное страдание. Оба вида страдания в равной мере мучительны, но первый вид страдания носит добровольный характер (признается сознанием) и поэтому порождает драгоценный поток жизни.

Еще одно важное свойство крови Христа состоит в ее способности умиротворять и примирять непримиримые противоположности. В "Послании к Колоссянам" (1:20) апостол Павел говорит:

"...чтобы посредством Его примирить с Собой все, умиротворив чрез Него, Кровию креста Его, и земное и небесное". В "Послании к Ефесянам" говорится следующее:

"А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Крови Христовой. Ибо Он есть мир наш, сделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем" (2:13-16). Здесь ясно показана особенность Самости как примирительницы противоположностей. По мнению Юнга, этот фрагмент оказал влияние на формирование у алхимиков концепции Меркурия как миротворца, примирителя противоположностей и создателя единства. По аналогии с кровью Христа Меркурий воспринимается как "духовная кровь". Кроме того, Меркурий соответствует Святому Духу, обеспечивая еще одну связь между ним и кровью Христа.

Вино Диониса имеет общие свойства с кровью Христа—примирение и приобщение святых тайн. Мне повстречалось описание сновидения, которое служит замечательной иллюстрацией к нашему утверждению о двух свойствах крови Христа. Этот сон приснился молодому священнику. Сновидение (краткое описание):

"Мне предстоит отправлять обряд причащения. В ризнице, которая выглядит как кухня, необходимо приготовить вино для причастия, смешав два различных вида вина—темно-голубое вино и красное. Красное вино находится в бутылке с желтой наклейкой, похожей на наклейку бутылки шотландского виски, на которой написано имя "Павел". За круглым столом сидят два человека. Один из них член левой партии, а другой - правой. До сих пор они соблюдали правила приличия. Но теперь начали проявлять враждебность по отношению друг к другу. Я предлагаю разрешить проблему на уровне пищеварения. В этот момент сцена затемняется, как во время театрального спектакля, и красно-желтый прожектор высвечивает небольшой стол, расположенный между двумя мужчинами. На столе стоит бутылка теплого красного вина с наклейкой от бутылки шотландского виски и с отчетливой надписью "Павел". Наступает полная темнота и раздается звон бокалов, которые, по-видимому, разбились. Смысл этого звука очевиден. Я думаю, что во время беседы они выпили красное вино, подружились, опьянели, уснули и уронили бокалы. Эта мысль доставила мне эстетическое наслаждение и вызвала чувство тревоги по поводу того, что необходимо приступить к богослужению, и теперь у нас нет необходимых ингредиентов для приготовления вина причастия". В сновидении содержится интересное изображение двух вин—голубого и красного, которые, вероятно, символизируют двух отдельных духов— Логоса и Эроса. Сновидение показывает, что сновидец достиг "малой конъюнкции", примирения с тенью, но "большая конъюнкция", символизируемая причащением святых тайн с помощью обоих вин, пока не может состояться.

Иногда регрессивное устранение и сознательное примирение различий путаются или смешиваются друг с другом. Кровь или вино Христа и Диониса способны вызывать и устранение, и

примирение. Устранение или примирение различий обычно воспринимается как состояние блаженства, которое прекрасно изобразил Ницше в описании дионисийского принципа:

"Под чарами Дионисийского не только вновь скрепляется союз между человеком и человеком, но и природа, отчужденная, враждебная и покоренная, вновь празднует свое примирение с потерянным сыном, человеком. Земля свободно предлагает свои дары, и хищные животные мирно приходят из пустынных и горных районов. Колесница Диониса украшена цветами и гирляндами; она запряжена тиграми и пантерами. Представьте "Оду радости" Бетховена в виде картины, пусть в вашем воображении неисчислимые толпы преклонятся, преисполнившись благоговения, и тогда вы приблизитесь к Дионисийскому. Теперь раб стал свободным; теперь рухнули преграды непримиримости и враждебности, которые были установлены между человеком и человеком необходимостью, капризом и "бесстыдными условностями". Теперь, когда появилось евангелие всеобщей гармонии, каждый чувствует не только воссоединение и примирение со своим ближним, но и свою нераздельность от него, как если бы сорван был покров майи и его обрывки трепетали перед таинственным, предвечным единством.³² Как уже отмечалось, кровь Христа синонимична Логосу. В "Евангелии от Иоанна" сказано, что Логос есть свет: "В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков" (1:4). Замечательное описание крови Христа как света содержится в гностическом трактате "Пистис София" (Pistis Sophia). Между прочим, и трактате упоминаются и другие, связанные с кровью Христа, образы, на которых мы уже останавливались. Заставив учеников подняться с ним на небо, Иисус показывает им прекрасную картину:

"Иисус сказал им: "Поднимите взор свой и рассмотрите то, что увидите" И они подняли свой взор и увидели настолько величественный и прекрасный свет, что ни один человек в мире не смог бы описать его. И вновь сказал он им: "Отведите взор свой и рассмотрите то, что увидите".

Они сказали: "Мы видим огонь, воду, вино и кровь". Иисус сказал своим ученикам: "Аминь, говорю вам: ничего не принес я в этот мир, кроме этого огня, этой воды, этого вина и этой крови. Я принесу воду, и огонь из сферы Света светил Сокровищницы Света. Я принес вино и кровь из сферы Барбело (небесной Матери, или женского Логоса). И спустя немного времени мой отец послал мне Святого Духа, который походил на голубя".

"Огонь, вода и вино предназначены для очищения всех грехов мира. Кровь же должна свидетельствовать о могуществе незримого бога по причине человеческого тела, которое я получил в сфере Барбело. Дыхание же движется ко всем душам и ведет их к сфере Света". По этой причине говорю я вам: "Я пришел, чтобы предать огню землю Это значит, что я пришел очистить огнем грехи всего мира". По этой же причине я взял чашу вина, благословил ее, дал вам и сказал: "Это есть кровь завета, которая будет изливаться для вас ради прощения грехов ваших".

И по этой причине они воткнули копье мне в бок и оттуда появились вода и кровь.

Таковы тайны Света, которые прощают грехи. Другими словами, таковы названия и имена Света".

6. СВЯЗИ КРОВИ ХРИСТА С АЛХИМИЕЙ

Между кровью Христа и символизмом алхимии существует немало связей. В алхимии слово "кровь" употребляется для описания результата экстрагирования. В одном из алхимических трактатов сказано следующее "...поэтому необходимо снести дом, разрушить стены, извлечь оттуда чистейший сок с кровью и приготовить..." Юнг объясняет это место следующим образом: "...эти наставления характеризуют типичную алхимическую процедуру извлечения духа или души, доставляя в сферу сознания бессознательные содержания". Нередко упоминается и кровь дракона или льва. В древности дракон и лев олицетворяли проявления Меркурия в виде страсти и вожделения, которые необходимо подвергнуть экстрагированию и трансформации. В древней мифологии упоминается кровь кентавра Несса, который был убит Гераклом за попытку изнасиловать его супругу Деяниру. Эта кровь способна вызывать эротическую страсть. Когда Деянира преподнесла Герклу тунику, пропитанную кровью Несса, чтобы привлечь его внимание к себе, она вызвала невыносимые страдания, которые закончились лишь на погребальном костре. Таким образом, как и Меркурий, способный губить или исцелять, таинственная субстанция, символизируемая кровью, способна либо вызывать страсть, гнев и пламенные муки, либо приносить спасение, и зависимости от установки и состояния эго, воспринимающего эту субстанцию

Символ крови объединяет в алхимическом процессе две различные операции —растворение (solutio) и кальцинирование (cattinatio). Вода и жидкость (флюид) входят в состав сложного символа растворения. Таким образом, кровь как жидкость связывается с растворением. В то же время кровь ассоциируется с теплотой и огнем и поэтому относится к сфере кальцинирования. Кровь как союз огня и воды объединяет противоположности. Косвенное указание на двойственность этого состояния содержится в Евангелии от Луки (19:34): "...Один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода". Здесь нашел отражение мотив воды и огня, затронутый в словах Иоанна Крестителя: "Я крещу вас в воде и покаянии, но Идущий за мною сильнее меня... Он будет крестить вас Духом Святым и огнем" (Матф., 3:11). Вода растворяет и соединяет различные вещи в объединяющей среде. огонь имеет несколько различных смысловых уровней. Он может символизировать силу влечения, тепло любви или вдохновение Духа Святого. В различных контекстах он может относиться либо к Эросу, либо к Логосу. Краснота связывает кровь со всеми значениями красного цвета и с самим красным цветком, розой. В следующих строках автор "Рубайят" устанавливает связь между кровью и розой:

"Иногда я думаю, что роза нигде не цветет таким красным цветом,

Как там, где пролита кровь погребенного Цезаря". (Стих XLX).

Термин "Красное море" употребляется в алхимии в связи с настойкой или эликсиром, приготовленным на философском камне. Это связано с тем, что Отцы Церкви отождествляли с кровью Христа Красное море, в котором символически крестились христиане. Красное море позволило израильтянам пройти через него, но утопило египтян. Юнг обратил внимание на гностическое толкование этого образа, отметив, что "Красное море символизирует воду смерти для "бессознательных" и воду крещения, возрождения и трансцендентальности для "сознательных". Погружение в субстанцию Самости приносит освобождение или разрушение, в зависимости от установки эго. Геракл не выдержал погружения в Красное море.

На другом берегу Красного моря израильтян ждали пустыня и откровение Иеговы на Синае. Таким образом, при первой встрече с Самостью индивид испытывает чувства одиночества и отъединенности от других. По поводу этого переживания Юнг говорит следующее: "Каждый, кто осознан хотя бы частицу своего бессознательного, выходит за пределы своего времени и социальной среды, погружаясь в одиночество... Но только в одиночестве происходит встреча с "богом спасения", и опасность приносит избавление".

Кровь Христа тесно связана с elixir vitae (эликсир жизни) или aqua permanens (вода долголетия) алхимиков, который в действительности представлял собой жидкость, полученную с помощью философского камня. Ясные указания на эту связь нередко встречаются в алхимических трактатах. С учетом наших исторических знаний мы могли бы утверждать, что алхимики считали кровь Христа прообразом эликсира, полученного из философского камня, подобно тому, как христиане рассматривали ветхозаветную "кровь завета" как прообраз крови Христа.

В одном из алхимических трактатов сказано следующее: "Ибо точно так же, как и философский камень, этот Царь Химии, способен с помощью своей настойки и совершенства превращать другие, не совершенные, грубые металлы в чистое золото, наш Небесный Царь и Краеугольный Камень, Иисус Христос, способен один очищать нас, грешных и несовершенных людей, с помощью Своей Благословенной руби новой Настойки, т.е. Своей Крови, от всей нашей врожденной скверны и нечистоты и полностью исцелять опасную болезнь нашей природы..." Далее в трактате говорится следующее:

"Ибо точно также, как и философский камень входит с помощью своей настойки в нерасторжимое соединение с другими металлами, так и Христос, наш Предводитель, с помощью рубиновой настойки из Своей Крови находится в постоянном общении со всеми Своими членами и, уплотняя Свое Тело, строит совершенное, духовное здание в праведности и истинной святости по подобию Божию. Итак, возрождение, которое осуществляется при крещении через деяния Святого Духа, есть не что иное, как внутреннее, духовное обновление падшего человека, с помощью которого мы становимся друзьями Бога, а не врагами..." Герхард Дорн приводит еще один интересный трактат, в котором говорится следующее:

"(Философы) называли свой камень живым, потому что при проведении заключительных операций под воздействием возвышенного таинственного огня из материала и сосуда выделяется темно-красная жидкость, подобно каплям кровавого пота, и по этой причине они пророчествовали, что в последние дни на землю придет непорочный (истинный) человек, через которого мир станет свободен, и будет его пот, как капли крови розового или красного цвета, через которые мир спасется от своего грехопадения. Точно так же и кровь из камня освободится от больных проказой металлов, и люди освободятся от своих болезней... и вот по этой причине камень называется живым. Ибо в крови этого камня сокрыта его душа... По такой же причине они называли его своим микрокосмом, ибо он содержит копии всех вещей мира, и поэтому они говорят, что он живой, подобно тому, как Платон называет микрокосм живым".

Камень, выделяющий кровавый пот, имеет несомненное сходство с Христом в Гефсиманском саду: "И находясь в борении, прилежнее молился; и был пот Его, как капли крови, падающие на землю" (Лук, 22:44). С психологической точки зрения это означает, что экстрагирование воды долголетия (aqua permanens) сопровождается психическими страданиями и конфликтами. Как отмечал Юнг, "...каждое достижение человека проистекает из страдания души..."⁴¹ Само по себе

страдание не имеет ценности. Экстрагировать спасительный флюид способно только то страдание, которое получило одобрение на сознательном уровне и поэтому преисполнено смысла. Терпимое отношение индивида к своим внутренним противоречиям и признание правомерности существования своей тени вместо проецирования ее на других приводит индивида к трансформации личности. Юнг дает следующее толкование трактату Дорна: "Поскольку камень олицетворяет *homo totus* (всего человека), Дорн поступает последовательно, упоминая *putissimus homo* (истинного человека) при рассмотрении таинственной субстанции и ее кровавого пота, ибо в этом и состоит вся суть. Он заключает в себе тайну, а камень и его аналогия или прототип олицетворяют Христа в Гефсиманском саду. Этот "самый непорочный" или "самый истинный" человек, должно быть, именно таковым и является, подобно тому, как *argentum putum* является чистым серебром; он должен быть абсолютно человеческим, т.е. человеком, которому ведомо все человеческое и который обладает всеми человеческими качествами и в то же время не подвержен воздействию внешней скверны. Этот человек придет на землю только "в последние дни". Он не может быть Христом, ибо Христос своею кровью уже спас мир от последствий грехопадения... Здесь речь идет не о будущем Христе и *sal-vator microcosmi* (спасителе микрокосма), а об алхимическом *senator cosmi* (хранителе космоса), который олицетворяет пока неосознанную идею целостного, совершенного человека и осуществит то, что оставила незавершенным жертвенная смерть Христа, а именно, освобождение мира от зла. Как и Христос, он будет выделять в виде пота спасительную кровь, но она ...будет иметь "розовый цвет", т.е. это будет не естественная или обычная кровь, а символическая кровь, психическая субстанция, проявление некоторой разновидности Эроса, объединяющей индивида и неисчислимое множество людей под знаком розы и обеспечивающей их целостность..."

7. СОВРЕМЕННЫЕ СНОВИДЕНИЯ

Сновидения пациентов, проходящих курс психотерапии, свидетельствуют о том, что в современной психике действует символ крови Христа. В качестве примера мы приведем описание сна, приснившегося молодой домохозяйке, чья личностная и женская идентичность была в значительной мере вытеснена в результате деспотичного, травмирующего отношения к ней в детстве. Она, несомненно, обладала творческими дарованиями, которые вплоть до появления этого сна оставались абсолютно нереализованными. Этот сон приснился ей вскоре после начала психотерапевтических консультаций.

"Некая фигура, ангел, с белым одеянием на коленях склонилась над письмом. Ее правая рука лежит на овальном песочного цвета камне, установленном посреди молодой травы. Она пишет кровью, которая содержится в сосуде. Этот сосуд держит в руках мужская фигура, расположенная справа от нее. Она держит сосуд в левой руке". После этого сна пациентка передала его содержание на рисунке. На рисунке ангел изображен в виде большой белой птицы, которая пишет своим клювом. Человек, который держит в руке чашу с кровью, представляет собой бородатую фигуру, одетую в рясу священника и, несомненно, олицетворяет Христа. Хотя это сновидение и не вызвало у пациентки ассоциаций личного характера, она отметила, что человек напомнил ей Христа, а птица—Святого Духа.

Приведенное сновидение, несомненно, имеет огромное значение и отражает глубокий процесс, протекающий в психике сновидицы. С овальной каменной плитой связан сон, который приснился пациентке спустя три месяца после упомянутого сновидения. В этом сне она видит:

"Четыре квадратные бетонные плиты с изображением круга на каждом из них. Они растрескались и разрушились. Раздается голос:—Это твои ошибочные взгляды на женственность. Они разрушены". Таким образом, овальный камень можно рассматривать как новый фундамент, заменивший старый, разрушенные плиты; это нечто, напоминающее *tabula rasa* (гладкая доска), на которой теперь может быть запечатлена подлинная идентичность пациентки. Наличие в сновидении символа крови Христа указывает на протекание существенно важного процесса, связанного с формированием центрального стержня пациентки. Как уже отмечалось, этот символ относится к феноменологии Самости, и его наличие в сновидении указывает на активацию сверхличностного центра индивидуальной идентичности, от которого в сферу сознательной личности устремляется значимый поток энергии.

На рисунке сновидения показано, что Христос дает кровь, а пишет Святой Дух. Это соответствует словам Христа: *"...лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель (Параклет) не придет к вам"* (Иоан., 16:7). Уход обеспечивает возможность экстрагирования крови, предоставляя независимому духу возможность свободно реализовать энергию индивидуации в своих отдельных проявлениях. Вероятно, особую роль здесь сыграло то, что пациентка была воспитана в духе католицизма и в то время, когда ей приснился упомянутый сон, находилась в процессе дистанцирования от своих проекций высшего авторитета церкви и ее догматов.

Ниже приводится описание сна, приснившегося молодому аспиранту. В детстве ему был поставлен ошибочный диагноз: болезнь сердца по причине функционального шума. В то время этот диагноз доставил ему немало тревог и привел к формированию устойчивой реакции страха перед видом крови или при возможности увидеть кровь. При исследовании этого симптома было установлено, что кровь символизирует различные формы аффекта и эмоциональной напряженности. Он боялся всех реакций сердца. После особенно острого проявления "комплекса крови", во время которого он приложил огромные усилия, чтобы не поддаться чувству страха и разобраться в своей тревожности, ему приснился следующий сон:

"Я нахожусь неподалеку от странного трехэтажного здания, которое я собираюсь осмотреть. Собравшись с духом, я спускаюсь в подвал, где находится очаровательный алтарь. Мое внимание тотчас привлекает светящийся символ над алтарем. Он состоит из креста, в центре которого помещается пульсирующее сердце. Некоторое время я стою, не в силах отвести от него взгляд. По-видимому, символ таит в себе немало значений. Покинув святилище, я решил еще раз взглянуть на странный крест. При входе в святилище я, к своему удивлению, обнаружил, что у дверей стоит католическая монахиня и в помещении полно молящихся". К описанию сновидения был приложен рисунок с изображением креста, на котором помещалось сердце

Это сновидение служит прекрасным примером устранения психического симптома благодаря постижению его архетипического смысла. Сновидение отождествляет комплекс крови (сердце) с Христом на кресте. В действительности пациент испытывает страх перед кровью Христа. Когда боязнь крови принимает религиозную или архетипическую форму, он теряет иррациональную природу и перестает быть симптомом. Вместо этого боязнь крови отражает реакцию на нуминозное, священный трепет, вызываемый сверхличностной реальностью Самости. Здесь речь идет не о неврозе, а об осознании религиозной стороны психического. Сновидение сообщает сновидцу, что его аффект и эмоциональная напряженность содержат священный материал и что, испытывая перед этим материалом страх и трепет, он не должен, как прежде, игнорировать или

отвергать его. Другими словами, невротическое, бессмысленное страдание теперь превратилось в осознанное, полное смысла страдание, которое рассматривается как не обходимый элемент глубокого процесса архетипической жизни, т.е. извлечение крови Христа.

На начальном этапе психоанализа человеку, который впоследствии стал психотерапевтом, приснился следующий сон:

"После определенных трудностей ему удалось поймать рыбу золотистого цвета. Его задача заключалась в экстрагировании крови из рыбы и в нагревании крови, пока не будет достигнута устойчивая текучесть. Опасность состояла в том, что при нагревании кровь нередко свертывается. Он занимался кипячением крови в лаборатории, когда старший по возрасту человек, "традиционалист", сказал ему, что ничего не получится, и кровь непременно свернется. Тем не менее, сновидец решил продолжить нагревание крови, поскольку знал, что у него все получится".

Символ рыбы имеет двойственную природу. С одной стороны, рыба является существом с холодной кровью, обитающим в глубинах, и поэтому олицетворяет бессознательную инстинктивность, свойственную дракону. С другой стороны, она служит символом Христа.

В апокрифической книге Тобита приведен миф об экстрагировании спасительной субстанции из рыбы. В этом мифе говорится о том, как герой Тобиас отправился в путь, чтобы жениться на Саре, побывавшей замужем семь раз. Каждый раз в брачную ночь новобрачного убивал демон, обитавший в спальне Сары. В дороге Тобиасу повстречалась большая рыба, которая выпрыгнула к нему из воды. Проводник Тобиаса Рафаил посоветовал ему извлечь из рыбы сердце, печень и желчный пузырь. Желчный пузырь необходимо было сохранить для иных целей, а сердце и печень предстояло сжечь в брачную ночь, чтобы изгнать демона, убившего предыдущих мужей Сары. Эта операция была успешно проведена. Тобиас остался в живых после женитьбы на Саре и получил от тестя приданое.

В мифе содержится важный символизм, указывающий на то, что индивид должен сделать, чтобы установить связь с бессознательным, не подвергнувшись при этом уничтожению. Конъюнкция осуществляется успешно только после поимки рыбы и экстрагирования ее сущности, которая превращается в спасительное вещество, аналогичное крови Христа. Короче говоря, это означает, что решение проблемы бессознательных влечений составляет необходимый этап на пути к осуществлению конъюнкции. В христианстве Христос изначально отождествлялся с рыбой (ichthys). Поэтому кровь рыбы есть также и кровь Христа. Вообще говоря, рыба может символизировать всю христианскую эру, эру Рыб, которая в настоящее время близится к концу. Следовательно, в самом широком смысле, извлечение крови рыб указывает на извлечение жизни и смысла из христианского учения в целом. Драгоценная психическая сущность отделяется от старой формы, в которой она содержалась. Сновидение показывает, что переход от старой формы к новой чреват опасностями. Кровь может свернуться. Другими словами, процесс отделения религиозного смысла жизни от ограничений традиционного христианства таит в себе опасность полной утраты сверхличностной ценности. Быть может, опасность свертывания крови, и приобретения определенной формы указывает на возможность преждевременного закрепления освобожденной сверхличностной энергии в узких, неадекватных категориях мышления и действия. В качестве примеров такого закрепления можно упомянуть различные формы слепой приверженности в сфере политики и социологии или мелкие проявления личностного изуверства и фанатизма, которые не способны вместить все величие и значение сверхличностной

энергии жизни. Тем не менее, сновидение предполагает успешное осуществление трансформации.

Резюмируя, можно сказать, что кровь Христа олицетворяет первичную силу самой жизни в ее проявлениях на психическом уровне, когда ее потенциальные возможности можно использовать как ради блага, так и ради зла. В качестве символа жидкой сущности Самости и всеобщности кровь Христа заключает в себе и примиряет противоположности. В случае проявления в виде огненного потока недифференцированной энергии она способна уничтожить оцепеневшее, неразвитое эго. С другой стороны, кровь Христа олицетворяет питающую, поддерживающую, связывающую и жизнеутверждающую энергию, которая, поступая из сверхличностного центра психического, поддерживает, оправдывает и узаконивает непрерывное существование личностного центра психического, эго. Она символизирует неподвластную времени сущность, которая поддерживает и наполняет смыслом существование личности во времени. Она есть столп вечности, на котором зиждется настоящий момент сознательного существования. Когда поток значимых образов, чувств или мотивационных энергий освобождает сознание от бесплодного, застойного или гнетущего существования, тогда можно утверждать, что вступил в действие архетипический динамизм, представленный кровью Христа. Все эти данные подтверждают реальность "спасительной силы", которая составляет существенное свойство крови Христа.

ГЛАВА 10. философский камень

О, Сыны Мудрости¹ Постарайтесь понять то, что говорит Камень:

Защищайте меня, и я буду защищать вас; воздайте мне, чтобы я помог вам.

ЗОЛОТОЙ ТРАКТАТ ГЕРМЕСА

1. ВСТУПЛЕНИЕ И ТЕКСТ

Представление алхимиков о философском камне как конечной цели алхимического процесса включает в себе богатый, сложный символ Самости. Некоторые могут задать вопрос, какую ценность для современной эмпирической психологии могут иметь фантазии алхимиков. На этот вопрос можно дать следующий ответ: фантазии алхимиков отражают на символическом уровне глубокие пласты бессознательного и предоставляют необходимые аналогии, помогающие нам понимать образы, возникающие в настоящее время при глубинном анализе индивидов. Психологическая наивность и некритичность позволили символическим образам проявляться без искажений. Эту мысль Юнг выражает следующим образом:

"Для того чтобы понять значение символа во всей его полноте, исследователь должен обратиться к тем периодам истории человечества, когда формирование символа происходило беспрепятственно, т.е. когда отсутствовала эпистемологическая критика структуры образов и, как следствие этого, неизвестные реальности могли проявляться в определенной зримой форме. Из таких периодов нам ближе всего период средневековой натурфилософии... Она достигла значительного развития в алхимии и алхимической философии".

В заключительной части своей работы "Mysterium Coniunctionis" Юнг отмечает следующее:

"Алхимия ...оказала мне бесценную услугу, предоставив в мое распоряжение материал, способный вместить мой опыт, и таким образом позволила мне описать, по крайней мере, существенные особенности процесса индивидуации".

Цель процесса индивидуации состоит в осознанном установлении связи с Самостью. Цель алхимического процесса нередко символизирует философский камень. Таким образом, философский камень служит символом Самости.

Фрагментарные описания природы и свойств философского камня разбросаны по всей обширной алхимической литературе. Для полного исследования феноменологии этого образа понадобится собрать все эти разбросанные материалы. Тем не менее, в настоящей главе я ставлю перед собой более скромную задачу, для выполнения которой мне удалось найти в одном оригинальном тексте довольно полное и подробное описание философского камня.

Я воспользуюсь текстом, который находится в пролегоменах к антологии трактатов по алхимии, изданных на английском языке под редакцией Элиаса Ашмола в 1652 году в Лондоне. В трактате сказано следующее:

"(1) (Минеральная разновидность философского камня) способна доводить посредством трансмутации любое несовершенное, земное вещество до высшей степени совершенства, т.е. превращать низменные металлы в совершенное золото и серебро, трансформировать обычные кремни в различные драгоценные камни (рубины, сапфиры, изумруды и бриллианты) и осуществлять великое множество аналогичных трансмутации. Но это составляет лишь малую толику тех благ, которые можно приобрести с помощью философского камня, когда известны все его достоинства. Золото, признаюсь, восхитительная вещь, прекрасная видимость; ...изготовление золота составляет основную цель деятельности алхимиков, хотя и редко имело какое-либо значение для древних философов; использовали это вещество лишь адепты нижней ступени посвящения.

(2) Ибо они возлюбили мудрость превыше всех мирских богатств и стремились к более возвышенным действиям. Вне сомнения, тому, кому открыты законы природы, доставляет радость не способность изготавливать золото и серебро, или подчинять своей власти демонов, а созерцание распахнутых небес, восхождения и нисхождения ангелов Божьих и запечатления имени своего в Книге Жизни.

(3) Далее идут растительный, волшебный и ангельский камни, которые не содержат частиц минерального камня ...ибо они изумительно искусны, и каждый из них отличается от других своим воздействием и природой, так как способны производить несколько действий и выполнять несколько задач. Вне сомнения, Адам (с отцами до потопа и после потопа), Авраам, Моисей и Соломон, сотворившие с их помощью немало чудес, так и не поняли их высшие качества, ни одного из них, ибо это ведомо лишь одному Богу, создателю всех вещей на небе и на земле, благословенному в веках.

(4) Ибо с помощью растительного (камня) можно в совершенстве постигать природу человека, животных, птиц, рыб, различных деревьев, растений, цветов и знать, как их производить и

побуждать к росту, цветению и плодоношению, как улучшать их цвет и запах когда угодно и где угодно в любое время года, и даже в разгар зимы...

(5) Кроме того, его мужскую часть, восходящую к солнечному достоинству и способную своим чрезмерным жаром сжигать и уничтожать любое существо и растение, смягчает своим крайним холодом (при немедленном применении) женская, лунная часть, способная, благодаря своему лунному свойству, привести в оцепенение и заморозить любое животное, если солнце тотчас не окажет ему помощь; ибо хотя они и созданы из одной природной субстанции, в действии они проявляют противоположные качества; и все же между ними происходит естественное взаимодействие, и то, что не способна сделать одна часть, способна сделать, и делает другая часть.

(6) Их внутренние достоинства не уступают внешним, ибо солнечная часть обладает ослепительным сиянием, что не всякий глаз человека способен вынести его; и если в темную ночь явить во внешнем лунную часть, птицы устремятся к ней (и станут летать вокруг нее), подобно мухам, летающим вокруг свечи, и их легко можно будет брать в руки...

(7) С помощью волшебного камня можно обнаружить местонахождение любого человека в любой части мира, как бы хорошо он ни схоронился в палатах, чуланах или пещерах, ибо и там он позволяет все тщательно исследовать. Одним словом, он представляет вашему взору весь мир, в котором вы можете увидеть или услышать все, что пожелаете. Более того, он позволяет человеку понимать язык живых существ, чириканье и щебетание птиц, мычание животных и т. д. Он способен одухотворить образ, который, благодаря наблюдению за влияниями небесных тел, становится истинным оракулом; но здесь нет ничего волшебного или дьявольского, ибо все происходит легко, естественно и по-настоящему.

(8) И последнее: ангельский камень настолько трудноуловим, что его невозможно ни увидеть, ни почувствовать, ни взвесить. Его можно попробовать только на вкус. Голос человека (который имеет некоторое сходство с этими трудно различимыми свойствами) не выдерживает с ним сравнения. Более того, сам воздух не так доступен для зрения, и, тем не менее (о, чудо!) камень способен вечно пребывать в огне без ущерба. Он обладает божественной, неземной, незримой силой и, что еще важнее, наделяет владельца божественными способностями. С помощью сновидений и откровений он дарует человеку способность видеть ангелов и беседовать с ними; ни один злой дух не осмеливается приблизиться к тому месту, где он пребывает. Ибо он есть квинтэссенция, в которой нет ничего тленного, элементы нетленны, и ни один дьявол не в силах поселиться там.

(9) С. Дансон называет его пищей ангелов, а другие—небесным причастием, деревом жизни; он, несомненно (второй, после Бога), способен дарить долголетие, ибо с его помощью тело человека оберегается от порчи и приобретает способность жить долгое время без пищи; кроме того, ставится под сомнение возможность смерти человека, который пользуется камнем. Что мне не нравится, так это размышлять над вопросом, почему владельцы камня, которые плотскими глазами видели проявления славы и вечности, должны желать жить вместо того, чтобы желать умереть, и наслаждаться благами достигнутой цели, вместо того, чтобы жить, довольствуясь теоретическими размышлениями.

10) Расис скажет вам, что в красном камне таится пророческий дар; ибо с его помощью (говорит он) философы предсказывали грядущие события. Петр Бонус утверждает, что они предсказывали

не в общих четах, а конкретно, и предвидели воскресение и воплощение Христа, день страшного суда и гибель мира в огне, но делали они это не иначе, как через интуитивное постижение своих действий.

(11) Резюмируя, можно сказать, что правильное и многостороннее применение первичной материи (ибо при всем многообразии достоинств в них проявляется один дух) позволяет постигнуть совершенство гуманитарных наук и всю мудрость природы. (И к этому я мог бы добавить, что) она таит в себе много больше удивительных вещей, ибо мы видели лишь малую толику из того, на что она способна.

(12) Тем не менее, существует слишком мало стволов деревьев, к которым можно было бы привить черенки этой науки. Ее тайны можно сообщить только адептам и тем, кто с колыбели посвятил свою жизнь служению у ее алтаря".

Автор этого текста Элиас Ашмол не занимался практической алхимией. Он был широко образованным ученым и проявлял особый интерес к алхимии и астрологии. По этим предметам ему удалось составить большое собрание книг и рукописей. Его отношение к алхимику Уильяму Блэк-хаусу проникнуто личным чувством. Алхимик признал в Ашмоле духовного сына. "Это было знаменательное событие в жизни Ашмола, поскольку он почувствовал свою причастность древней традиции истинных мудрецов".⁴ Спустя два года Блэкхаус, по-видимому, находясь на смертном одре, сообщил Ашмолу дальнейшие тайны. Ашмол записал в своем дневнике, что Блэкхаус сообщил ему в мельчайших подробностях истинное содержание философского камня, и эти сведения составили его духовное наследство.

Составленное Ашмолем описание философского камня, несомненно, представляет собой компиляцию свойств камня, описанных в многочисленных алхимических трактатах, с которыми он был знаком. Ашмол собрал все эти сведения и составил на их основе органическое целое, пропустив их через свое богатое воображение и придав им причудливое очарование благодаря своему стилю.

Ашмол описал философский камень так, словно речь идет о четырех различных камнях, которые он соответственно называет минеральным, растительным, волшебным и ангельским камнем. В соответствии с этими четырьмя категориями энергия камня имеет различные формы проявления. В нашем тексте это делается в целях описания. Но здесь заложен более глубокий смысл. В алхимии число четыре повсюду играет важную роль. Четверка считалась основным принципом упорядочения материи. В начале мира, еще до творения, не существовало ничего, кроме первичной материи, которая не имела формы, структуры и конкретного содержания. Все существовало в потенциальности и ничего в реальности. В акте творения четыре элемента—земля, воздух, огонь и вода—выделились из первичной материи. Дело выглядит так, словно на первичную материю был наложен крест, состоящий из четырех стихий, привнес в нее порядок и структуру и извлекая космос из хаоса.

Для получения философского камня необходимо вновь объединить четыре элемента в единстве квинтэссенции. Таким образом, первоначальное состояние целостности и единства первичной материи восстанавливается в философском камне на новом уровне. Эти идеи имеют немало сходства с процессом психологического развития, где, в частности, число четыре символизирует целостность. Четырехэлементная природа философского камня имеет непосредственное отношение к четырехэлементным изображениям мандалы Самости. В сущности, алхимические

изображения философского камня имеют форму мандалы. С психологической точки зрения, число четыре обычно соотносится с четырьмя психическими функциями: мышлением, чувствами, ощущениями и интуицией. Но такое понимание числа четыре не способно охватить весь спектр его значений. Например, четыре элемента невозможно отождествить с четырьмя функциями. Структурирующая модель четверицы проявляется в различных контекстах, чтобы упорядочить и дифференцировать опыт. Однако во всех случаях она указывает на осуществление и завершение.

Хотя Ашмол и упоминает четыре различных камня, проявления различных аспектов камня будут в дальнейшем рассматриваться как проистекающие из одного единого философского камня.

2.ТРАНСФОРМАЦИЯ И ОТКРОВЕНИЕ

Первый параграф текста начинается следующим образом:

"(1) (Минеральная разновидность философского камня) способна доводить посредством трансмутации любое несовершенное, земное вещество до высшей степени совершенства, т.е. превращать низменные металлы в совершенное золото и серебро и трансформировать обычные кремни и различные драгоценные камни (рубины, сапфиры, изумруды и бриллианты) и осуществлять великое множество аналогичных трансмутаций. Но это составляет лишь малую толику тех благ, которые можно приобрести с помощью философского камня, когда известны все его достоинства. Золото, признаюсь, восхитительная вещь, прекрасная видимость...; изготовление золота составляет основную цель деятельности алхимиков, хотя и редко имело какое-либо значение для древних философов; использовали это вещество лишь адепты нижней ступени посвящения".

С точки зрения алхимиков, металлы находящиеся в земле, претерпевают постепенное, естественное развитие. Такие неблагородные металлы, как свинец, считались неразвитыми, начальными формами металлов. В процессе постепенного естественного развития они превращаются в благородные металлы, золото и серебро. Алхимики считали, что с помощью своих методов они могут ускорить процесс естественного развития. Очевидно, что эта идея содержит проекцию на материю того факта, что естественное психологическое развитие стимулируется посредством сосредоточения внимания на психическом содержании и "разработки" такого содержания.

Золото и серебро считались "благородными" металлами, потому что они не подвержены порче, т.е. воздействию коррозии. Таким образом, они были носителями таких качеств, как неизменное постоянство и вечность. Точно так же и переживание Самости в процессе индивидуации передает эго характеристики надежной стабильности, которые понижают уровень его подверженности регрессивному распаду. Эти качества эго формируются на основе роста сознания и укрепления связи со сверхличностной или "вечной" стороной психического, которые составляют одну из существенных особенностей переживания Самости.

Превращение неблагородного вещества в золото может принять и неблагоприятный оборот, как, например, это показано в легенде о царе Мидасе. Боги выполнили его желание, чтобы все, к чему бы он ни прикоснулся, превращалось в золото, и тогда он с ужасом обнаружил, что его пища стала

несъедобной. В этой истории изображается состояние идентификации с философским камнем, которое неблагоприятно сказывается на жизни. Человек не может жить одними вечными истинами, он нуждается также и в хлебе, т. е. ему необходимо удовлетворять еще и личные, временные потребности.

В нашем тексте сказано, что философский камень превращает обычные кремни в драгоценные камни. Драгоценные камни олицетворяют ценности, предметы, которые высоко ценятся за их красоту и высокую стоимость. Кремни представляют собой обычное тусклое, но довольно твердое вещество. Они олицетворяют банальные, "повседневные" стороны жизни. С психологической точки зрения, эта способность философского камня относится к способности интегрированной личности разглядеть смысл и ценность в самом ординарном и даже неприятном событии. Точно также и в низших, "неблагородных" особенностях нашей личности можно разглядеть ценность. Изменение позиции восприятия вызывает трансформацию, поскольку красота помещается в глазу созерцателя.

В этот момент Ашмол чувствует себя обязанным сообщить нам, что изготовление золота и драгоценных камней составляет низшую из способностей философского камня. Хотя мы и рассматриваем его описание на символическом уровне. Ашмол воспринимает его буквально. Ашмол подобен ясновидцу, который описывает свой сон, находясь во сне, тогда как мы стараемся понять смысл его сна с точки зрения бодрствующего сознания.

В тексте сказано, что изготовление золота не входило в намерения древних философов. Это утверждение согласуется с широко распространенной в алхимических трактатах идеей, что "наше золото есть не обычное золото, а философское золото". Здесь приводит в замешательство то, что после этого высказывания авторы переходят к обсуждению использования печек, колб и физических процедур в лабораторных условиях. Этому можно дать только одно объяснение: у самих алхимиков отсутствовала ясность в этом вопросе. Они искали "философское" или духовное содержание в химическом процессе, и этот поиск был обречен на неудачу. И, тем не менее, несмотря на неудачу, алхимики оставили нам богатое наследство в виде символических материалов, которые описывают феноменологию процесса индивидуации.

Упоминание о древних философах затрагивает целую проблему значения термина "философский камень". Философ—это возлюбленный Софии, или Мудрости. Камень представляет одну из самых твердых форм вещества и указывает на прочность, постоянство и непреклонную реальность. Таким образом, философский камень символизирует нечто, похожее на конкретизированную или актуализированную мудрость. В частности, в "Aurors Con-surgens" мудрость, персонифицированная как Sapientia Dei, отождествляется с философским камнем. Тем не менее, философский камень означает нечто большее, чем мудрость для философов; философский камень также означает нечто большее, чем образ Христа, понимаемый в обычном, чисто духовном смысле. Здесь уместно привести замечание Юнга по поводу взаимосвязи между философским камнем и Христом, поскольку христианство заимствовало одностороннюю духовность философии Платона и стоиков: "...Несмотря на сходство с Христом, символ камня содержит элемент, который невозможно примирить с чисто духовными допущениями христианства. Само понятие "камня" указывает на специфическую природу этого символа. "Камень" составляет сущность всего прочного и земного. Он олицетворяет женскую материю, и поэтому это понятие вторгается в сферу "духа" и его символизма... Камень означал нечто большее, чем "воплощение" Христа, он олицетворял конкретизацию, "материализацию", которая достигала мрака неорганической сферы

или возникала из него, т.е. из той части божества, которая противопоставила себя Творцу... Поэтому можно предположить, что в алхимии была предпринята попытка осуществить символическую интеграцию зла, поместив божественную драму спасения в самого человека". В параграфе 2 сказано следующее:

(2) Ибо они возлюбили мудрость превыше всех мирских богатств и стремились к более возвышенным действиям. Вне сомнения, тому, кому открыты законы природы, доставляет радость не способность изготавливать золото и серебро или подчинять своей власти демонов, а созерцание распахнутых небес, восхождения и нисхождения ангелов Божьих и запечатление имени своего в Книге Жизни".

(3) Далее идут растительный, волшебный и ангельский камни, которые не содержат частиц минерального камня ...ибо они изумительно искусны, и каждый из них отличается от других своим воздействием и природой, так как способны производить несколько действий и выполнять несколько задач. Вне сомнения, Адам (с отцами до потопа и после потопа), Авраам, Моисей и Соломон, сотворившие с их помощью немало чудес, так и не поняли их высшие качества, ни одного из них, ибо это ведомо лишь одному Богу, создателю всех вещей на небе и на земле, благословенному в веках.

(4) Ибо с помощью растительного (камня) можно в совершенстве постигать природу человека, животных, птиц, рыб, различных деревьев, растений, цветов и знать, как их производить и побуждать к росту, цветению и плодоношению, как улучшать их цвет и запах когда угодно и где угодно в любое время года, и даже в разгар зимы...

(5) Кроме того, его мужскую часть, восходящую к солнечному достоинству и способную своим чрезмерным жаром сжигать и уничтожать любое существо и растение, смягчает своим крайним холодом (при немедленном применении) женская, лунная часть, способная, благодаря своему лунному свойству, привести в оцепенение и заморозить любое животное, если солнце тотчас не окажет ему помощь; ибо хотя они и созданы из одной природной субстанции, в действии они проявляют противоположные качества; и все же между ними происходит естественное взаимодействие, и то, что не способна сделать одна часть, способна сделать, и делает другая часть.

(6) Их внутренние достоинства не уступают внешним, ибо солнечная часть обладает ослепительным сиянием, что не всякий глаз человека способен вынести его; и если в темную ночь явить во внешнем лунную часть, птицы устремятся к ней (и станут летать вокруг нее), подобно мухам, летающим вокруг свечи, и их легко можно будет брать в руки...

(7) С помощью волшебного камня можно обнаружить местонахождение любого человека в любой части мира, как бы хорошо он ни схоронился в палатах, чуланах или пещерах, ибо и там он позволяет все тщательно исследовать. Одним словом, он представляет вашему зору весь мир, в котором вы можете увидеть или услышать все, что пожелаете. Более того, он позволяет человеку понимать язык живых существ, чириканье и щебетание птиц, мычание животных и т. д. Он способен одухотворить образ, который, благодаря наблюдению за влияниями небесных тел, становится истинным оракулом; но здесь нет ничего волшебного или дьявольского, ибо все происходит легко, естественно и по-настоящему.

(8) И последнее: ангельский камень настолько трудноуловим, что его невозможно ни увидеть, ни почувствовать, ни взвесить. Его можно попробовать только на вкус. Голос человека (который имеет некоторое сходство с этими трудно различимыми свойствами) не выдерживает с ним сравнения. Более того, сам воздух не так доступен для зрения, и, тем не менее (о, чудо!) камень способен вечно пребывать в огне без ущерба. Он обладает божественной, неземной, незримой силой и, что еще важнее, наделяет владельца божественными способностями. С помощью сновидений и откровений он дарует человеку способность видеть ангелов и беседовать с ними; ни один злой дух не осмеливается приблизиться к тому месту, где он пребывает. Ибо он есть квинтэссенция, в которой нет ничего тленного, элементы нетленны, и ни один дьявол не в силах поселиться там.

(9) С. Дансон называет его пищей ангелов, а другие—небесным причастием, деревом жизни; он, несомненно (второй, после Бога), способен дарить долголетие, ибо с его помощью тело человека оберегается от порчи и приобретает способность жить долгое время без пищи; кроме того, ставится под сомнение возможность смерти человека, который пользуется камнем. Что мне не нравится, так это размышлять над вопросом, почему владельцы камня, которые плотскими глазами видели проявления славы и вечности, должны желать жить вместо того, чтобы желать умереть, и наслаждаться благами достигнутой цели, вместо того, чтобы жить, довольствуясь теоретическими размышлениями.

(10) Расис скажет вам, что в красном камне таится пророческий дар; ибо с его помощью (говорит он) философы предсказывали грядущие события. Петр Бонус утверждает, что они предсказывали не в общих четах, а конкретно, и предвидели воскресение и воплощение Христа, день страшного суда и гибель мира в огне, но делали они это не иначе, как через интуитивное постижение своих действий.

(11) Резюмируя, можно сказать, что правильное и многостороннее применение первичной материи (ибо при всем многообразии достоинств в них проявляется один дух) позволяет постигнуть совершенство гуманитарных наук и всю мудрость природы. (И к этому я мог бы добавить, что) она таит в себе много больше удивительных вещей, ибо мы видели лишь малую толику из того, на что она способна.

(12) Тем не менее, существует слишком мало стволов деревьев, к которым можно было бы привить черенки этой науки. Ее тайны можно сообщить только адептам и тем, кто с колыбели посвятил свою жизнь служению у ее алтаря".

Автор этого текста Элиас Ашмол не занимался практической алхимией. Он был широко образованным ученым и проявлял особый интерес к алхимии и астрологии. По этим предметам ему удалось составить большое собрание книг и рукописей. Его отношение к алхимику Уильяму Блэк-хаусу проникнуто личным чувством. Алхимик признал в Ашмоле духовного сына. "Это было знаменательное событие в жизни Ашмола, поскольку он почувствовал свою причастность древней традиции истинных мудрецов".⁴ Спустя два года Блэкхаус, по-видимому, находясь на смертном одре, сообщил Ашмолу дальнейшие тайны. Ашмол записал в своем дневнике, что Блэкхаус сообщил ему в мельчайших подробностях истинное содержание философского камня, и эти сведения составили его духовное наследство.

Составленное Ашмолем описание философского камня, несомненно, представляет собой компиляцию свойств камня, описанных в многочисленных алхимических трактатах, с которыми он

был знаком. Ашмол собрал все эти сведения и составил на их основе органическое целое, пропустив их через свое богатое воображение и придав им причудливое очарование благодаря своему стилю.

Ашмол описал философский камень так, словно речь идет о четырех различных камнях, которые он соответственно называет минеральным, растительным, волшебным и ангельским камнем. В соответствии с этими четырьмя категориями энергия камня имеет различные формы проявления. В нашем тексте это делается в целях описания. Но здесь заложен более глубокий смысл. В алхимии число четыре повсюду играет важную роль. Четверка считалась основным принципом упорядочения материи. В начале мира, еще до творения, не существовало ничего, кроме первичной материи, которая не имела формы, структуры и конкретного содержания. Все существовало в потенциальности и ничего в реальности. В акте творения четыре элемента—земля, воздух, огонь и вода—выделились из первичной материи. Дело выглядит так, словно на первичную материю был наложен крест, состоящий из четырех стихий, привнес в нее порядок и структуру и извлекая космос из хаоса.

Для получения философского камня необходимо вновь объединить четыре элемента в единстве квинтэссенции. Таким образом, первоначальное состояние целостности и единства первичной материи восстанавливается в философском камне на новом уровне. Эти идеи имеют немало сходства с процессом психологического развития, где, в частности, число четыре символизирует целостность. Четырехэлементная природа философского камня имеет непосредственное отношение к четырехэлементным изображениям мандалы Самости. В сущности, алхимические изображения философского камня имеют форму мандалы. С психологической точки зрения, число четыре обычно соотносится с четырьмя психическими функциями: мышлением, чувствами, ощущениями и интуицией. Но такое понимание числа четыре не способно охватить весь спектр его значений. Например, четыре элемента невозможно отождествить с четырьмя функциями. Структурирующая модель четверицы проявляется в различных контекстах, чтобы упорядочить и дифференцировать опыт. Однако во всех случаях она указывает на осуществление и завершение.

Хотя Ашмол и упоминает четыре различных камня, проявления различных аспектов камня будут в дальнейшем рассматриваться как проистекающие из одного единого философского камня. Первый параграф текста начинается следующим образом:

"(1) (Минеральная разновидность философского камня) способна доводить посредством трансмутации любое несовершенное, земное вещество до высшей степени совершенства, т.е. превращать низменные металлы в совершенное золото и серебро и трансформировать обычные кремни и различные драгоценные камни (рубины, сапфиры, изумруды и бриллианты) и осуществлять великое множество аналогичных трансмутаций. Но это составляет лишь малую толику тех благ, которые можно приобрести с помощью философского камня, когда известны все его достоинства. Золото, признаюсь, восхитительная вещь, прекрасная видимость... изготовление золота составляет основную цель деятельности алхимиков, хотя и редко имело какое-либо значение для древних философов; использовали это вещество лишь адепты нижней ступени посвящения".

С точки зрения алхимиков, металлы находящиеся в земле, претерпевают постепенное, естественное развитие. Такие неблагородные металлы, как свинец, считались неразвитыми, начальными формами металлов. В процессе постепенного естественного развития они превращаются в благородные металлы, золото и серебро. Алхимики считали, что с помощью

своих методов они могут ускорить процесс естественного развития. Очевидно, что эта идея содержит проекцию на материю того факта, что естественное психологическое развитие стимулируется посредством сосредоточения внимания на психическом содержании и "разработки" такого содержания.

Золото и серебро считались "благородными" металлами, потому что они не подвержены порче, т.е. воздействию коррозии. Таким образом, они были носителями таких качеств, как неизменное постоянство и вечность. Точно так же и переживание Самости в процессе индивидуации передает эго характеристики надежной стабильности, которые понижают уровень его подверженности регрессивному распаду. Эти качества эго формируются на основе роста сознания и укрепления связи со сверхличностной или "вечной" стороной психического, которые составляют одну из существенных особенностей переживания Самости.

Превращение неблагородного вещества в золото может принять и неблагоприятный оборот, как, например, это показано в легенде о царе Мидасе. Боги выполнили его желание, чтобы все, к чему бы он ни прикоснулся, превращалось в золото, и тогда он с ужасом обнаружил, что его пища стала несъедобной. В этой истории изображается состояние идентификации с философским камнем, которое неблагоприятно сказывается на жизни. Человек не может жить одними вечными истинами, он нуждается также и в хлебе, т. е. ему необходимо удовлетворять еще и личные, временные потребности.

В нашем тексте сказано, что философский камень превращает обычные кремни в драгоценные камни. Драгоценные камни олицетворяют ценности, предметы, которые высоко ценятся за их красоту и высокую стоимость. Кремни представляют собой обычное тусклое, но довольно твердое вещество. Они олицетворяют банальные, "повседневные" стороны жизни. С психологической точки зрения, эта способность философского камня относится к способности интегрированной личности разглядеть смысл и ценность в самом ординарном и даже неприятном событии. Точно так же и в низших, "неблагородных" особенностях нашей личности можно разглядеть ценность. Изменение позиции восприятия вызывает трансформацию, поскольку красота помещается в глазу созерцателя.

В этот момент Ашмол чувствует себя обязанным сообщить нам, что изготовление золота и драгоценных камней составляет низшую из способностей философского камня. Хотя мы и рассматриваем его описание на символическом уровне. Ашмол воспринимает его буквально. Ашмол подобен ясновидцу, который описывает свой сон, находясь во сне, тогда как мы стараемся понять смысл его сна с точки зрения бодрствующего сознания.

В тексте сказано, что изготовление золота не входило в намерения древних философов. Это утверждение согласуется с широко распространенной в алхимических трактатах идеей, что "наше золото есть не обычное золото, а философское золото". Здесь приводит в замешательство то, что после этого высказывания авторы переходят к обсуждению использования печек, колб и физических процедур в лабораторных условиях. Этому можно дать только одно объяснение: у самих алхимиков отсутствовала ясность в этом вопросе. Они искали "философское" или духовное содержание в химическом процессе, и этот поиск был обречен на неудачу. И, тем не менее, несмотря на неудачу, алхимики оставили нам богатое наследство в виде символических материалов, которые описывают феноменологию процесса индивидуации.

Упоминание о древних философах затрагивает целую проблему значения термина "философский камень". Философ—это возлюбленный Софии, или Мудрости. Камень представляет одну из самых твердых форм вещества и указывает на прочность, постоянство и непреклонную реальность. Таким образом, философский камень символизирует нечто, похожее на конкретизированную или актуализированную мудрость. В частности, в "Aurors Con-surgens"⁶ мудрость, персонифицированная как Sapientia Dei, отождествляется с философским камнем. Тем не менее, философский камень означает нечто большее, чем мудрость для философов; философский камень также означает нечто большее, чем образ Христа, понимаемый в обычном, чисто духовном смысле. Здесь уместно привести замечание Юнга по поводу взаимосвязи между философским камнем и Христом, поскольку христианство заимствовало одностороннюю духовность философии Платона и стоиков: "...Несмотря на сходство с Христом, символ камня содержит элемент, который невозможно примирить с чисто духовными допущениями христианства. Само понятие "камня" указывает на специфическую природу этого символа. "Камень" составляет сущность всего прочного и земного. Он олицетворяет женскую материю, и поэтому это понятие вторгается в сферу "духа" и его символизма... Камень означал нечто большее, чем "воплощение" Христа, он олицетворял конкретизацию, "материализацию", которая достигала мрака неорганической сферы или возникала из него, т.е. из той части божества, которая противопоставила себя Творцу... Поэтому можно предположить, что в алхимии была предпринята попытка осуществить символическую интеграцию зла, поместив божественную драму спасения в самого человека".

В параграфе 2 сказано следующее:

"(2) Ибо они возлюбили мудрость превыше всех мирских богатств и стремились к более возвышенным действиям. Вне сомнения, тому, кому открыты законы природы, доставляет радость не способность изготавливать золото и серебро или подчинять своей власти демонов, а созерцание распахнутых небес, восхождения и нисхождения ангелов Божьих и за-печатление имени своего в Книге Жизни".

По своей тональности этот параграф напоминает следующий фрагмент из "Алхимического музея":

"Не утруждайте себя вопросом, действительно ли я владею этим бесценным сокровищем. Вместо этого следует вопрошать, видел ли я, как был создан мир, ведома ли мне тьма египетская, какова причина появления радуги, как будут выглядеть прославленные тела при всеобщем воскресении..."⁸

В обоих фрагментах придается важное значение переживанию Откровения.

В нашем тексте содержится три ссылки на Библию. В главе 28 "Книги Бытия" сказано, что Иакову приснился следующий сон: "Вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божий восходят и нисходят по ней".

Как уже отмечалось, лестница Иакова символизирует ось эго-Самость (рис. 56). Восходящие и нисходящие ангелы соответствуют алхимическим процессам сублимации и коагуляции.⁹ С психологической точки зрения сублимация представляет собой процесс возвышения конкретных, личных переживаний до более высокого уровня, уровня абстрактной или всеобщей истины. В отличие от сублимации, коагуляция представляет собой конкретизацию или личностную реализацию архетипического образа. Для того чтобы восходящие и нисходящие ангелы приобрели зримые очертания, необходимо увидеть взаимопроникновение мира эго и

архетипической психики. Это состояние Блейк описал в следующих строках: Чтобы увидеть мир в песчинке И небо в диком цветке,

Необходимо удержать бесконечность на ладони И вечность в часе.

Интересно отметить, что камень имеет непосредственное отношение к сновидению Иакова. Он использовал один из камней в качестве изголовья, и, проснувшись, понял, что место сие "не иное что, как дом Божий, это врата небесные", поставил его памятником. По мнению Юнга, камень Иакова, отмечающий место, где сходятся вместе "высшее" и "низшее", можно рассматривать как равнозначный философскому камню.¹⁰

Вторая библейская ссылка в рассматриваемом тексте относится к "Евангелию от Луки" (10:19-20), где Иисус говорит своим 70 апостолам: "Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам; однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах". Третья библейская ссылка—это термин "книга жизни", который употребляется в "Откровении Иоанна Богослова" (20:15): "и кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное".

В главе VI мы рассматривали психологическое значение запечатления имени индивида "на небесах" или в "книге жизни". Здесь имеется в виду осознание индивидом того, что его индивидуальность или личностная идентичность имеет сверхличностное, априорное происхождение и оправдание своего бытия. Если употребить популярный термин, то можно сказать, что такое осознание приводит к положительному разрешению "кризиса идентичности" и позволяет понять состояния, связанные с переживаниями отчужденности, никчемности и неполноценности.

В тексте сказано, что философский камень обладает способностью открывать сокровища. Он раскрывает "все законы природы", обнажает связи между личностной и сверхличностной (землей и небом) сторонами психического и показывает, что личностное эго имеет под собой "метафизическое" основание, а следовательно, и неоспоримое право на существование во всей своей неповторимости. Эти проявления имеют немало общего с последствиями встречи с символами Самости, которые проявляются в сновидениях или в фантазиях при проведении курса психотерапии.

В качестве примера приведем описание сна, приснившегося молодой женщине, у которой была проблема с отчуждением:

"Ночью на ступеньку моего крыльца положили ребенка, сироту. Мне показалось, что его пуповина уходила в небо. Обнаружив это, я почувствовала полное удовлетворение. Я поняла свою цепь в жизни". Пуповина, достигающая неба, несомненно, символизирует ось эго-Самость. Тема сироты возникает при описании философского камня. В Боллингене Юнг вырезал на обратной стороне каменной мандалы следующие слова, заимствованные из трактата алхимиков, посвященные философскому камню:

"Я сирота; я одинок; тем не менее, я нахожусь повсюду, я един, но я нахожусь в оппозиции по отношению к себе. Я одновременно и молод и стар.

Я не знал ни отца, ни матери, потому что меня вытащили из глубин, как рыбу, или потому, что я упал с неба, как белый камень. Я брожу среди лесов и гор, но я сокрыт в сокровенной части души человека. Я смертен для каждого, но, тем не менее, я не подвластен кругу времен". Затем в тексте говорится следующее:

"(3) Далее идут растительный, волшебный и ангельский камни, которые не содержат частиц минерального камня ...ибо они изумительно искусны, и каждый из них отличается от других своим воздействием и природой, так как способен производить несколько действий и выполнять несколько задач. Вне сомнения, Адам (с отцами до потопа и после потопа), Авраам, Моисей и Соломон, сотворившие с их помощью немало чудес, так и не поняли их высшие качества, ни одного из них, ибо это ведомо лишь одному Богу, Создателю вещей на небе и на земле, благословенному в веках".

Суть этого параграфа состоит в том, что Адам и другие герои древности были обладателями философского камня. Это общее для алхимических трактатов допущение, в частности, объясняет то долголетие, которым наслаждались в древности патриархи. В иудейско-христианском мифе древние патриархи изображены почти как полубожественные предки. Они поддерживали непосредственную связь с источником бытия. Бог беседовал с ними и делился своими помыслами. Они олицетворяют вечные, архетипические фигуры, которые продолжают жить в раю. Здесь уместно провести психологическую аналогию, которая состоит в том, что переживания Самости нередко окружены аурой глубокой старины. Одна из особенностей феноменологии Самости состоит в ее вневременном, вечном и, следовательно, древнем достоинстве. Она вызывает у индивида ощущение причастности многовековому процессу, который придает относительный характер невзгодам настоящего времени.

3. ПРИНЦИП ПЛОДОРОДИЯ

Далее в тексте сказано следующее:

"(4) Ибо с помощью растительного (камня) можно в совершенстве постигать природу человека, животных, рыб, различных деревьев, растений, цветов и знать, как их производить и побуждать к росту, цветению и плодоношению, как улучшать их цвет и запах когда угодно и где угодно и притом не на мгновение, а каждый день, каждый месяц, каждый год, в любое время года, и даже в разгар зимы..."

Здесь камень охарактеризован как принцип роста и плодородия. Эта особенность философского камня соответствует словам Христа: "Я пришел для того, чтоб имели жизнь, и имели с избытком". (Иоан., 10:10). Несомненное отождествление Христа с принципом плодородия содержится в апокрифической легенде о бегстве в Египет. По пути в Египет Иосифу, Марии и Иисусу повстречался земледелец, убравший пшеницу. Младенец Иисус взял пригоршню семян и бросил подле дороги. Семена тотчас проросли, созрели и достигли готовности для жатвы. Едва Иосиф со своей семьей успел спрятаться в высокой пшенице, как появились воины Ирода, посланные на их поиск. "Ты видел мать с ребенком?"—спросил воин. "Да,—ответил земледелец—я видел ее, когда убирал пшеницу". "Должно быть, это было много месяцев тому назад",—сказали воины Ирода и ушли".

Озирис также символизирует принцип жизни и плодородия. В египетском погребальном тексте сказано следующее: Я есть растение жизни, Которое появляется из Озириса, Растет на ребрах Озириса, Позволяет людям жить, Делает богов божественными, Одухотворяет духов... Укрепляет конечности живого. Я живу, как зерно пшеницы, жизнь живого... Я есть жизнь, возникающая из Озириса!

В древности принцип плодородия вызывал появление множества обрядов, в которых немаловажную роль играл сексуальный символизм, поскольку сексуальность, несомненно, служит источником жизни и позволяет Природе использовать человека в качестве средства достижения своих сверхличностных целей. Таким образом, чрево, грудь и пенис вполне пригодны для использования в качестве символов принципа самой жизни, который, как сказано в тексте, производит на свет все формы жизни и знает, "как их производить и побуждать к росту, цветению и плодоношению".

С психологической точки зрения способность камня стимулировать рост связана с тем, что Самость является источником (fons et origo) психического существования. Либи́до или психическая энергия проявляются в жизни, росте и плодородии. Эта особенность камня связана с алхимическим символизмом *benedicta viriditas*, благословенной зелени, которая ассоциируется с Афродитой, духом произрастания и Святым Духом.

Плодородное свойство философского камня нередко отражается в сновидениях. Например, молодому человеку, который переживал переходный возраст своей жизни и обращал слишком пристальное внимание на сверхличностную энергию, приснилось, что во время прогулки проросла сочная и зеленая трава в тех местах, где ступала его нога. Другому человеку приснился следующий сон:

"Я увидел мужчину с феноменально длинным пенисом. Он был молод, но, тем не менее, как мне показалось, был моим дедушкой. Пенис походил на трубу и состоял из секций. Для обеспечения удобства в передвижении он снимал секции и носил их в специальном ящичке". В этом персонаже без труда можно распознать одну из особенностей Самости, поскольку он одновременно и молод и стар, т.е. выходит за пределы категории времени. Такие парадоксальные термины нередко употребляют для описания философского камня. Огромный пенис относится к принципу созидания или плодородности, который составляет предмет нашего исследования. Величина пениса, существенно превышающая обычные человеческие пропорции, указывает на его архетипическую или сверхличностную природу. Тот факт, что он составлен из секций и имеет искусственное происхождение, ассоциируется с фаллосом возрожденного Озириса. После расчленения Озириса не найден был только один фрагмент его тела—первоначальный пенис. Поэтому Изиды заменила его искусственным, деревянным фаллосом, с помощью которого и был зачат Гор. Оплодотворение с помощью деревянного фаллоса составляет странное, нечеловеческое явление. Косвенным образом оно указывает на сверхличностный процесс, неподвластный пониманию человека и эго. Быть может, здесь имеется в виду не конкретная реальность, а психическое оплодотворение с помощью символического образа.

4. ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Далее в тексте сказано следующее:

"(5) Кроме того, его мужскую часть, восходящую к солнечному достоинству и способную своим чрезмерным жаром сжигать и уничтожать любое существо и растение, смягчает своим крайним холодом (при немедленном применении) женская, лунная часть, способная благодаря лунному свойству, привести в оцепенение и заморозить любое животное, если солнце тотчас не окажет ему помощь; ибо хотя они и созданы из одной природной субстанции, в действии они проявляют противоположные качества; и все же между ними происходит естественное взаимодействие, и то, что не способна сделать одна часть, способна сделать, и делает другая часть".

Здесь речь идет о том, что философский камень объединяет две противоположные сущности — горячую мужскую солнечную часть и холодную женскую лунную часть. Эта точка зрения соответствует мысли, на которой столь подробно остановился Юнг, а именно: Самость воспринимается и символически отображается как союз противоположностей. Философский камень нередко характеризуют как союз солнца и луны (*coniunctio*). Этот парадокс нашел отражение на многих алхимических изображениях (рис. 60 и 61).

В тексте также описаны отрицательные и опасные свойства, которые демонстрирует каждая из этих частей, когда действует самостоятельно. Предоставленная самой себе, солнечная часть оказывает деструктивное воздействие, благодаря избытку тепла и энергии. Это вызывает воспоминание о втором задании Психеи в мифе об Амуреи Психее. Венера велела Психее принести клоч шерsti от особой отары овец с золотым руном. Возле реки рос дружелюбно расположенный к Психее тростник, который дал ей следующий совет:

"...в этот час нельзя подходить к этим страшным овцам. Ибо они заимствуют у ярко горящего солнца страшную жару и приходят в такое неистовство, что дают выход ярости, уничтожая людей своими острыми рогами, твердыми, как камень, лбами, а иногда и ядовитыми укусами... Но... (когда) спадет жара полуденного солнца и ласковый ветерок убаюкает животных ...когда пройдет безумие и успокоится гнев, тогда отправляйся к вон той рожице, стряхни листву с кустов, и ты найдешь золотое руно, зацепившееся за кривые ветви".

Нойманн отмечает, что "готовые разорвать все и всех золотые бараны солнца символизируют архетипически непреодолимую мощь духовного, мужского начала, перед которым не в силах устоять женское (эго)". Вообще говоря, Нойманн рассматривает миф об Амуре и Психее с точки зрения женской психологии. Разумеется, женщина наименее защищена от деструктивных воздействий односторонней солнечной силы. Тем не менее, эта проблема касается и мужчины.

С психологической точки зрения, деструктивность одностороннего солнечного элемента философского камня имеет как внутреннее, так и внешнее проявление (в виде проекции). Внешнее проявление деструктивности воспринимается как обжигающее воздействие пламенного аффекта другого индивида. Внутреннее проявление деструктивности имеет место, когда индивид отождествляет себя с пламенным гневом, возникающим из сферы бессознательного, или оказывается во власти такого гнева. Оба проявления приводят к психическим травмам, на исцеление которых уходит много времени. В умеренных или смягченных дозах солнечное либидо способствует творчеству, жизни и плодотворной деятельности, тогда как односторонняя избыточность солнечного либидо оказывает пагубное воздействие на психическую жизнь.

В тексте сказано, что встреча с лунной частью философского камня также приводит к разрушительным последствиям, так как ее крайний холод "вызывает оцепенение и замораживает". Классический пример способности отрицательного женского принципа вызывать

оцепенение и парализовывать волю содержится в мифе о Медузе Горгоне. Каждый, кто осмелится бросить взгляд на нее, превращается в камень. Эго мужчины наименее защищено от таких воздействий. Например, мне рассказали о случае, происшедшем с молодым ученым, который увлеченно занимался каким-то важным исследованием. Однажды к нему в лабораторию пришла его мать. Окинув взглядом лабораторию, она уничижительно отозвалась о занятиях молодого ученого. Это замечание настолько подействовало на него, что в течение нескольких дней он не мог по-прежнему заниматься исследованиями. Его либидо "оцепенело и заморозилось". Он испытал облегчение только тогда, когда в сферу сознания вторглось раздражение, вызванное сложившимся положением дел, т.е. когда солнечный элемент философского камня нейтрализовал одностороннее воздействие лунного элемента.

Оцепенение и замораживание, вызываемые лунным элементом, составляют крайние формы проявления способности женского принципа стимулировать коагуляцию. Женский принцип Эроса побуждает духовные образы и влечения, свободно воспаряющие над землей, установить связь с личностной, конкретной реальностью. При значительном удалении от такой реальности встреча с женским началом производит на эго столь же парализующее впечатление, как и падение на землю.

Тем не менее, иногда приносит несомненную пользу осознание того, что травмирующие воздействия опасной лунной силы и деструктивной солнечной силы составляют особенности философского камня. При восстановлении сил посредством устранения травмирующих последствий встречи с одной из этих сил индивиду помогает сохранить ясность психологической ориентации и перспективы знание того, что причиной его страданий является сам философский камень. Тот, кто ищет философский камень, непременно и неоднократно становится жертвой одного из частных проявлений философского камня. Эти события составляют алхимические операции, которые постепенно приводят индивида к трансформации. Но эти операции мы осуществляем на нас самих. Мы испытываем на себе воздействия кальцинирования солнечным огнем или вызывающей оцепенение коагуляцией лунной силы. При таком оцепенении полезно знать, что обе силы участвуют в осуществлении более масштабного и значимого процесса.

В следующем параграфе упоминаются положительные качества солнечного и лунного элемента философского камня:

"(6) Их внутренние достоинства не уступают внешним, ибо солнечная часть обладает настолько ослепительным сиянием, что не всякий глаз человека способен вынести его; и если в темную ночь явить во внешнем лунную часть, птицы устремятся к ней (и станут летать вокруг нее), подобно мухам, летающим вокруг свечи, и их легко брать в руки". Положительное свойство солнечного принципа мужского, духовного сознания проистекает из его способности порождать свет. Благодаря силе такого света все становится ясным, сияющим и прозрачным. Восприятие этой стороны Самости характеризуется нуминозностью и, как правило, сопровождается появлением символов света—яркими образами, сияющими ликами, нимбами и т. д. В Джемс отмечает повторяемость световых феноменов, которые он называет фотизмами, в переживаниях, связанных с обращением в религиозную веру. В "Многообразии религиозного опыта" он приводит описание такого случая:

"Неожиданно сияние славы Божьей опустилось и чудесным образом окружило меня... Несказанный свет засиял в моей душе и поверг меня ниц... По своей яркости этот свет ни в чем не уступал солнцу. Он был слишком ярк для глаз... Мне кажется, что посредством реального

переживания мне удалось в какой-то мере понять тот свет, который поверг ниц Павла на пути в Дамаск (рис. 23). Я не мог бы долго глядеть на такой свет".¹⁶ При проведении психоанализа иногда возникают менее значимые световые восприятия, которые ассоциируются с характерными для сновидений образами. Примеры таких образов можно найти в серии сновидений, опубликованных Юнгом в части II "Психологии и алхимии". В частности, в этой серии световые образы упоминаются в сновидениях 7,19 и 20. Восприятие этих образов свидетельствует о расширении границ сознания и понимания. Здесь происходит встреча с одной из особенностей Самости, которая производит на индивида неизгладимое впечатление. Тем не менее, характерные символы целостности не находят ясного отображения, поскольку конструируется только одна сторона Самости.

Далее в тексте упоминаются положительные свойства лунной части философского камня. Очень трудно передать словами психологическое значение луны. Эрик Нойманн проделал замечательную работу в своей статье "О луне и матриархальном сознании",¹⁷ которую я хотел бы предложить вниманию читателя. В этой статье он пишет следующее:

"Творческий процесс осуществляется не под палящими лучами солнца, а при прохладном отраженном свете луны, когда мрак сознания достигает полноты; время размножения—это ночное время, а не дневное. Для размножения необходимы темнота, покой, таинственность, безмолвие и скрытность. Поэтому луна—царица жизни и роста, она противодействует смертоносному солнцу. Влажное ночное время—это не только время сна, но и исцеления, восстановления сил... В ночной темноте или при свете луны возрождающая сила бессознательного выполняет свое предназначение, как некую тайну, заключенную в тайне, и делает она это самостоятельно, в силу своей природы и без помощи "головного" эго".¹⁸ В тексте сказано, что лунная часть философского камня привлекает ночью птиц и побуждает их охотно признать свое пленение. Таким образом, олицетворяя неуловимые интуиции или духовные возможности, птицы попадают в сферу реальности под воздействием лунной формы бытия, которую так замечательно описал Нойманн. Кроме того, здесь была упомянута тема приручения дикого животного. Эта тема перекликается с темой единорога, которого можно укротить на коленях девы (рис. 62). В алхимии единорог символизировал Меркурия, неуловимого духа. В одном из трактатов единорог превращается в белого голубя, который также символизирует Меркурия и Святого Духа.¹⁹ Таким образом, дева, способная укротить единорога, синонимична лунной части философского камня, которая побуждает птиц добровольно идти в неволю. Эти образы относятся к определенной установке, которая формируется под воздействием лунной или июньской (Инь) особенности Самости, способной установить связь между необузданными, свободными, но и недисциплинированными побуждениями реальности и подчинить их требованиям трансперсональной всеобщности личности. Укрощение дикого своеволия рассматривается как нечто самодостаточное. Для мужчины эту задачу нередко выполняет реальная женщина. Она должна быть непорочной в символическом смысле этого слова (см. работу Э. Хардинг),²⁰ т.е. она должна принадлежать самой себе и выполнять роль независимого женского существа, неподвластного воздействиям мужских установок

В алхимии единорог, которого держит на коленях дева, ясно ассоциировался с мертвым Христом на коленях девы Марии. Эта тема затрагивает идею воплощения Логоса в этом симюлизме. Воплощение составляет одну из особенностей коагуляции. Алхимики занимались проблемами коагуляции, пленения или фиксации неуловимого духа Меркурия. Один из способов решения этой проблемы показан на алхимических изображениях. Он состоял в том, чтобы пригвоздить

подвижного змея к дереву или к кресту, как это было сделано с Христом. Дерево и крест являются женскими символами и поэтому отождествляются с коленями непорочной девы или с лунной особенностью философского камня. Эти образы не поддаются поверхностному объяснению, но они, несомненно, имеют непосредственное отношение к реализации психического как конкретной сущности, которая возникает в сфере плодотворного, партикуляризированного существования под воздействием лунного свойства философского камня.

5. ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ

В параграфе 7 говорится следующее:

"(7) С помощью волшебного камня можно обнаружить местонахождение любого человека в любой части мира, как бы хорошо он ни схоронился в палатах, чуланах или пещерах, ибо и там он позволяет все тщательно исследовать. Одним словом, он представляет вашему взору весь мир, в котором вы можете увидеть все, что пожелаете. Более того, он позволяет человеку понимать язык живых существ, чириканье и щебетание птиц, мычание животных и т. д. Он способен одухотворять образ, который, благодаря наблюдению за влияниями небесных тел, становится истинным оракулом; но здесь нет ничего волшебного или дьявольского, ибо все происходит легко, естественно и по-настоящему". Ничто не в силах укрыться от философского камня, все открыто для него. Он всевидущ. В этом отношении философский камень равнозначен всевидящему оку Бога. В четвертом и пятом видении пророка Захарии содержится интересная аналогия с нашим текстом. В четвертом видении Захария видит камень и на камне этом семь очей (Книга пророка Захарии, 3:9). В пятом видении он видит золотой светильник с семью лампадами. Ангел говорит ему: "Это очи Господа, которые объемлют взором всю землю" (Книга пророка Захарии, 4:10). Юнг утверждает, что некоторые алхимики интерпретировали эти фрагменты, соотнося их с философским камнем²² Семь очей Господа соответствуют сферам семи планет, а в алхимии — семи металлам. Они олицетворяли семь ступенек на лестнице трансформации.

В древнем Египте око Божье занимало видное место среди религиозных образов. В погребальной молитве сказано следующее: "Я есть всевидящее око Гора, чей вид вселяет ужас; я есть владычица Убийц, могучая устрашительница". Этот фрагмент отражает обычную установку эго, которая формируется при восприятии ока Божия. Эта установка характеризуется тревожностью, при которой индивид боится, что его неосознанные грехи будут обнаружены и осуждены. Поскольку ничто не в силах укрыться от философского камня, он воспринимается как угроза каждому, кто старается уклониться от полного самосознания. Философский камень способен видеть все, потому что он символизирует полную интегрированную личность, которая не имеет скрытых отдельных сторон. По этой же причине он позволяет понимать язык птиц и животных. Эта способность отражает интуитивную, инстинктивную мудрость человека. Образ всевидящего ока Божия указывает на существование единого источника сознания (видения) в сфере бессознательного. Кроме того, он косвенно указывает на явления синхронии. Глаз как круг иногда составляет особенность мандалы.

Например, Боллингеновский камень Юнга имеет форму глаза с изображением *pupillus* (*Telesphorus*) в зрачке - Око Божье служит наглядной иллюстрацией к высказыванию "*Vocatus atque non vocatus Deus aderit*".

И последнее: в этом параграфе сказано, что философский камень способен "одухотворять образ, который, благодаря наблюдению за влияниями небесных тел, становится истинным оракулом". С психологической точки зрения, одухотворение образа относится к способности бессознательного выражать неясное, недифференцированное настроение или аффект в каком-либо конкретном образе фантазии. Это явление составляет предмет наших поисков при использовании метода активного воображения. Для включения в сферу сознания неосознанного содержания нематериальное должно облечься в материю, невоплощенное или, точнее, пока еще невоплощенное, должно пройти процесс воплощения. Для того чтобы дух стал содержанием сознания, его необходимо загнать в определенную форму. Это составляет одну из особенностей алхимической операции, которая называется коагуляцией. Сновидения так же выполняют эту функцию, как и активное воображение, и иные формы проявления имажинативной креативности. В нашем тексте сказано, что трансформацию духа в образ осуществляет философский камень. Это согласуется с древним высказыванием, что сны приходят от Бога. Другими словами, способность психического создавать образы имеет своим источником сверхличностный центр, Самость, и не является функцией эго.

К.А. Мейер приводит описание сновидения, которое имеет несомненное сходство с нашим текстом:

"Я лежу на ложе; справа от меня, возле головы, находится драгоценный камень, вставленный в кольцо. Камень обладает способностью создавать любые образы, которые я хочу увидеть в живом виде..." Ложе ассоциируется у Мейера с (dine) кушеткой, на которой спал пациент, когда он посетил древний храм Асклепия в надежде, что ему будет ниспослан целительный сон. Он рассматривает драгоценный камень как символ Самости и утверждает, что "в прорицаниях он также выполняет функцию хрустального шара, т.е. выполняет роль "янтры" (магический формулы), предназначенной для визуализации бессознательных содержаний".

В тексте также сказано, что образ становится оракулом, когда устанавливается связь между ним и влиянием небесных тел. Небесные тела, как планетарные факторы, относятся к сверхличностным силам, архетипам коллективного бессознательного. В сущности, это означает, что индивид получает доступ к пророчеству, т.е. к мудрости, неподвластной пониманию эго, когда воспринимает способность бессознательного создавать образы в контексте осмысления архетипической стороны психического. В параграфе 8 сказано следующее:

"(8) И последнее: ангельский камень настолько трудно уловим, что его невозможно ни увидеть, ни почувствовать, ни взвесить. Его можно попробовать только на вкус. Голос человека (который имеет некоторое сходство с этими трудно различимыми свойствами) не выдерживает с ним сравнения. Более того, сам воздух не так доступен для зрения, и, тем не менее (о, чудо!) камень способен вечно пребывать в огне без ущерба. Он обладает божественной, неземной, незримой силой и, что еще важнее, наделяет владельца божественными способностями. С помощью сновидений и откровений он дарует человеку способность видеть ангелов и беседовать с ними; ни один злой дух не осмеливается приблизиться к тому месту, где он пребывает. Ибо он есть квинтэссенция, в которой нет ничего тленного, элементы нетленны, и ни один дьявол не в силах поселиться там".

Здесь также идет речь о парадоксальной природе философского камня. Он настолько невидим, рассеян и разрежен, что мы не имеем иной возможности воспринимать его, кроме как на вкус. С

другой стороны, он—камень, настолько прочный и неизменный, что даже вечный огонь не может сокрушить его. Тема камня, который не есть камень, восходит к греческой алхимии. Рутланд говорит, что "камень, который не есть камень, является субстанцией, непоколебимой в своей эффективности и добродетели, но не по своей сущности".

Философский камень символизирует центр и всеобщность психики. Поэтому парадоксальная природа камня соответствует парадоксальной природе самой психики. Мы говорим о реальности психики, но многие ли способны "различить на вкус" ее реальное присутствие? Если бы часто упоминаемый "обычный человек" прочитал эту главу, разве он подумал бы, что я рассуждаю о чем-то реальном? Вероятно, нет. Большинство тех, кто считают психологию своей профессией, не осознают реальность психики. Реальность психики рассматривается как поведение, обусловленное неврологическими рефлексам или химией клетки, но здесь нет психики как таковой. Как сказано в тексте, "его невозможно ни увидеть, ни почувствовать, ни взвесить". Психическое не существует для тех, кто способен воспринимать реальность только таким образом. Только те, кто в силу своего развития или благодаря своей психогенетической симптоматике воспринимает реальность психики, действительно знают, что, хотя она и неосознаема, тем не менее, она "непоколебима в своей эффективности". Полное осознание этой реальности наступает в результате реализации процесса индивидуации.

Далее в тексте сказано, что "с помощью сновидений и откровений он (философский камень) дарует человеку способность видеть ангелов и беседовать с ними. Здесь рассматривается вышеупомянутая способность философского камня создавать образы. Контакт с Самостью приводит к осознанию сверхличностных значений, которые в данном случае символизируются ангелами.

В заключительной части параграфа сказано, что ни один злой дух не осмеливается приблизиться к камню, "ибо он есть квинтэссенция, в которой нет ничего тленного". С психологической точки зрения, злой дух или демон представляет отторгнутый комплекс с автономным динамизмом, который способен подчинить своей власти эго. Стабильность его существования обеспечивается репрессивной установкой эго, которая не признает отторгнутое содержание и не интегрирует его в состав личности как целостной сущности. Осознание Самости и требований всей личности устраняют условия, при которых могут выжить автономные комплексы. Квинтэссенция составляет пятый, единый элемент, который возникает в результате объединения четырех элементов. Она соответствует целостной личности, которая в равной мере уделяет внимание всем четырем функциям. Есть что-то сатанинское в своевольных действиях отдельной функции, которая не поддается модификации и корректированию со стороны других функций. Эту мысль Юнг выражает следующим образом:

"Мефистофель олицетворяет сатанинский аспект каждой психической функции, которая освободилась от иерархии всей психики и теперь пользуется независимостью и абсолютной властью". Как и Христос, философский камень изгоняет демонов, т.е. частные свойства личности, которые стремятся узурпировать власть целого.

6. ДУХОВНАЯ ПИЩА И ДЕРЕВО ЖИЗНИ

Далее в тексте сказано следующее:

"(9) С Данстон называет его пищей ангелов, а другие—небесным причастием, деревом жизни; он, несомненно (второй после Бога), способен дарить долголетие, ибо с его помощью тело человека оберегается от порчи и приобретает способность жить долгое время без пищи; кроме того, ставится под сомнение возможность смерти человека, который пользуется камнем. Что мне не нравится, так это размышлять над вопросом, почему владельцы камня, которые плотскими глазами видели проявления славы и вечности, должны желать жить вместо того, чтобы желать умереть, и наслаждаться благами достигнутой цели вместо того, чтобы жить, довольствуясь теоретическими размышлениями". Этот параграф содержит несколько идей, которые нуждаются в уточнении. Камень называется "пищей ангелов". Принято считать, что ангелы не нуждаются в пище. Тем не менее, их состояние можно сравнить с состоянием духов усопших, которые повстречались Одиссею в подземном мире. Для того чтобы вызвать духов, ему пришлось принести в жертву двух овец и пролить их кровь, которая должна была привлечь духов, жаждущих крови. Этот интересный образ показывает, каким образом либидо должно изливаться в бессознательное, чтобы активизировать его. Очевидно, нечто в этом роде происходит и с ангелами, они нуждаются в пище философского камня, чтобы явиться человеку. Пища символизирует коагуляцию. Отсюда можно заключить, что вечная, ангельская сфера конкретизируется или приобретает черты временного существования через осознание Самости.

Термин "пища ангелов" имеет аналогии и в Священном Писании. По поводу манны, ниспосланной с небес израильтянам в пустыне, Мудрость (16: 20) говорит; "Ты давал пищу ангелам, неустанно ниспосылая им с неба хлеб, уже готовый, доставляющий всем усладу и удовлетворяющий всякий вкус". В данном случае "пища ангелов" равнозначна "хлебу с неба", о котором упоминается в главе VI Евангелия от Иоанна, когда Иисус сказал: "Я есмь хлеб жизни; приходящий ко мне не будет алкать и верующий в Меня не будет жаждать никогда" (Иоан., 6:35). В католической литургии используются эти тексты в качестве указания на Евхаристию, которая приводит нас к следующей характеристике камня.

Камень также называется "небесным причастием". Здесь имеется в виду Евхаристия, во время которой священник причащал умирающего. Слово *viaticum* первоначально обозначало деньги на путевые расходы или дорожный запас продовольствия. Оно происходит от слова *via*, дорога или путь. Таким образом, здесь можно говорить о путешествии умирающего из этого мира на небо. Эта же нота смерти звучит и в параграфе, в котором Ашмол задает себе вопрос, почему владелец философского камня должен хотеть продолжать жить. Отсюда можно заключить, что камень несет миру нечто, похожее на смерть, т. е. обеспечивает устранение проекций.

Камень как предсмертное причастие предполагает его отождествление с телом Христа, приуготованным посредством пресуществления в таинстве мессы. В начале XVI века алхимик Мельхиор разъяснил это сравнение. Он описал алхимический процесс в виде мессы, в которой роль священника, совершающего богослужение, была отведена алхимику. Юнг дополнил работу Мельхиора, приводя немало других примеров склонности алхимиков отождествлять философский камень с Христом.³ Здесь речь идет о начальной стадии реализации принципа индивидуации, основанного на первичности субъективного опыта. Принцип индивидуации присваивает себе и ассимилирует центральную ценность доминирующей в коллективе религиозной традиции. В настоящее время такие же отношения сложились между аналитической психологией и религией. Тем, для кого традиционные религиозные формы утратили смысл, аналитическая психология предлагает новый контекст для осмысления сверхличностных символов. Этот контекст соответствует наиболее развитым сторонам современного сознания.

Философский камень также называется "деревом жизни". Это название связано со вторым деревом в саду Едемском. Когда Адам вкусил от дерева знания добра и зла, он был изгнан из сада Едемского, "как бы не простер он руки своей и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно" (Быт., 3:22). С этих пор дерево жизни стал охранять херувим и пламенный меч обращающийся. Отсюда можно заключить, что камень должен соответствовать какому-то предмету, возле которого некогда находился человек, который вынужден был расстаться с этим предметом, придя к сознанию (осознанию противоположностей, знанию добра и зла). Аналогичным образом складываются отношения между индивидом и Самостью. Как отмечалось в Части I, нарождающееся эго первоначально содержится в сфере бессознательной Самости, первичной всеобщности, которую Нойманн назвал уроборосом. При возникновении эго происходит болезненное расставание сознания с бессознательной целостностью и непосредственным отношением к жизни, которое символизирует дерево жизни. В таком случае конечной целью психического развития становится восстановление утраченного состояния первоначальной целостности, но на сей раз уже на уровне сознательной реализации.

Философский камень нередко характеризуется как трансцендентальное дерево (рис. 66). Таким образом устанавливается связь между камнем и символизмом Мирового Древа или Космического Древа. Христос считался вторым Адамом, и поэтому его крест рассматривался как второе дерево, дерево жизни. Один из алхимиков описывает философский камень следующим образом:

"В силу одного только сходства, а не по существу, философы уподобляют свой материал золотому дереву с семью ветвями, полагая, что оно заключает в своем семени семь металлов и что они сокрыты в нем. По этой причине они называли его живым. Вещество камня вызывает появление красивых красок, когда производит на свет цветы, подобно тому, как обычные деревья производят на свет цветы, когда наступает время цветения".

В современных сновидениях и рисунках появляются странные деревья, которые производят глубокое впечатление. В своем эссе "Философское дерево" Юнг приводит ряд примеров таких деревьев. В разгар переходного периода (когда решалась проблема устранения переноса) пациенту приснилось, что на землю падает огромное дерево, издавая пронзительный, неестественный звук. Это сновидение имеет интересную аналогию в тексте, в котором философский камень описан в виде перевернутого дерева:

"Корпи его из драгоценных металлов находятся в воздухе, а вершина в земле. Когда их отрывают от своих мест, слышен ужасный звук и наступает великий страх"

Философское дерево способно претерпевать смерть и возрождение, подобно Фениксу. Из этого сновидения явствует, что вся личность сновидца претерпевала трансформацию, характерную для психологического развития.

7. ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Далее в тексте сказано следующее:

"(1.0) Расис скажет вам, что в красном камне таится пророческий дар; ибо с его помощью (говорит он) философы предсказывали грядущие события. Петр Бонус утверждает, что они предсказывали

не в общих чертах, а конкретно, и предвидели Воскресение и воплощение Христа, день Страшного Суда и гибель мира в огне, но делали они это не иначе, как через интуитивное постижение своих действий".

Способность камня к прорицанию означает, что он связан со сверхличностной реальностью, неподвластной категориям времени и пространства. Эта способность соответствует явлению, которое Юнг назвал синхронией. Один из способов проявления синхронии состоит в значимом соответствии между сновидением или иным психическим переживанием и некоторым будущим событием. В специальном эссе Юнг приводит ряд примеров синхронии. Наиболее часто явления синхронии наблюдаются при активизации архетипического уровня психического и производят нуминозное воздействие на субъект восприятия. В частности, в тексте упоминается предвидение таких событий, как судный день, Воскресение и воплощение Христа. Эти события, несомненно, имеют сверхличностный, и даже космический характер. Отсюда можно заключить, что философский камень передает знания о сверхличностной структуре, или упорядочении вещей, которая присуща самому мирозданию и неподвластна структурирующим принципам сознания эго, а именно, пространству, времени и причинной обусловленности.

Юнг рассматривает сверхличностный принцип упорядочения как самодостаточный смысл и приводит описание нескольких косвенно связанных с ним сновидений. Приведем описание одного из таких сновидений: "Сновидец находился в дикой гористой местности, где обнаружил прилегающие слои триасовых отложений. Освободив щеки горной породы, он, к своему удивлению, увидел на них барельеф из человеческих голов". Термин "триасовый" употребляется для обозначения геологического периода, который существовал за 200 миллионов лет до появления человека. Отсюда можно заключить, что в сновидении содержится пророчество о появлении человека. Другими словами, существование человека было predetermined или запрограммировано в неорганическом субстрате мира.

Однажды пациент рассказал мне аналогичный сон: *"Сновидец обследовал морскую пещеру в поисках привлекательных камней, отполированных приливами. К своему удивлению, он наткнулся на совершенную фигурку Будды, которая, по его мнению, была создана естественными силами моря"*.

Такие сновидения свидетельствуют о том, что predetermined порядок, смысл и само сознание присущи мирозданию. Достаточно понять эту идею, чтобы феномен синхронии перестал удивлять. Не менее знаменательным в обоих сновидениях является то, что человеческая форма была запечатлена на камне силами природы. По моему мнению, оба сновидения имеют непосредственное отношение к философскому камню, тому камню, который, как сказано в тексте, обладает способностью прорицания.

"(11) Резюмируя, можно сказать, что правильное и многостороннее применение первичной материи (primamateria) (ибо при всем многообразии достоинств в них проявляется один дух) позволяет постигнуть совершенство гуманитарных наук и всю мудрость природы. И к этому я могу добавить, что она таит в себе много больше удивительных вещей, ибо мы видели лишь малую толику из того, на что она способна". В тексте термин "первичная материя" впервые употребляется как синоним философского камня, причем это сделано в том месте, где рассматриваются различные и многообразные свойства камня. На первый взгляд может показаться, что здесь конец перепутан с началом. Первичная материя составляет исходное, первое вещество, которое должно быть подвергнуто продолжительной обработке, чтобы, в конечном счете, превратиться в

философский камень, составляющий цель алхимической деятельности. Но такие неясности в равной мере характерны и для алхимического мышления, и для символизма бессознательного.

В описании первичной материи подчеркиваются ее вездесущность и множественность. Говорят, что она имеет "столько названий, сколько существует вещей". Действительно, в семинаре по алхимии Юнг упоминает названий первичной материи, и это отнюдь не исчерпывает весь перечень. Несмотря на многообразие ее проявлений, в трактатах утверждается, что, в сущности, она составляет единство. Эта же мысль подчеркивается и в нашем тексте: "при всем многообразии достоинств в них проявляется один дух". Таким образом, составляя цель процесса, философский камень имеет такое же многообразие в единстве, как и первичное вещество в начале процесса. Различие между ними состоит в том, что теперь мы имеем камень, т. е. конкретную, неразрушимую реальность. Быть может, здесь знаменательно то, что в предпоследнем параграфе описания цели упоминается начало алхимического процесса. Отсюда можно заключить, что цикл пришел к завершению, завершение составляет новое начало в вечном круговороте, и философский камень, подобно Христу, есть альфа и омега.

С психологической точки зрения, тема единства и множественности приводит к проблеме интегрирования конфликтующих фрагментов личности индивида. В этом и состоит суть психотерапевтического процесса. Этот процесс ставит своей целью привести индивида к восприятию своего единства, но побуждение к реализации такого восприятия проистекает из единства, которое априорно и постоянно присутствовало в самом индивиде. Из нашего текста явствует, что для продолжения жизни однажды достигнутое единство должно вновь вторгаться в сферу нового множества. Здесь уместно привести слова Шелли:

Единое пребывает, множество изменяется и уходит; Небесный свет сияет вечно, земные тени улетают; Жизнь, подобно своду из цветного стекла, Окрашивает белое сияние вечности...

В заключительной части нашего текста сказано следующее:

(12) Тем не менее, существует слишком мало стволов деревьев, которым можно было бы привить черенки этой науки. Ее тайны можно сообщить только адептам и тем, кто с колыбели посвятил свою жизнь служению у ее алтаря".

Этот фрагмент подтверждает правильность моего наблюдения, которое постепенно оформилось в моем сознании. По моему мнению, дальше всех продвигаются на пути индивидуации те индивиды, которые в детстве испытали значимое и поистине судьбоносное переживание бессознательного. Замечательным примером таких переживаний служат детские переживания Юнга. В детстве нередко бывает так, что несоответствие требованиям окружающих или адаптационные проблемы ребенка, или и то и другое вызывают у ребенка чувства одиночества и неудовлетворенности, которые возвращают его к самому себе. Такое возвращение вызывает приток либидо в сферу бессознательного, которое таким образом активизируется и начинает формировать символы и образы ценностей, способствующие укреплению поставленной под угрозу индивидуальности ребенка. У ребенка нередко появляются тайные места и личные занятия, которые он считает исключительно своим достоянием; они укрепляют чувство его достоинства по отношению к вероятной враждебности окружающих. Хотя такие переживания не понимаются сознательно или даже неправильно понимаются и считаются ненормальными, они оставляют у индивида ощущение, что его личностная идентичность имеет сверхличностный источник поддержки. Таким образом, они сеют семена благодарности и приверженности

источнику своего бытия, которые в полной мере будут осознаны лишь в более зрелые годы жизни.

В тексте сказано, что эту науку можно преподавать лишь немногим. Действительно, знание архетипической психики доступно немногим. Оно проистекает из внутренних субъективных переживаний, о которых весьма трудно сообщить другим людям. Тем не менее, реальность психики ищет подтверждений своему существованию. Философский камень служит символом этой реальности. Образы, группирующиеся вокруг этого символа, обладают целительной способностью. Они отражают силу источника и всеобщности бытия индивида. Его проявление в психотерапевтическом процессе неизменно оказывает конструктивные и интегрирующие воздействия. Поистине это драгоценная жемчужина.

Этот символ развивался на протяжении пятнадцати веков. Он обогащался, благодаря деятельности бесчисленных подвижников, оказавшихся во власти его божества. В основном они трудились в одиночестве, без поддержки какого-либо учреждения. Их подстерегали внутренние и внешние опасности. С одной стороны, существовали алчные правители и охотники за еретиками, а с другой, существовали опасности одиночества и вызванная одиночеством активизация бессознательного. Сама история свидетельствует о силе философского камня (lapis philosophorum), способной поставить себе на службу энергию многих талантливых людей. Этот великий символ, наконец, стал доступен современному пониманию.